

Август 1922 год ПОСЛЕ РАССЕЛЕНИЯ

КФСЛ Квебек

Система Кашалот

"Вы не серьезно!"

У женщины на дисплее коммандера Винсента Каприотти были платиновые волосы и темная кожа. Это была поразительная комбинация, и она была настолько фотогеничной, что он подозревал, что в этом довольно много биоскульптуры. Политики, как правило, считают физическую привлекательность ценным активом - более ценным, по мнению Каприотти, чем простая компетентность. С другой стороны, президент системы Кашалот Мириам Янке достаточно продемонстрировала свою компетентность в течение сорока лет политической карьеры.

И, в этот момент, ярость, вспыхнувшая в ее карих глазах, осветила ее привлекательность почти так же, как молния освещает грозу.

Или, может быть, ураган.

"Боюсь, что я вполне серьезен, мадам Президент", - сказал он в ответ, затем сел и стал ждать шестиминутной задержки связи.

В настоящий момент ОГ 783 находилась на расстоянии почти 56 000 000 километров от планеты Орка, чуть более чем в десяти световых минутах внутри гиперлимита системы Кашалот, приближаясь к планете со скоростью 18119 км/с и замедляясь с 300 g. Учитывая эту геометрию, они достигнут орбиты Орки через час и сорок минут, и их разведывательные платформы кишели внутри системы в течение последних пары часов. УРФ неохотно признал, что системы скрытности были еще одной областью, в которой манти каким-то образом получили внушительное преимущество, но никто не был достаточно хитрым, чтобы скрыть военные корабли - даже с полностью выключенными приводами - от орды дронов, которых он послал ускоряться впереди своих судов.

А это значит, что нет абсолютно никаких причин, по которым я не смогу осуществить операцию Флибустьер... черт ее побери, мрачно подумал он. Скорее всего, мы будем первой оперативной группой, которая выполнит ее, а это значит, что я попаду в чертовы учебники истории. Я не думаю, что мне это понравится.

По крайней мере, это также означало, что не понадобится Парфянский выстрел - и не будет никаких возможных оправданий для него. У них будет достаточно времени для упорядоченной эвакуации, и слава Богу за это!

Он ждал, чтобы быть уверенным, что так и будет - и пока задержка связи не будет по крайней мере почти приемлемой - прежде чем связаться с офисом Янке и сказать ей, почему он здесь. Ее ответ был в значительной степени таким, как он ожидал.

"У вас нет для этого разумного оправдания!" - отрезала она теперь с его дисплея. "Это явно незаконная акция против независимой и нейтральной звездной системы! Она нарушает, по крайней мере, полдюжины межзвездных договоров - договоров Солнечной Лиги, подтвержденных и гарантированных - и все мыслимые каноны межзвездного права!"

Все это было абсолютно правдой... и не могло ничего сделать с его приказами, подумал Каприотти.

"Мне очень жаль, что вы так чувствуете, мадам Президент," - сказал он. "И, говоря как человек, а не как офицер флота Солнечной Лиги, я понимаю, почему вы это чувствуете. Я глубоко сожалею о приказах, которые мне дали, но у меня нет другого выбора, кроме как выполнить их, и я намерен это сделать. В то же время в моих приказах подчеркивается жизненно важное значение минимизации возможных необязательных потерь". Что также было правдой, пока не предполагался Парфянский выстрел. "Вот почему я говорю с вами сейчас, чтобы сообщить вам, что у вас есть семьдесят два часа для завершения эвакуации упомянутой инфраструктуры".

Он подождал, пока его слова дойдут до нее, и увидел выражение ее лица, когда это произошло. Если бы она могла достать до него в этот момент, она бы разорвала ему горло голыми руками, подумал он.

"Эта система поддерживала теплые и сотруднические отношения с Солнечной Лигой с того момента, как Лига была создана," - сказала она ему резко. "Все эти века мы всегда были дружественным соседом вашей звездной нации. И мы, конечно, не участвовали ни в какой агрессии против Лиги! Мы не солариане, мы не мантикорцы, и мы были строго нейтральны. У нас даже нет флота, только системные полицейские силы! То, что вы предлагаете, является не только явно незаконным, но и злодеянием, совершенным против жизненной основы моей звездной системы!"

Она была совершенно права, подумал он. Не то чтобы он намеревался признать, что отсутствие у Кашалота военно-морского флота было одной из главных причин, по которой его отправили сюда.

"Мадам Президент, я готов признать, что вы не были военными участниками агрессии так называемого Большого Альянса против Солнечной Лиги", - сказал он.

Он знал, что говорит для записи, что весь этот разговор, вероятно, попадет на публичные обсуждения по всей Лиге, и заставил себя говорить спокойно, размеренно и, прежде всего, разумно. Это было трудно, потому, что то, что он действительно чувствовал, было горьким стыдом. Но он был старшим офицером ФСЛ, и у него были свои приказы.

"Хотя вы, возможно, и не помогали мантикорцам и их союзникам в военном отношении, - продолжил он, - вы, несомненно, помогли и поощряли их другими способами. Как хорошо известно вашему правительству, Мантикора начала свою кампанию против Солнечной Лиги своим вопиюще незаконным вмешательством в свободу астронавигации и соларианскую экономику. По сути, Мантикора вооружила межзвездную торговлю и направила ее против Солнечной Лиги из-за отказа моего правительства просто остаться в стороне и поощрять ее грубый, необузданный империализм нашей пассивностью. И, мадам Президент, ваша звездная система перенесла практически всю свою торговлю в Мантикору и другие звездные нации, которые, по их собственному заявлению, сейчас активно воюют с Лигой".

"Это вряд ли является беспристрастно нейтральными действиями, и у моего правительства нет другого выбора, кроме как рассматривать активное сотрудничество с незаконными режимами, убившими сотни тысяч соларианских военнослужащих и мирных граждан, как акт агрессии".

Он прямо смотрел в глаза Янке, хотя оба они знали, насколько слабой была связь между реальностью и тем, что он только что сказал.

"Солнечная Лига не получает удовольствия от уничтожения собственности, и мое правительство хорошо понимает экономические трудности, которые это создаст для людей вашей звездной нации", - продолжил он тоном непримиримого сожаления, заполняя задержку передачи "темами для разговоров", которыми его снабдили флот и министерство иностранных дел. Если бы он дал ей возможность ответить, она, вероятно, указала бы, что версия коммерческой войны Мантикоры означала, что Звездная Империя и ее союзники были единственными людьми, с которыми Кашалот мог торговать в данный момент, а его хозяева никогда не разрешили бы иметь это как часть официальной записи, не так ли?

"Однако ясно, что Мантикора охвачена империализмом, как экономическим, так и территориальным. Не довольствуясь командным положением, который она уже занимала, она теперь намерена обеспечить диктаторский контроль над экономической жизнью всей обитаемой галактики. Солнечная Лига не может - и не будет - позволять ни одной звездной нации обрести такую власть, контроль и принуждение над ее звездными системами и их гражданами. И, поскольку очевидно, что грубая агрессия и экономическое доминирование являются единственными языками, которые понимает "Звездная Империя", у Лиги нет другого выбора, кроме как ответить на нее по-своему. Как бы я ни сожалел о миссии, которая привела меня в вашу звездную систему, ваше соучастие в нападении Мантикоры на Солнечную Лигу не оставило моему правительству никакой другой альтернативы".

"Еще раз я сообщаю вам, что у вас есть семьдесят два часа, чтобы организовать эвакуацию вашей орбитальной инфраструктуры. Очевидно, я также должен настаивать на сдаче вооруженных кораблей вашего Системного патруля. Вице-адмирал Анжелика Хелланд, мой начальник штаба, свяжется с командиром Системного патруля, чтобы организовать эту сдачу как можно более мирно и организованно. Я уверен, что представил вам множество неприятных решений и действий. Опять же, я сожалею о необходимости сделать это, но я оставляю вас разбираться с ними. Я свяжусь с вами снова, когда мой флагман выйдет на орбиту Орки. Каприотти, конец связи".

Он нажал клавишу, чтобы выключить свой комм, и повернул свое кресло, чтобы посмотреть на коммодора Энтони, офицера связи его штаба.

"Пока я не свяжусь с ней снова, я недоступен, Роджер", - сказал он. Брови Энтони слегка приподнялись, и по выражению его лица было видно, что он не надеется отразить неизбежные настойчивые требования Янке поговорить с Каприотти. Но коммодор только кивнул.

Каприотти кивнул в ответ, затем повернулся к основному дисплею, в то время, как Квебек и остальная часть оперативной группы замедлялись, двигаясь к Орке. Он наблюдал за движущимися иконками и думал, какая часть его недоступности проистекает из требований пиара и психологических военных аспектов Флибустьера... и какая вытекает из стыда. Он вспомнил свои слова капитану Тимберлейк в их первом обсуждении оперативных приказов, и они отдались горечью на его языке. Не для этого он пошел во Флот, но если он должен сделать это, то он, черт возьми, сделает это.

"Мы готовы, сэр," - тихо сказал Лян-гау Рутгерс.

Каприотти молча кивнул. Он стоял, сложив руки за спиной, глядя на дисплей флагманского мостика. Он был настроен на визуальное отображение, показывая ему четкую перспективу планеты Орка и массивной орбитальной инфраструктуры вокруг нее.

Кашалот заселялся в течение длительного времени, но это была не лучшая недвижимость в известной галактике. Несмотря на относительную тусклость системной звезды, чья яркость была меньше четырнадцати процентов солнечной, близкая орбита Орки - планетарный год длился менее трех Т-месяцев - давала среднюю температуру, значительно превышающую температуру Старой Земли. Его тропическая зона была практически необитаемой, а ее осевой наклон составлял всего девять градусов, что означало минимальные сезонные колебания даже за пределами практически невыносимых тропиков. Однако в его умеренных зонах жило почти пять миллиардов человек... и еще три миллиарда в орбитальных жилищах.

Так много людей превратятся в непримиримых ненавистников, подумал он.

По крайней мере, в Кашалоте выбрали более четкое разделение между промышленными платформами и поселениями, чем в большинстве звездных систем. Вероятно, это произошло потому, что многие с самого начала предпочитали контролируемый климат орбитальных поселений, а не планету. Это означало, что жилые районы выросли еще до того, как развилась промышленная база, и их разделение защитило орбитальное население от промышленных аварий, которые могли иметь неблагоприятные последствия. Это должно было создать проблемы передвижения для большей части их рабочей силы, но они явно считали, что это того стоило, и их строительные нормы и правила официально закрепляли разделение уже несколько веков.

Конечно, они никогда не ожидали такой "промышленной аварии", как нашествие Флибустьера.

Они все-таки потеряют одно орбитальное поселение - и дома более пяти миллионов их жителей - в любом случае. Просто не было никакого способа разрушить промышленный потенциал платформы Сиеста Три, не уничтожив все поселение. Еще три главных орбитальных поселения должны были получить значительный ущерб, но команды уничтожения Рутгерса были уверены, что жилые участки останутся невредимыми.

Не настолько уверены, чтобы Янке - или я - собирались оставить этих людей на месте, когда начнутся взрывы. Каприотти мысленно фыркнул. Намного легче быть "уверенным" в чужих домах, подумал он жестоко.

Даже без таких мелких соображений разрушение платформ на орбите Орки без создания катастрофических ударов обломков как по планете, так и по оставшимся местам обитания само по себе было нетривиальной задачей. Платформы пояса Снэппера, расположенные более, чем в пятидесяти световых минутах от звезды, были гораздо более простым предприятием. 644 000 жителей Снэппера просто массово переместят на поверхность Орки, и дюжина эсминцев Каприотти уничтожит всю инфраструктуру пояса с помощью целенаправленных пусков ракет. Однако, ближе к планете это было невозможно, и он рассматривал линейные крейсера, расположенные вокруг первой из целей Рутгерса.

"Очень хорошо, Лян-тау," - наконец вздохнул он. "Выполняйте."

"Да, сэр".

Каприотти остался на месте, воочию наблюдая, как линейные крейсера подняли клинья своих импеллеров. Три основные платформы - два производственных центра и одна из шести основных грузовых платформ Орки - оставались четко видны с более отдаленной орбиты Квебека. Однако активированные клинья полностью закрыли их с трех сторон, отсекая непосредственное визуальное наблюдение с поверхности планеты или любых других близких к планете мест обитания или космических станций Орки.

"Детонация через пятнадцать секунд... начали," - сказал Рутгерс позади него. "Пятнадцать... десять... пять... четыре... три... два... один..."

Ядерные заряды взорвались одновременно, яркими вспышками, от которых заболели глаза. Это должно быть чисто психосоматическим, подумал Каприотти, даже моргнув от яркости. В конце концов, дисплей автоматически регулировал их интенсивность быстрее, чем на это могли бы реагировать простые органические нервы. Может быть, он просто знал, как они должны были выглядеть для незащищенного глаза.

Даже ядерный взрыв не мог полностью испарить несколько миллиардов тонн космической станции. Вот почему он поместил клинья импеллеров своих линейных крейсеров, чтобы перехватить любые обломки. Они будут стоять там, пока он не будет уверен, что ничто не сможет добраться до Орки или любой другой платформы. Затем они перейдут к следующим целям в своем списке.

Он постоял еще пятнадцать секунд, глядя в то место, где из космоса только что были стерты результаты двух тысяч лет инвестиций - и средств к существованию 1,7 миллиона человек. Затем он глубоко вздохнул и посмотрел через плечо на свой штаб.

"Держите меня в курсе, особенно о любых полях осколков," - сказал он. "Я буду в своей каюте."

"Конечно, сэр", - ответила вице-адмирал Хелланд за весь штаб.

Он кивнул им и молча вышел с флагманского мостика.

Башня Хиллари Индракаши Енкатешвара

Город Старый Чикаго

Солнечная Система

Солнечная Лига

"Это причина, по которой Ирен и мне нужен был кто-то вроде вас, Нацуко," - сказал Дауд аль-Фанудахи с глубоким удовлетворением. "Мы не знали бы, как найти что-то подобное!"

"Ну, не думайте, что мы действительно нашли то, что, как мы все думаем, нашли," - ответила лейтенант-полковник Окику. Аль-Фанудахи стоял, заглядывая через ее плечо, в то время как она сидела за одним из столов в офисе, который стал их частной штаб-квартирой. Она показала рукой на дисплей перед ней. "У нас есть много доказательств коррупции всех этих людей, но Бог знает, что всегда есть коррупция - ее тонны - здесь, в Солнечной системе. Так что все еще возможно, что мы видим связи, которых не существует. Или связи, которые существуют, но не те, о которых мы думаем, во всяком случае".

"Понятно". Аль-Фанудахи кивнул. "То же самое случается и у нас. Одна из вещей, которую труднее всего избежать - и которая кусает сейчас флот прямо за задницу, если на то пошло - это зеркальное изображение. Интерпретация того, что делает другой, через призму того, как вы это делаете. Если их операционные предположения различны, их решения и действия тоже будут разными, и сложно оставить свои фундаментальные концепции за дверью".

"С этим есть некоторое сходство," - призналась Окику. "Хотя есть и некоторая разница с точки

зрения полицейского. Это не столько наши "фундаментальные концепции", сколько наши усилия оценить чужие мотивы, когда мы не можем просто открыть окно и заглянуть в их головы. Мы много знаем о том, что делают эти люди сейчас; но мы должны быть осторожны, предполагая, что знаем, почему они это делают".

"И для кого они это делают", - кисло вставил Брайс Тарковский. Аль-Фанудахи посмотрел на него, и высокий морской пехотинец, один из основателей группы Окику, которую окрестили Охотниками за Призраками, пожал плечами. "Как говорит Нацуко, существует так много обычной коррупции, что разбираться, кто именно кому платит и за что, это такой вызов, который заставит Сизифа плакать".

Аль-Фанудахи улыбнулся и покачал головой. Тарковский увлекался выкапыванием неясных ссылок на древние легенды Старой Земли. Отчасти это было потому, что он искренне любил их и провел годы, изучая их. Но аль-Фанудахи подозревал, что его интерес начался, как преднамеренный ответ на стереотипное представление о морпехах.

Лично аль-Фанудахи никогда не верил стереотипам. Он знал по крайней мере дюжину морских пехотинцев, которые могли читать. Впрочем, некоторые из них могли даже писать!

"Брайс прав," - сказала Окику. "Вот почему это похоже на погоню за призраками. И не забывайте, что мы должны быть в состоянии продемонстрировать, что мы нашли достаточно, чтобы убедить кого-то другого, а не только для собственного удовлетворения. Кого-то, кто не хочет быть убежденным, как мы".

"И того, у кого вполне возможно есть свои причины не хотеть переворачивать камни, даже если он думает, что мы можем что-то найти. Или особенно потому, что он думает, что мы можем что-то найти", - согласился аль-Фанудахи. Он откинулся на спинку своего кресла и надул щеки, менее веселый, чем был мгновение назад, но это не означало, что они не достигли большого прогресса.

"Изгой" Симеона Гаддиса пробилась сквозь миллиарды гигабайтов отчетов, контактов, видео с камер наблюдения, социальных сетей, схем поездок, банковских счетов, операций с наличными, а также перехваченных и расшифрованных личных разговоров и переписки. Они до сих пор не знали точно, что он от них хотел, хотя не было никакого способа удержать его личных кибернавтов от спекуляций - возможно, довольно точных - о том, что он искал.

Когда корреляции начали накапливаться, Гаддис начал официальное расследование коррупции в Жандармерии и везде, куда бы оно не привело в федеральное правительство вообще. Это был не первый раз, когда он проводил раунд или два с этим Голиафом, поэтому никто особенно не удивлялся этому. Возможно, цинично забавлялся бесполезностью этого, но не удивлялся.

Однако под прикрытием этого расследования он направил небольшую армию жандармов на расследование, не дав им ни малейшего намека на то, что они действительно искали, и Изгой столкнулись с потоком информации, добытой этой армией. Имея все эти данные, их достижения превзошли все, что аль-Фанудахи и Ирен Тигу могли бы достичь сами по себе.

На сегодня Охотники за Призраками идентифицировали почти дюжину людей - кроме Раджмунда Найхуса - которые, как они сильно подозревали, были инструментами тех, кого Лупе Блантон окрестила "Плохими Парнями". Они были уверены, что Найхус был в списке, но до сих пор они не могли связать его с кем-либо еще. Это привело к тому, что Блантон и Вэн Чжин-Хван коренным образом пересмотрели свою оценку интеллекта Найхуса. Или, точнее, свою оценку его отсутствия.

Однако в некоторых других случаях им повезло больше, и он потянулся через плечо Окику, чтобы указать на одно из имен в ее списке.

"Думаю, нам нужно внимательнее присмотреться к этому," - сказал он, и она нажала на имя, чтобы открыть связанную с ним базу данных.

"Миз Болтон," - пробормотала она. "Я понимаю, почему ты заинтересовался ею, Дауд. Что у тебя на уме?"

"Ну, - сказал он, - мы связали ее с двумя другими людьми из нашего списка. Если есть что-то в предположении Изгоев, что она также связана с Лоутоном, мы должны это зафиксировать. По нескольким причинам."

Тарковский выпрямился в кресле при звуке имени Болтон. Затем он встал и подошел присоединиться к аль-Фанудахи с несчастным выражением лица.

"Я не спорю с вами," - сказал он. "Я хотел бы, но я не могу."

Аль-Фанудахи положил руку на плечо морпеха, но Окику только покачала головой. Наверное потому, что была в душе полицейским, подумал капитан. Она провела четкую грань между хорошими и плохими парнями, и любой, кто оказался на неправильной стороне этой линии, был целью, которую нужно уничтожить так быстро и полно, как возможно. В ее глазах, если кто-то, кого она считала другом, оказывался плохим парнем, то он никогда и не был другом, как она прежде считала.

Умом аль-Фанудахи соглашался с ней, и он знал, что Тарковский тоже соглашался, но полковник Тимоти Лоутон был коллегой и личным другом Брайса Тарковского более пятнадцати лет. Фактически он был в коротком списке потенциальных новобранцев Тарковского... пока Изгой не выяснили его связь - его возможную связь - с Шафикой Болтон. Не было никаких сомнений в том, что Лоутон был в "отношениях" с Болтон, хотя точная природа этих отношений еще не была определена. Они казались чисто общественными и не очень близкими, но число поверхностных и "случайных" контактов между ними было... статистически невероятным.

А алгоритмы Изгоев настаивали на том, что Шафика Болтон была определенно связана с двумя другими людьми - капитаном флота и дипломатом - которые почти наверняка работали на Плохих парней.

"Я должна сказать, что у нее есть классические признаки резидента," - сказала Окику через мгновение, просматривая базу данных. "Я могла бы быть менее подозрительной, если бы ее контакты с Найе и Салазаром не были такими, какие они есть. У нее нет никаких общественных или деловых причин, чтобы "сталкиваться" с ними так часто, как она это делает, и частота контактов по-прежнему возрастает."

"Это немного слабо, Нацуко." Тарковский не спорил бы столько, просто играя адвоката дьявола, подумал аль-Фанудахи.

"Так все это и работает, Брайс," - сказала она. "Вы перебираете все, пока не найдете нить, за которую можете потянуть, и обычно это что-то маленькое, что запускает процесс. Но посмотри на это." Она выделила часть данных. "За последние два Т-года частота ее контактов с Найе выросла почти на восемнадцать процентов, и большая часть этого увеличения произошла

после того, как в октябре прошлого года Бинг взорвался в Новой Тоскане. Фактически, более половины их них произошло за последние шесть месяцев. Но его финансовая активность реально снизилась на семь процентов за тот же период времени."

Тарковский кивнул. Болтон, одна из старших партнеров фирмы Нуньес, Польдак, Болтон и Хван, была финансовым консультантом, и очень хорошим, судя по списку ее клиентов и их показателям успеха. Стефанос Найе, старший политический аналитик в министерстве иностранных дел Иннокентия Колокольцева, был одним из этих клиентов, но он никогда не был крупным инвестором. У него были выгодные договоренности с несколькими влиятельными лоббистами, и его банковский баланс был более чем комфортным, но он всегда имел тенденцию плескаться в более мелких водах, чем те, в которых обычно плавала Болтон. Статистически она провела непропорционально много времени с таким относительно скромным игроком. На самом деле это всегда было так, хотя диспропорция была намного меньше примерно до того времени, когда Хевен возобновил военные действия с Мантикорой.

Если бы между ними были какие-то личные отношения, то, вероятно, такой скачок вообще не был бы заметен, но кроме деловых встреч у них не было никакой связи, которую могли бы обнаружить Изгои.

Только самое тщательное изучение смогло выявить это несоответствие среди сотен клиентов, с которыми Болтон встречалась на регулярной или полурегулярной основе, но оно определено было. Было ли это действительно существенно, это другой вопрос, но то, что политические позиции Найе неуклонно ужесточались против Мантикоры параллельно с отчетами Раджмунда Найхуса Ухтомскому, предполагало, что это так.

А еще была капитан Мардиола Салазар из штаба адмирала флота Эванджелины Бернارد в Управлении Стратегии и Планирования. У нее вообще не было деловых отношений с Болтон, и ее график работы в СиП становился все более напряженным, поскольку конфронтация с Мантикорой перешла от простого противостояния к катастрофе.

Однако, несмотря на то, что это ограничивало ее личное свободное время, она и Болтон продолжали "случайно встречаться" друг с другом в общественных местах. Рост за последние два месяца составил почти двадцать три процента, и источники аль-Фанудахи указали, что Салазар была одним из ведущих планировщиков операции Флибустьер.

Конечно, аль-Фанудахи не должен был знать о существовании Флибустьера, тем более о том, кому было поручено разрабатывать его, но он работал в разведке, и недавние события довольно точно подтверждали предупреждения, которые он делал за эти годы о событиях в секторе Хевен. В результате люди из Стратегии и Планирования в эти дни часто разговаривали с ним. Трудно сказать, насколько они уделяли ему внимание, но, по крайней мере, они задавали вопросы. Характер этих вопросов позволил ему составить удручающе хорошее представление о мышлении - каким бы оно ни было - стоящим за Флибустьером, и было очевидно, что вклад Салазар сильно повлиял на план операций. На самом деле она была одной из главных - если не самой главной - сторонницей варианта Парфянского выстрела.

А еще был Тимоти Лоутон, знак вопроса на данный момент.

Как и Брайс Тарковский, он работал на бригадира Майндерта Остерхаута, командира разведки морской пехоты под номинальным командованием адмирала Карла-Хайнца Тимара в составе Управления разведки флота. Он провел двенадцать Т-лет, помогая Пограничной Безопасности, в течение которых он глубоко познакомился со сложностями протекторатов и Периферии в целом, и Остерхаут стал полагаться на это знакомство. Он был умным, трудолюбивым и

проницательным. Он также чертовски хорошо играл в покер, что Тарковский узнал на собственном опыте. Однако, за исключением случайных - и выгодных - набегов на покерный стол, он всегда был немного... отстраненным. Он и Тарковский нравились друг другу и долгое время считались друзьями, но они никогда не были так близки, как Тарковский и аль-Фанудахи.

Что может быть и к лучшему в данных обстоятельствах. Потому что, как и Салазар, Лоутон совсем недавно "столкнулся" с Болтон. В отличие от Салазар, его контакты с ней начались только около десяти месяцев назад... что было примерно в то время, когда его анализ событий в Периферии - не просто в квадранте Тэлботта, а в гораздо более широком смысле - начал предполагать все более воинствующий и экспансионистский подход со стороны Мантикоры.

В этих обстоятельствах, приглашение его стать еще одним Охотником за Призраками могло иметь негативные последствия для всех заинтересованных сторон.

"Изгои не могут подобраться сильно близко к Болтон, Дауд," - сказала Окику. "Они все еще копаются в ее финансах, и они пересылают все ее электронные сообщения нам. Хотя такие умные люди, как эти, не будут делать много в электронном виде. Если она то, что мы думаем, то это причина, по которой она встречается с людьми лично. Так что, если мы не хотим заняться этим, мы вряд ли выйдем из стадии предположений. Поймите, мы с Симеоном достаточно уверены, чтобы запросить ордера на основании того, что у нас уже есть, но мы не можем запрашивать ордера, не обнаружив наши подозрения".

"Что вы подразумеваете под "заниматься"?" - спросил аль-Фанудахи.

"Одна из возможностей - скормить хотя бы одному из этих людей что-то, что, как мы полагаем, будет нужно Плохим парням или что, по их мнению, они могут использовать. Потом мы посмотрим, побегут ли они к Болтон. Если они это сделают, и если Плохие парни будут действовать в соответствии с тем, что мы им дали, то я думаю, что мы доказали, что есть прямая связь".

"Если мы говорим о каком-то огромном межзвездном заговоре, это может занять много времени, которого у нас может не быть," - отметил аль-Фанудахи. "Наш подозреваемый должен будет передать информацию Болтон, а затем Болтон должна будет передать ее своим начальникам - через какую-то цепочку коммуникаций, которую они используют - и ее начальники должны будут обработать ее, а затем отправлять свои новые приказы обратно по той же цепочке. Я не думаю, что у нас есть столько времени. И даже если бы было, Бог знает, сколько еще людей погибнет, пока мы будем ждать!"

"Окику сказала, что это "одна из возможностей", Дауд," - отметил Тарковский. "Хотя я не уверен, что это именно та, которую она имела в виду".

Что-то в его тоне заставило аль-Фанудахи резко взглянуть на него, и морпех криво улыбнулся в ответ. Затем он посмотрел вниз, а Окику посмотрела через плечо вверх.

"Вы думали о чем-то несколько более... активном, не так ли?" - спросил он.

"Ну, - ответила она, - ты прав, Дауд, насчет того, насколько жесткие ограничения по времени будут работать против подхода с подложной информацией. Если Флот действительно начнёт Флибустьер, то такая эскалация может спровоцировать болезненный ответ манти. Такой ответ убьет много людей. И даже если бы это было не так, просто подумайте о том, какой ущерб нанесет Флибустьер - я имею в виду физический ущерб, не говоря уже, что он может настроить общественное мнение в Периферии и Окраине против Лиги на десятилетия вперед".

"Если мы собираемся что-то сделать в этой временной петле, возможно, настало время для той активности, о которой говорит Брайс".

"Какой?"

"Одна из возможностей - принять его первоначальное предложение, схватить одного из этих людей - может быть, Болтон - и пусть они подергаются. Недостатком является то, что без основания это явно незаконно и морально сомнительно. И если выясняется, что мы ошибаемся в отношении того, кого мы хватаем, мы оказываемся в затруднительном положении. Если мы предполагаем, что мы неправы во всем, то отпускаем ее извинениями, если же мы предполагаем, что мы ошибались в отношении нее - но не в отношении Плохих парней в целом - в этом случае мы не можем ее отпустить. Что означает, что мы должны сделать с ней... что-то еще."

Челюсти аль-Фанудахи сжались, но он должен был уважать ее готовность противостоять последствиям, и он кивнул с недовольным пониманием.

"И еще одна возможность для нас - представить серьезную угрозу. Что-то, что заставит их реагировать в короткие сроки. Что-то, что мы можем увидеть и отследить".

Ноздри Аль-Фанудахи раздулись.

"Ты имеешь в виду столкнуть их с кем-то, кого они считают угрозой", - сказал он ровным тоном.

"Это может быть наш единственный вариант, Дауд," - сказал Тарковский. "Только так мы можем продвинуться, не допрашивая подозреваемого и не пытаясь заставить одного из них выдать себя. Если ты можешь придумать другой способ сделать это, я весь внимание. Если не можешь..."

Его голос затих, и он пожал плечами.

Харрингтон Хаус

Город Лэндинг

Планета Мантикора

Двойная Система Мантикора

"Хонор!"

Доктор Аллисон Харрингтон широко улыбнулась, когда герцогиня и землевладелец Харрингтон вошла в фойе Харрингтон-Хаус вместе со Спенсером Хоуком и Клиффордом МакГроу. Капрал Анастасия Янакова, личный оруженосец Аллисон, почтительно кивнула майору Хоуку и улыбнулась, наблюдая, как Аллисон обнимает свою дочь. Хонор Александер-Харрингтон обняла ее, борясь с рефлекторным желанием согнуть колени, чтобы не так сильно возвышаться над своей миниатюрной матерью. Ей удалось избавиться от этой привычки к тому времени, когда ей исполнилось шестнадцать, но время от времени рефлекс все еще проявлялся.

Особенно, когда ее мать была беременна.

"Мама", - сказала она немного более спокойно, затем выпрямилась, положив руки на плечи

Аллисон. "Я вижу, есть некоторые изменения," - добавила она, глядя на живот своей матери. "Ты могла бы упомянуть об этом, скажем, месяц назад".

"Наверно могла бы". Аллисон улыбнулась ей. "С другой стороны, дорогая, хотя я не хотела бы называть тебя ненаблюдательной или что-то в этом роде, мне показалось, что дать тебе возможность... улучшить остроту, с которой ты видишь вселенную, может быть полезным".

"Понятно". Хонор покачала головой, когда капрал Янакова улыбнулась, а майор Хоук и сержант МакГроу нашли, куда посмотреть. "У нас, кажется, есть привычка оставлять эти маленькие моменты без надлежащего внимания, не так ли?"

"По крайней мере, в моем случае я знала, что могу забеременеть", - заметила Аллисон с дьявольской улыбкой, наблюдая за Хоуком и МакГроу краем глаза. Затем выражение ее лица стало серьезным. "Хотя, если честно, мне пришлось долго и серьезно раздумывать о деактивации моего импланта". Ее губы слегка дрогнули. "Твоему отцу было трудно. Мне тоже, наверное. Но потерять столько людей, которых мы любили..." Она покачала головой с темными, как и у Хонор глазами. "Мы никак не могли решить, подтверждаем ли мы, что жизнь продолжается, создавая дополнительного ребенка, которого, как оказалось, мы хотели - особенно после рождения Веры и Джеймса - или пытаемся заменить тех, кого мы любили. Это было последнее затруднение. Чувство какой-то нелояльности. Тем не менее, мы просто послали к черту любые философские вопросы".

"Я рада этому". Хонор снова обняла ее. "Если честно, то если бы у меня было время, я думаю, что Хэмиш, Эмили и я сделали бы то же самое. По тем же причинам, которые ты только что перечислила, правда. А почему бы и нет?" Ее объятия на мгновение усилились. "Жизнь продолжается, мы действительно хотим больше детей, и мы создаем больше людей, чтобы заполнить дыры в наших сердцах. Я бы не удивилась, увидев всплеск рождаемости во всей системе, особенно на Сфинксе". Она выпустила мать и грустно улыбнулась. "Это одна из вещей, которая происходит в войнах".

"Ну, кстати об этом, - сказала Аллисон более оживленно, - я думаю, что пришло время дать мне дополнительных внуков. Не то, чтобы Рауль и Кэтрин не были совершенно удовлетворительны, ты же понимаешь. Тем не менее, в количестве есть определенная безопасность. И хотя я понимаю, ты сейчас немного занята, но Эмили в наличии".

"Мама, ты неисправима!" Хонор засмеялась и покачала головой. "И, честно говоря, я думаю, что Эмили тоже может думать в этом направлении". Ее улыбка стала теплой. "Хэмиш и я никогда не сможем отблагодарить тебя за то, что она избавилась от этого конкретного блока".

"Даже если я была напористой, невыносимой и назойливой?"

"Нет! В самом деле?" Хонор посмотрела на нее с удивлением. "Я не поняла. Я думала, что ты просто была собой". Она сделала паузу. "Ой! Это то, что ты имела в виду, не так ли?"

"Жаль, что я никогда не верила в телесные наказания", - заметила Аллисон, затем улыбнулась, когда ее дочь хихикнула.

"Мама, я бы не изменила тебя, даже если бы могла", - сказала Хонор. "На что, слава Богу, никто во вселенной не способен, во всяком случае".

Нимиц весело мяукнул и кивнул головой, решительно соглашаясь с этим утверждением.

"Ну, я, конечно, надеюсь, что нет", - спокойно сказала Аллисон, подхватив дочь под локоть и

направляясь к частным семейным покоям в Харрингтон-Хаус. Их телохранители шли позади, как эсминцы эскорта.

"И спасибо, что позволила нам использовать дом сегодня вечером," - продолжила Аллисон, когда они начали подниматься по великолепной винтовой лестнице. "Мы действительно это ценим".

"Мама, это теперь ваш с папой дом намного больше, чем мой. Я полагаю, я говорила вам это не более пяти или шести тысяч раз. В нем больше комнат, чем в большинстве отелей, и пока Хэмиш, Эмили и я располагаем скромными апартаментами из шести или семи комнат, чтобы повесить наши береты, я думаю, что мы вполне можем удовлетворить наши потребности в жилье, когда двоим или троим из нас случится быть в Лэндинге в одновременно. К сожалению, сейчас это случается не так часто".

"Я понимаю это. Нет, правда понимаю!" Аллисон махнула свободной рукой, когда Хонор скептически посмотрела на нее. "Но это также официальная резиденция Землевладельца Харрингтон и посольство Землевладения Харрингтон в Звездной Империи. В сложившихся обстоятельствах я не думаю, что мы должны устраивать какие-либо пьяные оргии, предварительно не согласовав их с тобой".

"Настоящая пьяная оргия? Здорово! Хэмиш и я приглашены?"

Нечто очень похожее на задушенный смешок издал кто-то из Грейсонцев позади нее.

"Нет, дорогая". Аллисон хлопнула ее по руке. "Пьяная оргия частная, после вечеринки. Я использовала это только в качестве примера".

"Черт! А я так ждала этого."

"Я вижу, что Хэмиш и Эмили подходят к твоей беовульфской части", - сказала Аллисон, и Нимиц снова засмеялся, затем поднял правую руку - пальцы сжались, образуя букву "С" - и качнул ей вверх и вниз в знак согласия.

"Я признаю, что они помогли мне увидеть мой внутренний Беовульф," - признала Хонор. "Возможно даже, что остальная вселенная простит их за это... однажды".

* * *

Музыка плыла от квинтета живых музыкантов в углу танцзала. Ночь была теплой и ясной, поэтому стена из кристопласта была убрана, добавляя к танцзалу террасу и увеличивая его обычную площадь в шестьсот квадратных метров на треть. Однако пока что эта дополнительная площадь была недоступна для танцев. Вместо этого безупречно белые скатерти трепетали от бриза, дующего с Залива Язона, в то время как персонал Харрингтон-Хаус готовился подавать ужин.

Никто не танцевал и в самом бальном зале, несмотря на его размеры, великолепие блестяще отполированного мраморного пола и приглашающую музыку. Возможно, потому, что музыка была немного странной по мантикорским стандартам. Аллисон и Альфред Харрингтоны во время их пребывания на Грейсоне влюбились в классическую музыку Грейсона, но древние танцевальные традиции планеты, основанные на том, что называется "кадриль", были не знакомы большинству мантикорцев. Однако отсутствие танцоров могло измениться, и Хонор подозревала, что это произойдет после ужина.

В данный момент она стояла между Хэмишем и креслом жизнеобеспечения Эмили Александер-Харрингтон и смотрела на залив.

"Хонор, я бы хотел, чтобы ты встретила кое с кем," - произнёс голос, и она обернулась, когда ее отец - один из немногих присутствовавших, который был выше ее, - подошел к ней сзади.

Так как Харрингтон-Хаус был технически землей Грейсона, Хонор, как правило, надевала свою личность Землевладельца Харрингтон, когда она была официально "дома", поэтому она не была в форме сегодня вечером. Но ее отец был, первый раз с ее детства. Однако вместо четырех золотых звездочек его допенсионного ранга на его воротнике были две золотые планеты. Одна широкая золотая полоса была добавлена к трем полосам командера, а эмблема на его левом плече состояла из жезла Асклепия под словом "Бэссингфорд". У вновь назначенного коммодора Харрингтона и сам жезл, и змей были вышиты золотом, а не серебром, как на других наплечных эмблемах Бэссингфордского медицинского центра.

Что и было поводом к празднованию этого вечера, подумала она. Ее отец не просто вернулся на действительную службу. Начиная с завтрашнего дня, он - сто третий командир Бэссингфорда. Официально это произошло потому, что он был вызван Флотом, и это было достаточно справедливо, потому что Флот хотел вернуть его в Бэссингфорд практически со дня, когда он ушел в отставку и оставил свой пост главы нейрохирургии. В действительности, однако, к активной деятельности его вернул Удар Явата. Ему понадобилось несколько месяцев, чтобы принять решение. Процесс начался вскоре после атаки, но для его завершения потребовалась Битва за Шпиндель и, особенно, "Операция Яростное Правосудие". Одно было печально очевидно; если Мандарины сохранят свою нынешнюю политику, Бэссингфорду понадобится гораздо больше коек... большинство из которых будет заполнено Соларианцами.

Альфред Харрингтон должен был иметь дело со всеми этими разбитыми телами и жизнями. Это то, что, наконец, подтолкнуло его вновь надеть форму.

Это, и необходимость делать что-то целительное, а не поддаваться той его части, которая когда-то была сержантом Харрингтоном, Королевский Мантикорский Корпус Морской Пехоты.

Теперь он улыбался своей дочери, указывая на невысокую женщину - не более, чем на пятнадцать или шестнадцать сантиметров выше Аллисон Харрингтон - рядом с ним. У нее были темные волосы, которые были на десять или двенадцать сантиметров длиннее, чем когда-то носила Хонор, темные глаза и живое подвижное лицо. Она тоже была в униформе с эмблемой Бэссингфорда на плече, хотя в ее случае только жезл был золотым.

"Хонор, это капитан Сара Кейт Лессем", - сказал Альфред. "Сара Кейт, это моя дочь, герцогиня Харрингтон. Она..."

"Сара Кейт!" Хонор широко улыбнулась и обняла невысокую женщину.

"Кажется мое представление было немного... излишним?" - спросил ее отец через мгновение, пока Хэмиш и Эмили усмехались.

"Папа, я знаю Сару Кейт - сколько? Тридцать Т-лет, Сара Кейт?"

"Боюсь, что действительно так долго," - ответила капитан Лессем с улыбкой. "Рада видеть тебя снова. Прошло так много времени!"

"Мне жаль, что я пропустила свадьбу," - сказала Хонор, качая головой. "Я была... занята в то время."

"Ты имеешь в виду, что снова взрывала все вокруг", - заметила капитан Лессем.

"Ну, да, я полагаю". Хонор улыбнулась. "А как тебе нравится быть уважаемой замужней женщиной?"

"Хонор, прошло уже три года. Ты ожидаешь, что я помню, как это было раньше? И если говорить о уважаемой замужней женщине..." Капитан Лессем покосилась в направлении Хэмиша и Эмили, и Хонор усмехнулась.

"Мама и папа действительно учили меня лучшим манерам, чем эти," - сказала она. "Сара Кейт, это мой муж Хэмиш Александер-Харрингтон, а это моя жена Эмили Александер-Харрингтон. У них обоих есть длинные, утомительные списки титулов, которые мы сейчас оставим в стороне. Хэмиш, Эмили, это Сара Кейт Лессем. Я впервые встретила ее, когда она была Сарой Кейт Тиллман".

"У них длинные утомительные списки титулов?" Капитан Лессем покачала головой, а затем пожалала руку обоим супругам Хонор.

"По крайней мере, половина из них происходит от нашего союза с ней," - сказала Эмили с улыбкой. "Могу я спросить, как вы с Хонор познакомились?"

"Дядя Жак познакомил нас", - ответила Хонор раньше Лессем, и брови ее отца начали подниматься.

"Жак познакомил вас?" - спросил он. "Подождите минуту. Это как-то связано с его анахронизмами?"

"Конечно. Сара Кейт тоже член Общества. Ее особый интерес вызывает то, что называлось балными танцами в последние пару веков перед Расселением. Это не то, что делает большинство людей сегодня. На самом деле, мне это нравится намного больше. Итак, Сара Кейт, ты сейчас в Бэссингфорде?"

"Да", - подтвердила Лессем.

"Она имеет в виду, что она помощник директора и глава отделения ухода и физиотерапии", - добавил коммодор Харрингтон.

"И у меня намного больше пациентов, чем мне хотелось бы после этого дела с Филаретой". Выражение лица Лессем было гораздо менее веселым, чем раньше. "Они все могут быть солли, но разбитое тело есть разбитое тело".

"Я знаю," - вздохнула Хонор. "И я ненавижу это. Если бы я могла избежать этого..."

"Если бы ты могла избежать этого, мы бы называли тебя Богом и ставили бы тебе свечки". - перебила Лессем. "И если бы мне пришлось в голову, что ты собираешься отправиться в покаянное путешествие, я бы никогда не открыла рот по этому поводу".

"О, вы мне нравитесь, капитан Лессем!" - с энтузиазмом сказала Эмили. "Пожалуйста! Врежьте ей еще!"

Лессем бросила на нее испуганный взгляд, затем, внезапно поняв, фыркнула.

"Ноет об этом, не так ли?"

"Только иногда," - ответила Эмили рассудительным тоном человека, пытающегося быть до конца честным. "Не чаще, чем через раз, когда я ее вижу".

"Тогда считайте, что ей уже врезали", - пообещала Лессем.

"Ну, большое спасибо вам обеим." Хонор закатила глаза, пока Хэмиш и ее отец усмехались. "А вы двое совсем не помощники, вы знаете", - серьезно сказала она мужской части собеседников.

"Я не обязан помогать, когда капитан Лессем и Эмили выполняют такую великолепную работу," - сообщил ей Хэмиш. "Не то, чтобы кто-то из них мог сказать тебе то, чего я не говорил".

"Принято". Хонор кивнула. "И я попробую".

"Хорошо". Лессем протянула руку и мягко сжала ее предплечье. "Хорошо, Хонор".

"Я вижу, помощники миссис Торн готовы подавать," - заметил Хэмиш, оглядываясь назад в зал. "Вы присоединитесь к нам, капитан?"

"Сочту за честь, Милорд."

"На частных встречах зовите меня Хэмиш, капитан."

"Только в ответ на Сару Кейт, Милорд", - многозначительно ответила Лессем.

"Так вы присоединитесь к нам... Сара Кейт?"

"Спасибо... Хэмиш."

Он улыбнулся и протянул ей руку, а Хонор взяла руку Эмили, и все четверо направились к главному столу. Альфред огляделся и нашел Аллисон. Как обычно, она была в центре группы почитателей, большинство из которых были мужчинами, и он направился к ней, чтобы спасти ее и проводить за тот же стол.

Она счастливо улыбнулась, когда он спикировал к ней, безжалостно эксплуатируя свое положение мужа и почетного гостя, поскольку вечер был официальным объявлением о его возвращении на службу, и просунула руку ему под локоть, сжав ее с благодарностью, когда он повел ее.

"Я не знала, что ты решишь оставить меня такой незащищенной." Ее тон дразнил, но в этом была серьезность. "Боже мой, Альфред! Ты не сказал мне, что мы приглашаем Джорджа Брокмана!" Она вздрогнула. "Этот человек не имеет ни малейшего представления о том, что означает "моногамия"."

"Если бы я на мгновение подумал, что ты не способна подрезать ему колени - или любой другую подходящую часть его анатомии - я был бы там в одно мгновение, - заверил ее муж и

посмотрел на нее с легким блеском в глазах. "Скажи мне прямо в глаза, что тебе не понравилось бы сделать именно это, когда - как я уверен, это случилось бы - он даст тебе шанс?"

"Ты можешь бессердечно бросить меня волкам, но ты не можешь заставить меня лгать!" Она подняла нос со слышимым фырканьем, затем озорно улыбнулась. "Я уверена, что кровотечение остановится примерно через час".

"Молодец!" - засмеялся Альфред. "А пока мы говорим о социальных упущениях, ты знала, что Хонор и Сара Кейт Лессем - и Жак, теперь, когда я об этом думаю, - все знакомы друг с другом?"

"Конечно да." Она снова посмотрела на него с дьявольской улыбкой. "Мой дорогой. Я забыла упомянуть об этом тебе?"

"Принимая во внимание твое деликатное состояние, я отложу правильный ответ на это".

"О, нет, не надо!" - сказала она ему дерзко. "Я уже отправила консервированные персики в нашу комнату".

"Ты неисправима", - сказал он, подавляя смех.

"Я не знаю, почему ты и Хонор продолжаете говорить это. Я самый поощряющий человек, которого я знаю!"

* * *

"Приятно видеть, как он снова смеется," - тихо сказала Эмили Александер-Харрингтон, когда мать и отец Хонор направились к столу.

"Согласна," - сказала Хонор, также тихо. "И я думаю..."

Она остановилась на мгновение, затем покачала головой.

"Думаешь что?" - нажала Эмили.

"О, это была просто мимолетная мысль". Хонор снова покачала головой, выражение ее лица было серьезным. "Думаю, у всех бывают такие моменты".

"Да, бывают," - согласилась Эмили, но посмотрела на Хонор задумчиво, и Хонор оглянулась с невозмутимым взглядом, почувствовав любопытство в мыслесвете Эмили. Она не упомянула, что породило эту "мимолетную мысль".

"Скажи мне, ты не думала о брате или сестре для Кэтрин и Рауля?" - спросила она вместо этого.

"Думала." Эмили кивнула, хотя вопрос, казалось, обострил направление размышлений, которые почувствовала Хонор. "На самом деле, у меня назначена встреча, чтобы обсудить это с доктором Илиеску в Бриарвуде завтра днем, прежде чем я вернусь в Белую Гавань".

"О, хорошо!" - улыбнулась Хонор, наклонившись над креслом, чтобы нежно обнять ее. "Я думаю о том же. Может быть, в этот раз мы сможем выбрать время еще ближе!"

"У нас был только месяц разницы в прошлый раз, дорогая," - сухо заметила Эмили. "Ты хочешь синхронизировать роды до минуты?"

"Ну, если ни один из нас не будет в состоянии сделать это по старинке, мы могли бы также воспользоваться возможностями, которые у нас есть. Кроме того, - выпрямилась она с дьявольской улыбкой, - ведь в семье мамы рождаются только близнецы, вы знаете!"

Эмили засмеялась, и улыбка Хонор стала нежнее. Но затем она выпрямилась и посмотрела на Хэмиша через голову Эмили. Она перевела взгляд в сторону, где Сандра Терстон, медсестра и постоянная спутница Эмили, стояла, беседуя с Джеймсом МакГинессом, в то время как он не спускал орлиных глаз с вечеринки. Ее взгляд снова вернулся к Хэмишу, и он слегка пожал плечами с некоторым беспокойством в голубых глазах.

Ее рот сжался, когда она сопоставила это с скрытым смыслом, который она почувствовала в мыслесвете Эмили, но затем она глубоко вздохнула. Она не собиралась заниматься никакими проблемами, твердо сказала она себе. Не сегодня. И не тогда, когда у всех троих было так много причин для радости, включая...

"Ты права в том, как хорошо снова видеть, как папа смеется," - сказала она, оглядываясь на Эмили и нежно сжимая ее здоровую руку, затем посмотрела на капитана Лессем. "Думаю, ему будет полезно вернуться к работе".

"Ну, я могу сказать вам, что весь персонал чертовски рад, что мы вернули его на работу," - откровенно сказала Лессем. "Господь знает, он нам нужен как хирург, но он нам нужен еще больше как администратор". Она покачала головой. "Я не шутила о том, сколько пациентов у нас будет, Хонор. Это уже плохо, и если эти идиоты в Старом Чикаго не вытащат свои головы из..." Она помолчала, затем поморщилась. "Из песка, станет намного хуже."

"Я знаю. И мы пытаемся свести это к минимуму," - сказала Хонор, снимая Нимица с плеча, чтобы воссоединить с Самантой на двойном стульчике между ней и Хэмишем. "И если говорить о попытках свести это к минимуму, где сейчас Мартин?"

"Полагаю, учитывая твои высокие связи, я могу тебе сказать," - сказала Лессем, криво улыбаясь Хэмишу. "На данный момент он получил оперативную группу с вице-адмиралом Коррейя. Я не знаю точно, куда они направлялись, но я знаю, что это часть Лаокоона Два".

"Если он с Коррейя, то он, вероятно, сейчас в Аджее или Прайме", - сказал Хэмиш.

"И, только между нами, я гораздо счастливее от мысли, что он встретится с солли, а не с

хевами", - заметила капитан.

"Как и я - на данный момент, по крайней мере," - сказала Хонор. "Я просто хотела бы иметь подсказку, как убедить Мандаринов хотя бы притвориться, что у них есть один функционирующий мозг на всех".

"Кажется, я чувствую небольшую резкость?" - поддразнила Лессем.

"Возможно, немного", - призналась Хонор.

"Скажите мне, доктор - Сара Кейт, я имею в виду," - сказала Эмили. "Хонор упомянула кое-что о "древних" бальных танцах. Как вы пришли к этому?"

"Во всем виновата моя напрасно потраченная молодость," - с усмешкой ответила Лессем. "Это, и то, что моя мама познакомилась с дядей Хонор, Жаком, когда они были студентами колледжа. Он привлек ее в Общество Творческих Анахронизмов, и к тому же она физиотерапевт. А танцы естественно связаны с терапией. Или могут быть, во всяком случае".

"Очаровательно." Эмили покачала головой. "У меня был довольно большой опыт работы с терапевтами на протяжении многих лет, но по довольно очевидным причинам никто никогда не предлагал мне танцевать. Однако я вижу применимость этого теперь, когда вы упомянули об этом".

"О, я делаю это больше для удовольствия, чем для профессии," - сказала Лессем. "Я даже заставила Мартина заняться этим, и он в этом удивительно хорош. Если честно, я ищу для него новый вызов".

"Ищешь, да?" - улыбнулась Хонор. "Ну, в таком случае, ты попала в нужное место".

"В самом деле?" Лессем выгнула брови, и улыбка Хонор стала шире.

"О, да. Скажи, тебе знакома фраза "до-си-до"?"

Башня Джордж Бентон

Город Старый Чикаго

Старая Земля

Солнечная Система

"Извините, что опоздал," - сказал своим коллегам постоянный старший заместитель министра иностранных дел Иннокентий Колокольцев, шагнув в двери конференц-зала, которые тихо закрылись за ним. "Я был готов выйти из своего кабинета, когда один из моих аналитиков - Стефанос Найе, я думаю, что я упоминал вам раньше о нем - попросил срочно назначить встречу. Он был прав насчет неотложности, и одно повело за собой другое. Мне пришлось

принять несколько немедленных решений, и потребовалось немного времени, чтобы получить всю необходимую техническую информацию".

"Вы могли бы связаться, чтобы сообщить нам, что задерживаетесь". В ответе Натана МакАртни была неприятная резкость. Опять же, они ожидали его почти час.

"У нас были свои "срочные встречи", и мы могли бы использовать свое время с пользой, вместо того, чтобы сидеть сложа руки", - добавил МакАртни.

Колокольцев нахмурился, его глаза были холодными. Из всех людей в этой комнате МакАртни, как постоянный старший заместитель министра внутренних дел, нес самую прямую ответственность за полный бардак, с которым они столкнулись. Колокольцев был готов признать, что он внес свой собственный вклад в создание этого бардака, но никто из остальных не мог соперничать с чередой бедствий, которые МакАртни и его союзник, покойный, неоплакиваемый адмирал флота Раджампет, заварили перед запоздалым самоубийством Раджампета.

"Я решил, что будет не очень хорошей идеей обсуждать очень деликатные вопросы по комму, Натан," - сказал он через мгновение. "У нас достаточно аллигаторов, которые кусают нас за задницу, чтобы не давать ничему... нежелательному просочиться наружу".

"Ой, не будь смешным, Иннокентий!" - покачал головой постоянный старший заместитель министра информации Малахай Абруцци. "Наши коммы самые безопасные во всей галактике!"

"В самом деле?" Колокольцев уселся в кресло во главе стола и повернулся лицом к остальным. "Ты уверен в этом?"

"Конечно."

"Тогда, может быть, ты мог бы объяснить, как случилось, что разговор о том, как справиться с ситуацией в Гипатии, который вы с Натаном провели в прошлом месяце, обсуждался на всех публичных площадках в Гипатии на прошлой неделе?"

Тишина в глубоко скрытом, сильно экранированном конференц-зале была такой же полной, как и внезапной, и он оглядел лица своих коллег.

"Что это был за разговор?" - спросила Омосупе Квотермейн после долгого мгновения тишины. В частности, МакАртни был в личном черном списке постоянного старшего заместителя министра торговли с тех пор, как ситуация на Периферии начала ухудшаться, поскольку она и ее коллега Агата Водославская, постоянный старший заместитель министра финансов, отчаянно - и безуспешно - пытались справиться с катастрофическими последствиями снижения собираемых налогов.

"Тот, в котором они рассматривали, насколько проще будут дела, если мы пошлем один или два интервенционных батальона в Гипатию, чтобы "поощрить" президента Вангелиса отменить референдум. Что-то о расстреле каждого десятого сенатора, пока они не дадут правильного ответа, я полагаю". Голос Колокольцева был даже холоднее, чем его глаза, и Водославская присоединилась к нему и Квотермейн, сердито глядя на Абруцци и МакАртни.

"Да брось, Иннокентий!" - запротестовал Абруцци. "Это никогда не было серьезным политическим предложением!" Он покачал головой с выражением отвращения. "Ради Бога, в Гипатии проживает более двух миллиардов человек, а в Поясе Александрия - еще один миллион и две десятых! Кто-то действительно думает, что пара интервенционных батальонов сможет что-то изменить? Дай мне перевести дух!"

"Конечно, я так не думаю. Но это не значит, что кто-то другой не может так думать. И давайте будем честными, это не будет ничем отличаться от многих вмешательств, которые УПБ осуществило в Протекторатах, не так ли? Не приходило ли вам когда-либо в голову, что в такой напряженной ситуации, как у них - и с достаточным количеством людей с другой стороны, готовых использовать любой прокол с нашей стороны - обнаружение, что двое из "Мандаринов" просто говорят о чем-то, что равносильно перевороту против законно избранного президента системы, сыграет прямо на руку продавцам истерик?"

"Во-первых, мы говорили по безопасному правительственному комму. Кто, черт возьми, мог прослушивать его?" - спросил Абруцци. "И, во-вторых, из контекста всей нашей беседы совершенно ясно, что мы выражаем свое разочарование, а не рекомендуем какую-то серьезную политику!"

"Малахай, ты постоянный заместитель министра информации! Ты знаешь лучше, чем кто-либо другой в этой комнате, как легко вырвать что-то из контекста и превратить это в звуковой фрагмент, который говорит прямо противоположное тому, что на самом деле значит. Это как раз то, что какой-то ублюдок в Гипатии сделал из твоего с Натаном маленького разговора - прокол".

Абруцци открыл рот, чтобы ответить. Затем он снова закрыл его с мрачным выражением на лице, потому что Колокольцев был прав. Министерство информации тратило гораздо больше своих ресурсов на "формирование нарратива" - что раньше и в более честном возрасте он мог бы называть "производством пропаганды" - чем просто на выпуск новостей.

"В первую очередь, как, черт возьми, кто-то получил это в свои руки?" - потребовал МакАртни, глядя на Абруцци с определенным чувством превосходства. В конце концов, не он же только что объявил неприкосновенность их каналов связи.

"Если бы я знал это, кто бы ни был ответственен, уже жарился бы на медленном огне," - мрачно ответил Колокольцев. "Все, что я знаю, это что последний курьер из Гипатии прибыл около трех часов назад, и ваш разговор, лишенный всего, что не было серьезным политическим предложением или, по крайней мере, серьезным соображением, обсуждался все два дня перед его отлетом. По словам Стефаноса, за эти два дня было зарегистрировано более девятисот семидесяти двух миллионов просмотров. Кстати, я сделал расчет. Это составляет сорок девять процентов от общей численности населения звездной системы, включая каждого грудного ребенка. И к вашему сведению, это семьдесят пять процентов взрослого населения. Сказать, что это не очень хорошо влияет на избирателей было бы преуменьшением, Натан".

"О Боже". Тон Квотермейн, похоже, не мог определиться между отвращением, гневом и смирением. "Так насколько серьезен ущерб, Иннокентий?"

"Ну, он достаточно велик". Колокольцев вставил чип данных в терминал перед собой, и заголовок отчета появился на экранах его коллег. "Это первоначальный взгляд Найе. Он проводит более тщательный анализ, и цифры могут стать немного лучше, но я сомневаюсь, что в конечном итоге это будет иметь большое значение. И он пришел к выводу, что то, что должно было стать небольшой волной, которая, вероятно, пошла бы против нас, находится в процессе

превращения во что-то немного более... внушительное. Слово, которое он использовал, на самом деле было "цунами".

"И все из-за не более трех или четырех секунд разговора по телефону?" Водославская выглядела так, словно ей хотелось быть недоверчивой.

"О, это больше, чем три или четыре секунды". Колокольцев бросил на МакАртни и Абрुцци уничтожающий взгляд, затем посмотрел на Водославскую. "Кажется, в разговоре было довольно много "разочарования", и тот, кто передавал его агентствам новостей из Гипатии, должен был собрать все кусочки вместе, потому что реальная запись длится почти шесть минут. Не поймите меня неправильно. Я не говорю, что это единственное, что движет гипатийским общественным мнением. Там уже было намешано много негативных факторов, и мы все это знаем. Но похоже, что это может быть эмоциональным спусковым механизмом, который превращает голосование, которое уже выглядело рискованным, в полную катастрофу."

"Дерьмо". Омосупе Квотермейн редко использовала цветистые выражения, но она явно решила сделать исключение, и Колокольцев не обвинял ее.

С населением менее трети от населения системы Беовульф, и, возможно, с пятой частью его валового продукта, Гипатия была довольно мала по сравнению с другими центральными мирами Лиги. Если на то пошло, как у полноправного члена Лиги, вклад Гипатии в федеральный бюджет был ограничен только скромными пошлинами, взимаемыми с ее межзвездных перевозок. Это был полезный кусок денежных средств, но, вероятно, существовала дюжина протекторатов, которые вносили как минимум такой же вклад. Таким образом, с этой точки зрения потенциальное дезертирство Гипатии вряд ли ухудшит и без того мрачную ситуацию.

Но Гипатия, как и Беовульф, была одним из основателей Солнечной Лиги, когда Конституция Лиги была провозглашена прямо здесь, в Старом Чикаго, семьсот пятьдесят семь Т-лет назад. Кроме того, система находилась всего в сорока четырех световых годах - менее шести дней для курьерского судна - от Беовульфа и беовульфского терминала Мантикорской тоннельной сети. Если бы Гипатия решила отделиться и, что еще более катастрофично, разделить судьбу со своими давними соседями, торговыми партнерами и друзьями, это опасно расширило бы плацдарм "Большого Альянса" в самом сердце Солнечной Лиги. Хуже того, успешное отделение - еще одно успешное отделение, поскольку решение Беовульфа было предрешено, как только беовульфы добрались до проведения собственного голосования, - будет иметь катастрофические последствия для утверждения права на отделение в суде общественного мнения.

А этого нельзя было допустить.

"Возможно, теперь вы понимаете, почему я не сообщил вам об этом," - заметил Колокольцев. "На самом деле, хотя я знаю, что это будет невероятной болью, но в дополнение к предположению, что все, что мы говорим по нашей хорошей, безопасной системе связи, вероятно, будет подслушано и, соответственно, надо следить за нашими языками, я думаю, что любая конфиденциальная информация должна пересылаться между нами с курьером, по крайней мере, в течение следующих нескольких дней. Кстати, вероятно, было бы разумно с нашей стороны пересылать действительно конфиденциальную информацию таким образом в обозримом будущем".

"Это сделает почти невозможной правильную координацию", - возразила Водославская.

"Нет, не сделает". Колокольцев покачал головой. "Усложнит, конечно, но у всех нас, кроме вас, наши офисы здесь, в Джордже Бентоне. Я не знаю, как они добрались до разговора Натана и Малахая, но этот конференц-зал находится всего в нескольких шагах от наших личных кабинетов, и он защищен от любой формы подслушивания, известной человеку. Кстати, как и наши кабинеты. Я уже нашел вам двадцать четыре тысячи квадратных метров площади здесь, в башне, и если вам это нужно, мы можем высвободить вдвое больше за семьдесят два часа. Я понимаю, перевезти весь ваш персонал было бы болью в заднице, но я не вижу другой возможности, если мы должны держать вас в курсе дела."

"Вы это серьезно, не так ли?"

"Смертельно серьезно," - сказал он твердо. "Послушайте, может быть, это упражнение в паранойе с моей стороны, но мы вот-вот потеряем свои головы в Гипатии, люди. Пока что большинство центральных миров не особенно обеспокоены всем этим, в чем есть плюсы и минусы. Они не бросаются изо всех сил поддержать нас, но у нас и нет пары дюжин Беовульфов, бегущих из Лиги... пока. Но именно поэтому мы не можем - мы просто не можем - терпеть это дерьмо, бьющее нас в лицо каждую неделю."

Он долго молча оглядывал конференц-зал и видел это на их лицах. До сих пор большинство жителей центральных миров все еще рассматривали конфликт с Мантикорой как только еще одну "эскападу" на Периферии. Они привыкли к таким вещам - настолько привыкли, что воспринимали это как должное. Правда, на этот раз, когда манти заблокировали гиперпереходы, это начинало достаточно мешать многим внутренним системам, чтобы причинить вред, но то, что было пневмонией для потока доходов федерального правительства, было не более чем легкой простудой для экономики различных систем, и это было особенно верно для тех систем Центра, у которых было много местной промышленности. И, несмотря на колоссальные потери, понесенные ФСЛ, морального возмущения также было мало. Во-первых, широкая публика не знала, насколько велики эти потери.

Во-вторых, ФСЛ был профессиональной военной силой, которая представляла невероятно крошечную часть всего населения Лиги. Эти смерти просто не касались значительного процента гражданского населения - по крайней мере, пока - и по многим причинам он и его коллеги были рады этому. Было несколько говорящих голов, которые пытались "с тревогой взглянуть" на потери Флота, но они получали довольно малую поддержку, особенно когда Абруцци так осторожно управлял потоком новостей. Все это означало, что манти сумели задушить Мандаринов, не раздражая общественное мнение солариан - по крайней мере за пределами Солнечной системы, где жил профессиональный управляющий класс.

Это было и хорошо, и плохо с точки зрения Мандаринов, но пока что хорошее перевешивало плохое. Но если бы они продолжали избавляться от систем, которые обращали внимание на происходящее, некоторые из других, толстых-и-счастливых систем, обратили бы внимание на это. А если это случится...

"Я говорил с моими техниками," - продолжил он. "Это одна из причин, почему я так опоздал. И они говорят, что, если мы все будем здесь, в башне, они могут использовать безопасные, экранированные, выделенные кабельные линии связи, к которым можно подключиться только прямым физическим доступом к кабелям. Я знаю, что это кажется технологией Темных веков, но если она работает, мне наплевать, насколько она "устаревшая". И если все эти кабели находятся здесь, в одной и той же башне, нам будет гораздо проще убедиться, что никто не получит физический доступ к ним."

Водославская откинулась назад, качая головой, и Колокольцев не мог ее винить. По правде

говоря, он сам не был уверен, насколько его предложение было рациональным и насколько было результатом его растущего отчаяния. Худшее в этом, подумал он, было то, что он предложил превратить Башню Бентона в крепость, а у людей, живущих внутри крепостей, развивался крепостной менталитет. Если он и его коллеги отступят в бункер, даже такой великолепно оборудованный, как этот, это может побудить их отступить в еще более глубокий разрыв с галактикой вокруг них.

Но какой у нас выбор? спросил он себя. Нравится нам это или нет, кто-то взломал наши коммы, и ни один из наших специалистов не обнаружил никаких отпечатков пальцев, указывающих на то, кто это могли быть или как, черт возьми, они это сделали. И мне не нужно объяснять все последствия другим. Они знают так же, как и я, что если кто-то может взломать наши коммы, Бог знает, во что они могут проникнуть! И в действительности, единственной, кто будет физически передвигаться, - это Агата. Остальные уже в Джордже Бентоне! Вообще-то большинство министерств находятся здесь со дня его постройки, так что в остальной части Лиги даже не поймут, что мы строим крепость!

Нет, они не поймут. Башня Джорджа Бентона неизменно ассоциировалась в сознании общественности с могуществом и величием федерального правительства Лиги. Перемещение других министерств из Джорджа Бентона вызвало бы гораздо больше спекуляций, чем перевод туда Министерства финансов. Но он и его коллеги будут знать, как и их самые старшие и доверенные подчиненные. И оттуда знание просочится вниз с неизбежностью зимних морозов в Тарко-Сале, его родном городе в древней Сибири.

Он еще раз оглядел защищенный конференц-зал и задумался, как часто его товарищи размышляли над названием двухкилометровой башни, в которой находились сердце и мозг Солнечной Лиги. Думал о том, что она была названа в честь одного из дюжины самых известных людей в истории, человека, во многом ответственного за создание Лиги. Одного из возглавлявших медицинские команды - команды из Беовульфа - которые сохранили человеческую жизнь на самой Старой Земле после Последней войны. Человека, который видел необходимость в координирующем органе, который мог бы охватывать сотни световых лет, осознавал его необходимость после катастрофических разрушений, для восстановления после которых он так много сделал, и провел последние тридцать пять лет жизни, воплощая это в жизнь.

Человека, чей далекий потомок возглавлял правительство системы Беовульф, которое собиралось нанести удар в сердце Солнечной Лиге. Конечно, он должен иметь буквально миллиарды "далеких потомков" после восьмисот лет, и для них было логичным сконцентрироваться в Беовульфе и его ближайших галактических соседях. И все же было горькой иронией, что когда Чиянг Бентон-Рамирес готовился наблюдать за референдумом, который должен был дать этот кинжал, еще один из этих потомков командовал "Большим Флотом", который вполне мог бы отвезти кинжал к цели.

Возможно это к счастью, что так мало соларианцев были достаточно осведомлены о своей собственной истории, чтобы спросить, почему потомки этого человека решили уничтожить все, что он построил.

"Хорошо," - наконец сказала Водославская. "В любом случае, моим аналитикам и бухгалтерам нужно больше места, чем мы получили в башне Де Сото. Мы действительно искали возможные решения за последние пару лет, но бессистемно. В связи с этим мы уже рассматривали возможность переезда в Джордж Бентон, и, похоже, я могу высвободить все, что им нужно в Де Сото, перебросив сюда свой административный персонал. Это должно, по крайней мере, не дать смотреть на это, как на какую-то... паническую реакцию".

"А сколько времени потребуется, чтобы установить эти ваши "выделенные линии связи"?" - требовательно спросил МакАртни. Для того, чья болтовня так сильно повлияла на потребность в этих самых линиях, он звучал удивительно воинственно, подумал Колокольцев.

"Они проведут первые линии во все офисы здесь, в башне, за два или три часа," - ответил он. "Было бы быстрее просто перепрограммировать моллицирканы в стенах, но гораздо менее безопасно, поэтому они прокладывают настоящий кабель через воздуховоды и служебные шахты. По словам моего начальника службы безопасности и начальника здания, они должны завершить установку в течение примерно восьми дней. После этого мы, вероятно, сможем вернуться к электронным конференциям для всего, кроме самых конфиденциальных данных".

"Возможно," - кисло повторил Абрुцци, затем пожал плечами. "Отлично. Я думаю, что вы шарахаетесь от собственной тени - или, по крайней мере, закрываете дверь сарая после того, как корова ушла - но я также не думал, что чертова шутка с Натаном превратит Гипатию в чертову катастрофу! Поэтому я не скажу вам, что вы не правы, Иннокентий!"

Колокольцев кивнул и перевел взгляд на МакАртни.

"Хорошо. Хорошо!" Постоянный старший заместитель министра внутренних дел поднял обе руки. "Если все остальные согласны с этим, кто я такой, чтобы спорить? И, - неохотно добавил он, - Малахай прав. Если что-то, что он и я сболтнули в непринужденной беседе, может иметь эффект, описываемый вашим аналитиком, возможно, пришло время нам всем стать чертовыми параноиками!"

Не самое любезное согласие в истории, но он примет и это, подумал Колокольцев. Если бы только он мог придумать, как выбросить МакАртни из тройки, прежде чем он сделает что-то еще более прискорбное. К сожалению, каждый из них знал, где захоронено слишком много трупов, чтобы другие могли безопасно скормить его - или ее - волкам.

"Тем временем, пока мы здесь, - продолжал МакАртни, - что, черт возьми, мы будем делать с Гипатией?" Он осмотрел стол с мрачным выражением лица. "Достаточно плохо, что мы скоро потеряем Беовульф, но, по крайней мере, в том, что касается Беовульфа, мы выстроили позицию, что они уже несколько лет назад решили поддержать империалистические амбиции манти. В случае с Гипатией мы не сделали этого".

Лично у Колокольцева были определенные оговорки относительно того, насколько хорошо они "выстроили позицию" по "давно спланированному предательству" Беовульфа против Лиги. Бог знает, что они сделали все возможное, и новостные агентства истэблшмента приняли эту историю. Но в то время как измерения общественного мнения (по крайней мере, здесь, в Солнечной системе, пытаться уследить за текущим общественным мнением в звездных системах на расстоянии сотен световых лет было почти невозможно) были до сих пор благоприятны для действий правительства, не было никакой гарантии, что они останутся такими. Даже в Солнечной системе, во многом это "благоприятное" отношение, вероятно, было просто отсутствием интереса, что могло бы привести к оппозиции, а это означало, что оно может измениться без особого уведомления. А Беовульф имел огромный, заслуженный престиж в Лиге. Со временем этот престиж, вероятно, мог вновь заявить о себе в сознании общественности, и это могло быть... прискорбно. Несмотря на это, МакАртни был прав насчет Гипатии.

Они не обращали внимания на Гипатию, когда впервые начали наблюдать за другими звездными системами, которые могли последовать примеру Беовульфа. Они должны были сделать это, но гипатийцы заняли спокойную выжидательную позицию, которую - он признавал

это - он и его коллеги неправильно истолковали как фундаментальное признание неделимой природы Лиги. К сожалению, ситуация изменилась, когда манти распространили информацию об операции Яростное Правосудие задолго до того, как Массимо Филарета достиг Мантикоры. Отношения Гипатии с Беовульфом были более тесными, чем с Мантикорой, но гипатийцы на протяжении веков роднились с жителями Беовульфа и Мантикоры.

Во многих отношениях, с техническим статусом Мира Ядра или нет, мышление их населения было более тесно настроено на Окраину за Мантикорским тоннелем, чем на Солнце и Старую Землю, и они плохо отреагировали на отправку сотен супердредноутов для нападения на Мантикору - и несколько миллионов их родственников - без официального объявления войны. И как только была упомянута возможность отделения, они продвинулись вперед гораздо быстрее, чем кто-либо мог себе представить, с помощью системной конституции, которая позволяла легко созывать срочные референдумы для одобрения - или не одобрения - предлагаемой правительством политики. Колокольцев сомневался, что составители Конституции Гипатии когда-либо предполагали, что это положение будет использоваться для чего-то подобного, но этот их опус позволил президенту системы Адаму Вангелису и его генеральному прокурору Таносу Боягису запустить механизм с поразительной скоростью.

Гипатия фактически будет голосовать за месяц до Беовульфа, и не было никаких сомнений в том, что результат референдума повлияет на голосование Беовульфа.

Но ничего не изменится, подумал он. Во всей вселенной нет сомнений в том, каким образом Беовульф будет голосовать, и не было с самого начала. Что Гипатия сделает, к сожалению, это увеличит результат в пользу отделения, и, вероятно, намного. И это также будет означать, что Гипатия будет тем примером, который все горячие головы в системах Окраины приведут, когда начнут призывать свои звездные системы к отделению. Если только мы не сможем найти способ... обезвредить эту конкретную угрозу.

Он снова оглядел стол, размышляя о вариантах политики, которые Стефанос Найе изложил в заключительном разделе своего доклада. Он представил полдюжины возможных сценариев, но было ясно, какой из них он предпочитал, и Колокольцев подумал, ужаснутся ли другие им так же, как и он?

И одобряют ли они его, в любом случае.

КЕВ Клас Флеминг

Терминал Прайм

Гипертоннель Прайм-Аджай

"Поистине удивительна разница в том, насколько менее... назовем это "космополитичными", я полагаю, чем мантикорцы, они обычно являются," - сказала Сара Кейт Лессем с дисплея. "Я должна сказать, что не ожидала этого, и мне потребовалось некоторое время, чтобы понять это. Но наконец-то до меня дошло". Она покачала головой. "Они солариане, а солариане автоматически знают все, что им нужно знать о неоварварах, населяющих внешнюю тьму за пределами Лиги. Так зачем искать больше данных, зачем открывать умы для новых мнений? И, честно говоря, даже некоторые из тех, кто провел всю свою карьеру во Флоте, и близко не видели такого количества звездных систем, как наш флотский персонал, тем более космонавты торгового флота! Кстати, мы видим гораздо больше посетителей из других звездных систем здесь, в Мантикоре, чем когда-либо видят большинство солариан."

"Поэтому я полагаю, что могу понять - некоторым образом - что они никогда не видят кого-то вне своего "пузыря". Что не делает это менее страшным. Если люди Соларианского Флота... достаточно неумны, скажем так, чтобы никогда не сомневаться в бессмыслице, которую несут Мандарины, то как соларианская женщина-с-улицы может понять, что это все ложь?"

Это, подумал коммодор сэр Мартин Лессем, приостановив письмо на мгновение, чтобы наполнить свою кофейную чашку, это прекрасный анализ проблемы, дорогая. Он улыбнулся. Я всегда знал, что ты умная, несмотря на то, что ты решила выйти за меня замуж! Очень жаль, что я не имею ни малейшего понятия, как ответить на твой вопрос, не более, чем кто-то еще в данный момент.

Он глотнул кофе, задумчиво глядя на застывшее изображение своей жены. В настоящий момент он и эскадра крейсеров 912 находились в 387,7 световых годах (и сорок пять дней гиперполета) от системы Мантикора, и пройдет еще какое-то время, прежде чем он получит шанс снова ее обнять. К счастью, письма были совсем другим делом - по крайней мере, на данный момент. Несмотря на такое расстояние системы Прайм от Мантикора, до Беовульфа было "всего" двадцать девять дней пути. Для межзвездных путешествий это было не особенно плохо. Это было не то, что он назвал бы хорошим, но ему приходилось мириться с гораздо худшим.

Конечно, этого не было в разгар войны против самой большой звездной нации в истории человечества. Это сильно изменило положение вещей... и во многом было связано с тем, что эскадра 912 плавала в межзвездной темноте, чуть более чем в семи световых часах от звезды класса G0 системы Прайм.

Единственной компанией его эскадры была платформа, охраняющая станцию терминала Прайм гипермоста Прайм-Аджай. Эта платформа, где размещался астроконтроль Прайма, была довольно маленькой. Вообще-то мост Прайм-Аджай был не очень впечатляющим по сравнению с массивным Мантикорским узлом гипертоннелей и его трафик составлял, возможно, пять процентов трафика узла. Система Прайм, однако, находилась всего в 21,5 световых годах (и менее, чем в трех днях пути) от системы Агуэда и гипермоста Агуэда-Стайн. Это сделало этот нерасполагающий, глубоко депрессивный объем пустоты гораздо более ценным, чем можно было предположить по первым впечатлениям - или из простой экономики - учитывая стратегию Лаокоона-2 по захвату контроля над как можно большим количеством гипертоннелей.

Задачей эскадры 912 было следить за тем, чтобы терминал Прайм оставался захваченным, особенно после того, как вице-адмирал Коррейя увел остальную часть оперативной группы в Агуэду по пути в Стайн. Было бы... нехорошо, если бы он вернулся к Прайму и обнаружил, что должен вернуться в Мантикору через гиперпространство. Об этом следовало помнить, поскольку в конечном итоге даже флот Солнечной Лиги должен был попытаться что-то предпринять в отношении последствий Лаокоона.

Лессем поморщился от этой мысли и отругал себя за нее. До сих пор солли наступали на грабли с почти невероятной тщательностью, но на самом деле они не были идиотами. Было очевидно, что окостенение ФСЛ в мирное время зашло глубже, чем кто-либо в РУФ мог предположить в своих самых смелых мечтах, но было много очень хороших соларианских мозгов. Дарвиновские последствия устаревшего оружия ФСЛ и... менее, чем идеального оперативного мышления должны были вывести некоторые из этих хороших умов на передний план гораздо быстрее, чем более оптимистичные и, по его мнению, шовинистичные коллеги Лессема считали возможным. Они, черт возьми, должны знать положение лучше, но было бы нечестно обвинять их слишком сурово. Он обнаружил, что слишком часто делает то же самое,

чтобы бросать какие-либо камни, свидетельствуя о "точности" своих мыслей!

Хорошая новость, как еще раз подчеркнуло письмо от Сары Кейт, заключалась в том, что эти хорошие мозги должны были начать прорываться со дна ужасно глубокой ямы. Случившееся тридцать девять дней назад делало это болезненно ясным. Он не мог себе представить, почему Массимо Филарета был настолько глуп, чтобы открыть огонь, когда герцогиня Харрингтон так убедительно продемонстрировала безнадежность позиции Одиннадцатого флота, но то, что случилось с его кораблями, было ярким примером того, как действует дарвиновский процесс. И, учитывая ее положение в Бэссингфорде, Сара Кейт была в лучшем положении, чем большинство, чтобы увидеть цену людям.

Он отпил еще кофе и снова коснулся клавиши воспроизведения.

"Другая вещь, которая довольно очевидна, - сказала она, - это то, что очень многие из них - даже некоторые из их старших офицеров - все еще категорически отказываются признать, насколько устарело их оборудование. Я знаю, что это должно быть трудно для них, но я не понимаю, как они могут оставаться в таком глубоком отрицании после того, что случилось с их флотом! Доктор Флинт - я уже говорила тебе о нем раньше; он новый заведующий отделения психологии здесь, в Бэссингфорде - говорит мне, что именно так и происходит, что они все еще находятся в "фазе отрицания", и я полагаю, что это имеет смысл. Однако это не совсем то, что я бы назвала признаком выживания!" Она покачала головой на дисплее, и выражение ее лица стало мрачнее. "Если они не смогут быстро справиться со своим прошлым, гораздо больше их людей окажутся под нашей опекой здесь, в Бэссингфорде... или погибнут. Я хотела бы думать, что мы будем действовать быстрее, чтобы..."

Дисплей застыл, голос Сары Кейт прервался в середине слова внезапной, пронзительной, безошибочной резкой боевой тревогой. Лессем не успел выпрямиться в кресле, когда через громкоговорители раздался совсем другой голос.

"Боевые станции! Боевые станции!" - прогремел он. "Все на боевые станции! Это не тренировка! Боевые Станции! Боевые Станции!"

* * *

"Расскажи мне, Лестер", - резко сказал коммодор Лессем две минуты спустя, когда он вышел из кабины лифта и вошел на флагманский мостик КЕВ Клас Флеминг, флагмана Саганами-С класса как эскадры 912, так и оперативной группы 47.3.

"Они вышли из гиперра чуть более трех минут назад, сэр," - ответил командер Лестер Тури, начальник штаба эскадры 912, выпрямившись и отвернувшись от дисплея, над которым он сидел, согнувшись. "Хорошая новость в том, что они находятся прямо над внешними платформами, поэтому мы увидели их, как только они прибыли. Плохая новость в том, что их очень много".

Лессем сделал жест "продолжай говорить" пальцами правой руки, и Тури указал на россыпь багровых значков на главном дисплее.

"Мы все еще изучаем данные, сэр, но похоже, что это не менее ста военных кораблей солли. Там есть четыре действительно толстозадых импеллерных клина. Они достаточно большие, чтобы быть супердредноутами, но выглядят торговцами. БИЦ предполагает, что мы видим около пятидесяти линейных крейсеров при поддержке еще сорока или пятидесяти легких крейсеров и эсминцев, а также то, что крупными сигнатурами являются транспортники или

суда поддержки флота".

"Кто-то, еще на Старой Земле сказал, что количество обладает своим качеством?" - хитро спросил Лессем, и Тури резко фыркнул.

"Думаете, они здесь из-за нас, сэр?"

"Это возможно". Лессем потер подбородок, хмуро глядя на главный дисплей. "Это была бы ужасно быстрая реакция по сравнению с тем, что мы видели от них до сих пор, но было достаточно времени, чтобы кто-то добрался до Винкота. Мы не видели, чтобы кто-нибудь выходил из системы, но мы все знаем, как много это значит. Но если это то, что произошло, у них, должно быть эти люди сидели там наготове и совершили переход в тот момент, когда услышали о нас".

Коммандер Тури кивнул, подошел и встал рядом с высоким, квадратно сложенным коммодором, выражение его лица было задумчивым. На данный момент у Лессема было ровно десять тяжелых крейсеров, только четыре из них Саганами-С, поддерживаемые шестью эсминцами, и КЕВ Давид К. Браун, один из новых кораблей быстрой поддержки класса Давид Тэйлор.

Кто-то, подумал коммандер, мог бы назвать это небольшим дисбалансом сил.

Лессем не знал, о чем думал его начальник штаба в тот момент, но если бы он знал, он бы согласился. Правда, его Саганами-С и пара эсминцев класса Роланд, КЕВ Аякс и КЕВ Хонда Тадахаци, прикрепленных к опергруппе 47.3, имели полные погреба двухдвигательных ракет Марк 16, но ахиллесова пята Роландов была в ограниченности объема магазина. Каждый из них нес только двести сорок больших, мощных ракет, что меньше половины числа ракет Саганами-С. И ни одна из внутренних пусковых установок остальных его кораблей вообще не могла нести Марк 16.

К сожалению, у Королевского флота Мантикоры не было неограниченного запаса военных кораблей, способных нести Марк 16, и многие из них были оставлены для Большого Флота или отправлены в Десятый флот адмирала Золотой Пик в секторе Талботт. У него было шесть Саганами-В - Шелли Энн Дженсен, Маргарет Мэллори, Уильям С. Паттерсон, Оливер Савандер, Рич Рухолка и Дженнифер Вудард - все они были вооружены ракетами расширенного радиуса действия Марк 13, но радиус действия этого оружия с работающим приводом был намного короче, чем у Марк 16; это была ракета с одним приводом, она не могла включить баллистическую фазу в профиль полета; и его боеголовка была легче.

Что может быть спорным вопросом, заметил он, когда красные иконки соларианской оперативной группы начали ускорение в направлении гипертоннеля со спокойными 375 г.

Сражения за гиперпределом звездной системы были практически несслыханными по нескольким очень веским причинам. Самой заметной было то, что за гиперлимитом редко было что-то, за что стоило сражаться. Гипертоннели, подобные тому, что был за спиной ОГ 47.3, были основным исключением из этого правила, так же как и случайный ценный ресурс или часть системной инфраструктуры, например, особенно богатый пояс астероидов, который лежал ближе к звезде, но все еще находился за ее гиперпределом.

Но была еще одна важная причина, по которой битвы редко велись за гиперграницами: любой космический корабль за гиперграницей мог уйти в гиперпространство в любое время по своему усмотрению. И поскольку никто никогда не вступал в сражение, которое он не ожидал

выиграть, более слабая сторона в любой конфронтации за пределами гиперграницы всегда предпочитала уйти в гипер, прежде чем сильная сторона могла вступить в бой.

Если не было какой-то причины, по которой это не могло быть сделано.

Такова была настоящая причина постройки массивных укреплений, прикрывающих Мантикорский узел гипертоннелей. Разумеется, они были предназначены для того, чтобы уничтожить любого достаточно глупого, чтобы попытаться атаковать через один из вторичных терминалов узла, но кроме того, они должны были обеспечить достаточную сосредоточенную боевую мощь, чтобы противостоять практически любой мыслимой атаке через гиперпространство.

Однако ни одного из этих укреплений не было у терминала Прайм. Пять миллиардов жителей Прайма никогда не считали необходимым строить или поддерживать форты в дальнем космосе или что-то похожее на настоящий флот. Хотя система Прайм была номинально независимой, она была "тесно связана" с Солнечной Лигой, что означало, что она может опираться на крупнейший флот в галактике для своей защиты и требовала лишь немного легковооруженных подразделений для контроля внутреннего объема системы. И поскольку все знали, что терминал Прайм находится под защитой Лиги, никогда не было необходимости его укреплять. Любой, кто настолько глуп, чтобы захватить его, вскоре обнаружит, что ФСЛ постучит в парадную дверь его домашней звездной системы.

Аджай, на противоположном конце гипертоннеля, не был "тесно связан" с Лигой. Фактически Аджай был не очень заинтересован в Лиге. Хотя он поддерживал гражданские отношения со Старым Чикаго, он был независимой звездной нацией на протяжении трехсот пятидесяти Т-лет. Это было решено колонистами из других систем Окраины, которые не заботились о том, как развивается внешняя политика Лиги, и у их потомков были обоснованные подозрения, что Управление Пограничной Безопасности действительно хотело бы контролировать терминал Аджай. В противовес этим амбициям УПБ, система культивировала сердечные отношения и устойчивую торговлю с Звездным королевством Мантикора и Беовульфом.

Несмотря на это, президент системы Аделаида Тайсон громогласно протестовала, когда оперативная группа 47 прибыла к ее порогу и объявила, что она захватила самый большой природный ресурс ее звездной системы как часть Лаокоона-2. Лессем был почти уверен, что большинство ее протестов были на самом деле прикрытием зады своей звездной нации, если дела у Большого Альянса пойдут плохо. Они официально сделали ее записи, как свидетельство категорического протеста против "явно незаконного" захвата Звездной Империей всех тоннельных терминалов в поле зрения. Надеюсь, этого будет достаточно, чтобы защитить Аджай от гнева Лиги в случае возможного триумфа солариан. В любом случае, победив или проиграв, Лига все еще будет там на следующий день после окончательного подписания мирного договора. Аджай все еще должен был бы жить с этим, а у солли хорошая память. Если до Старого Чикаго дойдут слухи, что она сказала КФМ, что ей приятно видеть их в своей звездной системе, то это может создать определенную напряженность в их будущих отношениях.

В сложившихся обстоятельствах коммодору Лессему было трудно обвинить президента Тайсон, тем более что, несмотря на решительный протест, она и скромный флот системы Аджай не мешал оперативной группе 47, а службы астроконтроля Аджая сотрудничали - хотя только после решительного протеста - с иностранным флотом, который незаконно захватил контроль над их тоннелем.

Однако системный директор Грегор Чо на Прайме отреагировал несколько иначе. Он протестовал много сильнее, чем Тайсон, и он приказал, чтобы команда управления движением терминала отказалось от любого сотрудничества с захватчиками. Вице-адмирал Коррейя ожидал этого и привез с собой своих специалистов, которые теперь составили основную команду платформы управления движением Прайма после того, как экипажи Прайма были удалены с нее. Вице-адмирал также считал само собой разумеющимся, что Чо найдет способ отправить сообщение в Лигу как можно скорее, но ни он, ни Лессем не ожидали такого быстрого ответа.

Что вернуло Лессема к неприятностям, идущим к нему.

"Должны ли мы вызвать капитана Райс, сэр?" - тихо спросил командер Томас Возняк, его операционный офицер.

"Нет." Лессем покачал головой. Капитан Джессика Райс командовала вторым дивизионом эскадры 912, КЕВ Перегрин С. Файе и КЕВ Лиза Хольц класса Саганамис-С, прикрывая терминал Аджая... и спину остальной части ОГ 47.3.

"Она не добавит много к нашей огневой мощи," - продолжил коммодор, - "и они - и Ехидна - могут нам понадобиться там, где они есть. Он немного потер подбородок, затем резко вдохнул и отвернулся от дисплея.

"Джордж," - сказал он.

"Да, сэр?" - ответил лейтенант Джордж Гордон, его офицер связи.

"Во-первых, свяжитесь с командером Аамодтом. Я хочу, чтобы Со-По был готов пройти тоннель с полной тактической загрузкой для капитана Райс по моей команде. Остальная часть его дивизиона должна снять наших людей с платформы управления движением и немедленно эвакуировать их в Аджай."

"Да, сэр."

Тури издал звук смущенного изумления, и Лессем посмотрел на него. Командер пожал плечами.

"Аамодту не понравится это," - сказал он.

"Возможно и нет, но я сомневаюсь, что это удивит его," - ответил Лессем, и Тури кивнул.

Командер Терлах Аамодт носил две шляпы как командир КЕВ Обузье и командир дивизиона эсминцев 94.2. Как и КЕВ Со-По - и все другие корабли дивизиона 94.2 - Обузье был эсминец класса Кулверин. Кулверины были передовой технологией, когда они были введены в строй в 1899 году, но это было двадцать три Т-года назад, прежде, чем кто-либо за пределами нескольких ультра-секретных исследовательских программ когда-либо слышал о чем-то,

называемом мультидвигательной ракетой. Они оставались мощными платформами против тех, у кого не было собственных МДР или ДДР, но они полностью устарели против современного оружия. Это означало, что Лессем мог обойтись без них охотнее, чем без любого из его новых кораблей. Они также были построены для больших экипажей, чем более крупные, более современные Роланды, что обеспечило им избыточное жизнеобеспечение для эвакуации мантикорских специалистов с платформы по управлению движением.

"Пока Джордж разговаривает с Аамодтом, Том, - продолжил Лессем, возвращаясь к Возняку, - скажите капитану Амберлайн, чтобы она начала развертывание и включение подвесок в соответствии с планом Эйбл."

"Да, сэр." Операционист не казался очень удивленным приказом.

Гарриет Амберлайн командовала Дэвидом К. Брауном, большинство из вместительных грузовых контейнеров которого были набиты ракетами Марк 16. Один из грузовых модулей КБП был загружен МДР Марк 23, радиус действия которых был вдвое больше, чем у Марк 16, но Марк 23 не хватало, чтобы тратить их, когда меньший Марк 16 мог сделать его работу. Более того, больший диапазон Марк 23 не принесет реального преимущества в том виде сражения, который предвидел Лессем. План Эйбл использовал только подвески Марк 16, и он решил отправить Дэвида Брауна (называемого его командой "Брауни", несмотря на то, что это имя официально принадлежало НЛАК класса Гидра) обратно в Аджай после Кулверинов, как только Амберлайн завершит разгрузку по плану Эйбл. Он был ценной единицей, хотя корабли обслуживания у Райс в Аджаве несли во много раз больше подвесок, чем он. Несмотря на свой размер, его ускорение было больше всего, что было у солли, и он был копилкой его ракетных подвесок.

И мне может понадобиться заглянуть в эту "копилку" чертовски скоро, подумал он мрачно. Многие будут зависеть от того, что эти люди решат сделать.

* * *

"БИЦ видит десять или двенадцать крейсеров, четыре эсминца и что-то, что может быть дредноутом, мэм," - сообщил контр-адмирал Бартилу Росиак.

"Дредноут?" - повторила адмирал Джейн Изотало, командир оперативной группы 1027 флота Солнечной Лиги, подняв бровь. Ни один флот из первого десятка не использовал дредноуты уже двадцать Т-лет. УРФ сообщал, что и манти, и хевы использовали их в начале своих войн, но все они давно списаны.

"Да, мэм," - сказала контр-адмирал Ламизана, офицер разведки ОГ 1027, прежде чем Росиак смог ответить.

Изотало перевела взгляд на Ламизану, и офицер разведки пожала плечами.

"БИЦ не говорит, что это обязательно он, мэм," - сказала она. "Но его масса около трех миллионов тонн, что слишком много даже для одного из линейных крейсеров манти. Впрочем, он слишком велик даже для линкора, но слишком мал для СД. Это может быть какое-то вспомогательное или снабженческое судно - на самом деле, возможно, так оно и есть - но на нем импеллер военного класса. Пока мы не узнаем больше, я думаю, что мы должны предполагать, что это боевой корабль."

Изотало на мгновение задумалась, затем кивнула. В отличие от нее, Ламизана была из Пограничного Флота. При нормальных условиях это могло бы сделать Изотало менее впечатленной ее предостережением. Несмотря на то, что адмирал не хотела этого признавать, пограничный флот имел лучшую репутацию, чем боевой, когда дело дошло до признания угрозы технологических преимуществ Мантикоры.

Никто из нас точно не покрыл себя славой, подумала она.

Тем не менее, Ламизана была умна, и она приложила немало усилий, чтобы получить лучшее представление о способностях манти, которое могла, еще до того, как ОГ 1027 была задействована для операции Флибустьер и отправлена полностью сжечь орбитальную инфраструктуру Аджая.

"Как вы думаете, что они здесь делают, Малин?" - спросила Изотало. "Еще один пример их стратегии захвата гипертоннелей?"

"Скорее всего, мэм". Ламизана кивнула. "Я не могу представить себе другую причину, по которой они могли бы находиться на расстоянии трех-четырёх сотен световых лет от Мантикоры или Беовульфа. У них еще не было времени, чтобы узнать о Флибустьере и начать развертывание сил перехвата, а если это то, что делают эти люди, я ожидала, что у них будет большая сила, чем эта".

"Просто нам повезло столкнуться с ними здесь", - с кислым выражением заметил начальник штаба Изотало, контр-адмирал Киммо Рамалас.

Как и Ламизана, Рамалас был из Пограничного Флота, а не из Боевого, и он был с Изотало менее трех Т-месяцев. Фактически он был назначен несмотря на ее протест, когда у нее забрали контр-адмирала Тирсо Фредерика. Фредерик был ее начальником штаба в течение большей части трех лет, но Уинстон Кингсфорд решил разорвать установившиеся командные отношения - и переназначить офицеров Пограничного и Боевого флота - с тех пор, как он сменил Раджампета Раджани в качестве начальника флотских операций. Новая политика, когда она была приведена в действие, привела Изотало в бешенство и она вряд ли была одинока в этом.

Она сказала себе, что это не вина Рамаласа. И, учитывая всю глубину того дерьма, в котором ФСЛ оказался со времен идиотизма Джозефа Бинга в Новой Тоскане, последнее, что она могла себе позволить - это создать какие-либо необязательные трения с новым начальником штаба. Ничто из этого не делало ее счастливой, видя его на борту КФСЛ Молниеносный, ее флагманского линейного крейсера.

Помогло то, что, как и Ламизана, Рамалас был умным и тактичным. Этого было недостаточно, чтобы внушить ему любовь к его коллегам из Боевого Флота, но он и Изотало относились друг к другу с твердым взаимным уважением.

"Это маловероятно, Киммо," - отозвалась она. "Но я предлагаю, чтобы мы рассматривали это как возможность, а не как реальность". Рамалас склонил голову к ней, и она быстро оскалилась. "Я до сих пор не знаю, как я отношусь к ужасным историям, которые Малин и Барт рассказывают нам о дальности действия ракет манти, - продолжала она, дернув головой в сторону Ламизаны и Росиака, - хотя я не собираюсь считать, что они неправы. Ублюдки, черт

возьми, явно чем-то выбивают из нас дерьмо! Но как бы ни были хороши их ракеты, у нас есть сто тысяч подвесок с улучшенными Катафрактами прямо на борту кораблей снабжения. Возможно, они не могут сравниться с глубиной наших магазинов, и сражение здесь перекроет путь их силам, находящимся внутри гиперлимита. Мой вопрос в том, находятся ли они здесь сами по себе или они держат дверь открытой кому-то еще?"

"Вы думаете, что они могли пройти через Прайм по пути в Агуэду, мэм?" - сказал Рамалас.

"Это имело бы смысл, учитывая их стратегию захвата гипертоннелей," - отметила Изотало. "И если это то, что происходит, то, если убрать их от терминала и захватить его, это может отправить в ад их логистику. Это может даже заставить тех, кого они отправили в Агуэду, возвратиться на Мантикору долгим путем". Она злобно улыбнулась. "Это вывело бы все их силы из строя почти на два Т-месяца без единого выстрела".

"Согласен, мэм," - кивнул Рамалас. "Но что бы ни случилось, они должны отправить курьера через гипертоннель в Аджай".

"Это правда," - признала Изотало. "Но не знаю, насколько это им поможет. Я ожидаю, что мы скоро узнаем об этом. Если у них достаточно огневой мощи в Аджайе, чтобы дать нам бой, они либо призовут их поддержать пикет здесь, либо отступят через терминал, чтобы сконцентрировать свои силы, если мы доберемся до них".

Что, про себя добавила она, я не собираюсь делать. Последнее, что мне нужно, это отправить оперативную группу на штурм гипертоннеля против подготовленной обороны!

Она думала об этом, разглядывая основной дисплей. Расстояние до ванти было чуть более пяти световых минут. На этом расстоянии бортовые сенсоры Молниеносного могли видеть только сигнатуры импеллеров противника. Разведывательные платформы, опережающие ОГ 1027, начнут передавать лучшие данные через примерно двадцать минут, но она, к несчастью, была уверена, что у манти уже есть эти "лучшие данные" по ее собственным силам. УРФ было вынуждено признать, что Королевский Мантикорский Флот и его союзники действительно имели сверхсветовую связь - с достаточной пропускной способностью для разведывательных дронов - по крайней мере на внутрисистемных расстояниях. Казалось невероятным, что какой-либо командир манти позволит поймать себя со спущенными штанами, так что вокруг терминала несомненно была оболочка сенсорных платформ.

"Время до терминала, Магумо?" - спросила она, не отрываясь от дисплея.

"Мы в девяноста четырех миллионах километров, мэм," - ответил ее астрогатор коммодор Магумо Сентула. "При текущем ускорении мы сделаем разворот для остановки с нулевым ускорением через восемьдесят четыре минуты. Скорость при развороте будет один-восемь-точка-шесть тысяч км/сек".

"Спасибо", - сказала она.

Конечно, это была геометрия для подхода в нормальном пространстве. Они могли бы прыгнуть на триста с лишним световых секунд через гипер за часть этого времени, и если манти решили стоять и сражаться на этой стороне тоннеля, она подозревала, что понадобится еще несколько

микропрыжков в не слишком отдаленном будущем. Астрогация была более чем рискованной для прыжков на короткие дистанции, и она не планировала делать ни одного из них без необходимости. Кроме того, подход в обычном космосе даст Росиаку, Ламизане и их дронам, ограниченным скоростью света больше времени, чтобы собрать дополнительные тактические данные.

Еще пятнадцать или двадцать секунд она изучала скучные значки на дисплее, а затем пожала плечами.

"В таком случае, я думаю, мы выясним, что они имеют в виду, через пару часов," - заметила она, сложила руки за спиной, отвернулась от дисплея и подошла к своему командному креслу. "А пока, Барт," - продолжила она, - давайте развернем Хаски и определим интервалы между оперативными группами. Поставьте Сантини в авангард, но я хочу, чтобы между группами было не менее трех световых секунд".

Росиак посмотрел на нее, и она улыбнулась.

"Если они решат стоять и сражаться, я более чем готова помочь им истратить как можно больше боеприпасов," - сказала она. "Так что, когда вы передадите приказ об определении интервалов, сообщите Цукахаре, Бонрепо и Сантини, что я хочу их лучших астрогаторов - мне все равно, находятся ли они на флагманах или где-то еще в группе - быть готовыми рассчитать самые точные микропрыжки, которые они могут мне дать, если я попрошу их".

Росиак прищурился. Затем он кивнул с ответной улыбкой. "Понял, мэм", - сказал он.

* * *

"Сэр, БИЦ сообщает о чем-то... странном," - сказал командер Возняк. Коммодор Лессем отвернулся от разговора с командером Тури, подняв указательный палец начальнику штаба жестом "держи эту мысль".

"Что за "странность", Том?"

"Это похоже на почти четыре или пять тысяч разведывательных дронов, сэр."

"Четыре или пять тысяч дронов?" Брови Лессема поднялись, и Возняк кивнул.

"Так это выглядит... почти, сэр, но я не думаю, что это так."

Лессем пересек флагманский мостик и посмотрел через плечо Возняка на дисплей операционного офицера. Учитывая масштаб дисплея, сигнатуры импеллеров "беспилотников", о которых сообщал Возняк, образовывали своего рода туман вокруг соларианских крейсеров, а не регистрировались как отдельные точечные источники. Цифровая боковая панель развернулась вверх, когда датчики на платформах Призрачного Всадника, следящие за агрессорами - ну, он только полагал, что вновь прибывшие - агрессоры, если быть честным - обнаружили и вывели на дисплей расцветающие сигнатуры.

"Ты прав," - сказал он. "Они не могут быть разведчиками оставаясь так близко вокруг своих кораблей. Хотя я не знаю, чем еще они могут быть."

"Это не видно на экране, сэр, но БИЦ говорит, что они определенно формируют структуры вокруг линейных крейсеров. Чем бы они ни были, они определенно группируются примерно по сотне около каждого линейного крейсера. Я предполагаю, что они могут быть какой-то противоракетной обороной - возможно, они придумали новые платформы-приманки, чтобы заменить или дополнить Гало, и они устанавливают их как можно более плотно вокруг наших приоритетных целей - но я не очень уверен в этом. Кем бы они не были, они недостаточно скрытны для разведывательных платформ. На самом деле на этом расстоянии мы видим их даже судовыми сенсорами Класа Флеминга.

Мы не различаем четко отдельные сигнатуры - не так, как Призрачный Всадник - но мы можем их видеть, а нас не должны видеть даже соларианские дроны".

"Даже не учитывая того, что нет разумной причины запускать разведывательные дроны, а затем держать их так близко к кораблям", - сказал Лессем, кивая головой в знак согласия. Он стоял, глядя на дисплей, десять или пятнадцать секунд, сложив руки за спиной и задумчиво сжав губы, затем пожал плечами.

"Ну, я думаю, мы узнаем, чем они занимаются, в свое время. И, по крайней мере, любое открытие, которое мы сделаем, произойдет вне гиперлимита."

* * *

"Коммодор Куигли на месте, мэм," - сказал контр-адмирал Росиак.

"Спасибо, Барт."

Джейн Изотало кивнула, откинувшись на спинку своего командного кресла и изучая главный дисплей. ОГ 1027.4 Миллисент Куигли была настоящей причиной, по которой она была готова тратить ракеты как воду против эскадры манти вне гиперпредела. Если ей каким-то образом не удастся приблизиться на более близкое расстояние, чем мог бы позволить противоборствующий командир, она не надеялась убить многих манти - особенно если они могли уйти в гипер, чтобы избежать ее огня. Нет сомнений, что командир манти с готовностью позволил бы ей тратить много ракет, и в обычных обстоятельствах Изотало беспокоил бы связанный с этим расход боеприпасов. В этом случае, однако, три 7 500 000-тонных грузовых корабля класса Вояджер под командованием Куигли давали ей более глубокие магазины, чем обычно.

К сожалению, Вояджеры были частью флота ВИТ: гражданские суда, предназначенные быть "Взятыми Из Торговли" для чрезвычайной ситуации. Федеральное правительство субсидировало постройку кораблей ВИТ, что давало им право призвать их, если флот решит, что он в них нуждается, но они не были спроектированы в соответствии с техническими требованиями военного уровня, а были гражданским проектом. Они были безоружны и не имели активной защиты. Они также были неповоротливы по сравнению с военными кораблями своего размера, поэтому она перевела грузовики Куигли, ремонтное судно Геркулес класса Атлас и сопровождающие их легкие крейсера и эсминцы на полмиллиона километров за корму ОГ 1027.2 вице-адмирала Цукахары, замыкающей группы линейных крейсеров. Это давало им больше времени, чтобы уклониться, если на их пути появится что-нибудь опасное, но оставляло их достаточно близко, чтобы развернуть дополнительные Хаски для линейных крейсеров Цукахары, если они были необходимы.

Она взглянула на боковую панель дисплея. ОГ 1027 совершила разворот восемь с половиной минут назад. Расстояние упало до тридцати восьми миллионов километров, а скорость сближения с неподвижными манти упала до 16,704 км/сек.

Семьдесят пять минут до остановки у терминала, подумала она. Интересно, что у них там в головах?

* * *

"Боже мой," - пробормотал сэр Мартин Лессем. "Я полагаю, что эти люди хотят гипертоннель".

"В самом деле, сэр?" - спросил командер Тури. Лессем посмотрел на него и кивнул. "Почему вы так решили, сэр?"

Лессем фыркнул от удивления, хотя, по правде говоря, наблюдать, как множество линейных крейсеров, продвигающихся к его кораблям, было не самой забавной вещью, которую он когда-либо делал. Особенно учитывая величину их ускорения. Платформы Призрачного Всадника подтвердили идентификацию классов солли, и даже при стандартных запасах безопасности в мирное время линейные крейсера классов Неутомимый и Невада могли развивать ускорение в 3,83 км/сек в квадрате. Однако они показывали только 3,68 км/сек в квадрате - на пятнадцать g ниже, чем их восьмидесятипроцентный запас. Это могло показаться небольшой разницей, но это предполагало - и платформы подтвердили - чем были эти загадочные сигнатуры "разведывательных дронов".

Каждый из приближающихся линейных крейсеров буксировал цепь ракетных подвесок за пределами своего клина, и эти подвески не значились в базах данных Тома Возняка о возможностях противника.

Было соблазнительно предположить, что они представляли собой временное приспособление, импровизированное из-за технологической неполноценности солли. Возможно это и было так на самом деле. Но эти подвески выглядели подозрительно похожими на "осликов", разработанных Шеннон Форейкер для флота Республики Хевен перед нападением Республики на Мантикору. Их было слишком много, чтобы количество кораблей на его дисплее могло буксировать их на отдельных тяговых лучах, и кластерные схемы развертывания действительно предполагали нечто более похожее на осликов, чем на оборудованные тяговым лучом ракетные подвески Мантикоры. Более того, хотя ускорение у солариан было низким, оно было не таким низким, как должно быть с таким количеством подвесок на буксире. И причина была в том, что в отличие от мантикорских или хавенитских подвесок, у них были свои импеллеры.

Судя по скромной величине их клиньев, солли, вероятно, поставили на них узлы импеллера стандартного разведывательного дрона, что объясняло первоначальное замешательство БИЦ по поводу того, чем они были. Установка этих узлов должна была сильно уменьшить объем модулей, и он сомневался, что они смогут поддерживать свой текущий уровень ускорения в течение длительного периода времени вне бортового питания. Но если бы они действительно были концептуальным эквивалентом хевенитовских "осликов", они были бы оснащены только собственными тяговыми лучами, питанием и телеметрическими ретрансляторами. Сжатие их объема не стоило бы командиру солли никаких ракет, так как они никогда изначально не предназначались для того, чтобы нести ракеты, а их импеллеры могли бы значительно снизить недостаток ускорения ФСЛ по сравнению с Большим Альянсом.

Восемьдесят процентов максимального ускорения Класа Флеминга составляло 5.697 км/сек в квадрате, что на шестьдесят g выше, чем у Невады вообще без запаса прочности. Если бы оба

корабля достигли максимального ускорения, преимущество Класа Флеминга составило бы более двухсот сорока g. Ничто не позволяло Неваде перегнать Саганами-С с нуля, но буксировка такого количества подвесок с незапущенными двигателями радикально снизила бы и без того вялые темпы ускорения солли. Со встроенными приводами ускорения линейных крейсеров были лишь значительно хуже его собственных, но не безнадежно.

Временные или тщательно продуманные, они должны были стать ответом на то, что ракеты Большого Альянса делали с солли со времен Новой Тосканы. Подвески системной защиты ФСЛ - системная защита была единственной ролью, в которой до войны солли рассматривали возможность использования ракетных подвесок - не нуждались и не имели собственных импеллеров. Таким образом, они должны были быть спроектированы и запущены в производство с момента начала стрельбы. В некотором смысле, это было небольшое продвижение, которое вряд ли может оказать существенное влияние на баланс боевой мощи. Однако, как предвестник возможной соларианской активности, было... тревожно видеть это так скоро.

А еще там было много черт-знает-чего.

Ему совсем не нравились последствия этого. Это говорило о большом количестве ракет, которые в скором времени могут быть запущены в направлении его кораблей, что было достаточно плохо, хотя вероятность попадания солли на такой большой дистанции все равно была близка к нулю. Намного хуже была скорость, с которой появилась эта новая система. Казалось, начался дарвиновский процесс, о котором он беспокоился, и по крайней мере, было столь же плохо, что одна оперативная группа, расположенная так далеко от дома, развернула около пяти тысяч таких систем, буксировавших в общей сложности 30000 ракетных подвесок без питания. Предполагая от шести до десяти ячеек на подвеску, это дает от 180 000 до 300 000 ракет, и учитывая нечто подозрительно похожее на корабли снабжения, идущее за боевыми крейсерами, он подозревал, что это только верхушка айсберга.

Таким образом, в дополнение к свидетельству адаптивности солариан, он видел доказательство способности промышленной инфраструктуры Лиги внедрять в производство совершенно новые системы очень и очень быстро.

Плохо, подумал он. Совсем плохо.

Но эти последствия будут в будущем - и для внимания более высокооплачиваемых, более высоко расположенных мозгов, чем его - напомнил он себе. Лучше всего он сосредоточит свое внимание на том, что имел в виду командир солли для ОГ 47.3.

Солли начали свое формирование, когда приблизились, и порядок, который они приняли, был не совсем стандартным. Они разделились на три примерно равных по размеру подгруппы - он подозревал, что они отражают организацию оперативной группы - продвигаясь почти в колонне, или, возможно, как бусы на нитке, к терминалу. БИЦ обозначил их от Альфа-1 до Альфа-3, и они были расположены на расстоянии почти девятисот тысяч километров друг от друга, что указывало на то, что соларианский командир имел в виду нечто умное. Лессем был почти уверен, что понял, что такое это "что-то умное", но он не собирался слишком заикливаться на своей мысли. Вполне возможно, что солли придумали что-то совершенно другое.

"Текущее расстояние, Палко?" - спросил он.

"Тридцать шесть миллионов кликов, сэр," - ответил командер Палко Накада, астрогатор ОГ

47.3. "Скорость сближения один-шесть-два-семь-семь км/сек."

"Спасибо."

"Они кажутся уверенными, сэр," - заметил Тури. "Конечно, я полагаю, что Бинг тоже был довольно уверен, пока..."

"Пуск ракет," - неожиданно объявил командер Возняк. "Массовый пуск от Альфа-1. Примерно шесть тысяч - повторяю, шесть-ноль-ноль-ноль - входящих."

* * *

"Первый залп пошел, мэв," - объявил контр-адмирал Росиак.

"Спасибо, Барт," - сказала Джейн Изотало так вежливо, как будто она еще не видела исходящие ракетные следы от ОГ 1027.2 вице-адмирала Элвиса Цукахары. В конце концов, это была работа Росиака.

Это знакомое наблюдение скрывалось под ее мыслями, когда она наблюдала, как первая волна улучшенных Катафрактов мчится к манти.

Что бы война ни значила для Солнечной Лиги в целом, ее время оказалось... удачным для Технодайна из Йилдуна. Огромной межзвездной корпорации было предъявлено достаточно уголовных обвинений, чтобы сделать выживание сомнительным даже для мегакорпорации такого размера. Более тридцати членов его высшего руководства были приговорены к реальным срокам тюремного заключения в свете некоторых смущающих откровений - например, того незначительного факта, что Республика Моника получила ряд полнофункциональных линейных крейсеров ФСЛ со всеми секретными техническими системами в целости и сохранности - которые были ранее списаны Технодайном. По мнению Изотало, этот "незначительный факт" был главной причиной - возможно, основной причиной - того ужасного беспорядка, в котором оказалась Лига в настоящее время, но любые дополнительные наказания Технодайна меркли перед лицом демонстративного превосходства военной техники "Большого Альянса".

Они не испарились не потому, что все были прощены, а скорее потому, что Технодайн был одним из наиболее важных поставщиков Флота - можно было бы точнее сказать, самым важным поставщиком - и его разработчики взялись за дело, столкнувшись с превосходством манти. Действительно, Изотало подозревала, что Технодайн уделял больше внимания, чем Управление разведки флота, сообщениям из сектора Хевен в течение достаточно долгого времени, учитывая, насколько быстро появились первые многоступенчатые ракеты Катафракта из его мастерских. Катафракта был большим и грубым по сравнению с технологией манти нынешнего поколения - фактически он представлял собой не более чем обычную ракету с вооруженной лазерной головкой "противоракетой", приклеенной к носу, - но, по крайней мере, он обеспечил флот оружием, которое действительно может достичь врага.

Очевидно, что Технодайну не удалось скопировать системы наведения и управления огнем манти, что означало, что точность на больших расстояниях оставалась плохой, но достаточно плотный залп все равно мог генерировать попадания. И, чтобы обеспечить эту плотность,

Технодайн придумал то, что он назвал "Модуль рассредоточенного оружия, Модель 2" (что интересно, предполагалось, что была предыдущая "Модель 1", о которой он никому не упоминал), окрещенный "Хаски" тактическими офицерами флота.

Каждый Хаски представлял собой специализированный буксирный дрон, оснащенный маленьким импеллером, антенной приемника мощности, телеметрическим транслятором и восемью лучами, каждый из которых мог буксировать одну ракетную подвеску Технодайна. Бортовой мощности Хаски было достаточно только для ограниченного - очень ограниченного - независимого маневрирования, но его всегда можно было буксировать лучами материнского корабля. Однако пока он мог питаться от луча этого корабля, его время работы было практически неограниченным. И конструкция была такова, что каждый Хаски мог быть "матерью" восьми дополнительными Хаски. Теоретически, они могли образовывать гирлянды с глубиной до четырех слоев, а настоящие ракетные подвески могли образовывать пятый ярус огромной гирлянды. Это означало - опять-таки в теории - что один луч на борту одного военного корабля мог буксировать 1024 ракетных подвески. Последняя, улучшенная версия Катафракта была несколько больше, чем модель, которая была у Филареты в Мантикоре, а новые подвески были по отдельности меньше, и способны нести только шесть ракет последних марок Технодайна.

Так что в теории - в теории - этот единственный корабельный луч мог бы отправить в космос 6144 ракеты. Требуемая мощность намного превысила бы возможности чего-либо, кроме супердредноута, однако, фактически, Изотало сомневалась, что даже супердредноут мог бы справиться с таким количеством подвесок, и лучше, что могли сделать ее линейные крейсера, было чуть меньше ста Хаски и "всего" 768 подвесок, что означало, что в развернутых подвесках линейных крейсеров самой легкой из ее целевых групп было почти двенадцать тысяч ракет.

Без импеллеров Хаски их ускорение было бы ускорением артритной черепахи... в лучшем случае. С импеллерами Хаски эффект всей этой массы за пределами клиньев импеллеров линейных крейсеров был незначительным. И все это позволяло бы ввести в бой более 36 000 ракет.

И это не считая запаса на ее грузовиках. Они были нагружены дополнительными 90 000 подвесок, даже после развертывания Хаски в ее первом залпе. Казалось... маловероятным, что дюжина крейсеров манти может противостоять более полумиллиону Катафрактов.

С другой стороны, манти продемонстрировали извращенную склонность делать "маловероятные" вещи с флотом Солнечной Лиги.

В дополнение к производству Хаски, производитель оружия усовершенствовал свой оригинальный Катафркт, увеличив ускорение его первой ступени на двадцать процентов, что увеличило его максимальный радиус действия с включенным приводом из состояния покоя с 13 650 172 километров до 19 370 400. Однако Технодайн не смог ничего сделать с ограничениями из-за управления огнем на скорости света, и дополнительное ускорение не имело значения, по крайней мере, для этого залпа. Росиак был вынужден включить баллистическую фазу в профиль атаки, так как даже при усовершенствованиях и ненулевой скорости при запуске максимальный радиус действия с включенным приводом оставался менее тридцати двух миллионов километров. Прямые попадания, особенно при противоракетной обороне Мантикоры, были бы редкими даже на расстоянии двадцати миллионов километров; на тридцати шести миллионах они вряд ли возможны, но на самом деле это было не то, чего хотела Изотало.

Покажи мне, что у тебя есть, молча подумала она, откидываясь на спинку своего командного

кресла, когда ракеты рванулись к своим целям. Мне все равно, насколько хороша твоя ракетная защита; ты не можешь иметь ее очень много на этих нескольких платформах. Так покажи мне, что они могут сделать.

* * *

"Ракетная оборона Рено," - спокойно сказал коммодор Лессем, наблюдая, как приливная волна ракет несется к нему, а затем взглянул на векторные анализы дисплея. Основываясь на характеристиках ракет Массимо Филареты, БИЦ прогнозировал общее время полета в 406 секунд, включая 151-секундную баллистическую фазу, и он поджал губы, наблюдая, как уменьшались показания индикатора времени. Еще было время - хотя и не много - чтобы обдумать варианты, и его мозг завибрировал за его задумчивыми глазами.

"Ракетная оборона Рено, есть, сэр," - ответил Возняк. "Ракетная оборона располагает хорошими данными слежения от Призрачных Всадников и носовые стены активируются... сейчас." Он посмотрел через плечо и улыбнулся коммодору. "Думаю, этих людей ждет сюрприз, сэр."

"Мы всегда можем надеяться." Лессем посмотрел на командера Тури. "Интересно, какой процент от всех их птичек это представляет?"

"БИЦ оценивает это примерно в двадцать процентов, сэр." Судя по скорости ответа, Тури думал о том же, что и коммодор. "Я склонен думать, что это точно двадцать процентов, - продолжил он, - но Brent не готов быть настолько определенным."

"Почему я не удивлен?" - усмехнулся Лессем, не сводя глаз с тактического дисплея.

Командер Brent Крёше, тактический офицер Класа Флеминга, был очень хорош в своем деле. Джоан О'Рейли, командир Класа Флеминга, была о нем очень высокого мнения, и Лессем был склонен согласиться с ней. Но Крёше был педантичным человеком. Если он не был уверен в своих числах, по крайней мере до десятого знака, лучшее, что он мог сказать, было "вероятно". И очень редко "весьма вероятно", если он был уверен с точностью до девятого знака.

"Ну, если столько птичек составляет только восемь процентов от того, что они могли бы запустить, они, вероятно, не ожидают..."

"Сэр, в их профиле запуска есть что-то странное," - внезапно сказал командер Возняк. Лессем отвернулся от Тури, чтобы посмотреть на Возняка, и операционный офицер несчастливо нахмурился. "Сэр, они показывают намного больше ускорения, чем следовало бы. Ракеты Одиннадцатого флота, которые мы проанализировали, достигали максимум семьсот один км/сек в квадрате; эти птички достигают более восьмисот сорока."

Лессем резко вздохнул, вспомнив свои прежние мысли о соларианских инновациях и продуктивности.

"Предполагая, что время работы привода в обеих ступенях такая же, как у Филареты, это дает им максимальный радиус действия с включенным приводом почти в тридцать два миллиона кликов," - продолжил Возняк. "Это уменьшает их баллистическую фазу до четырех миллионов кликов и примерно до двадцати четырех секунд, что делает их общее время полета всего два-семь-девять секунд."

"Понятно." Голос Лессема был ровным, но его мозг ускорился. Его цикл принятия решений стал на 134 секунды короче, чем он предполагал, и он уже потерял десять из них, узнавая об этом.

Гипергенераторы его кораблей были в состоянии готовности, что означало, что они могут попасть в альфа-полосу менее чем за минуту. Ну, все, кроме Дэвида К. Брауна. У КБП были импеллеры военного класса, инерционный компенсатор и гипергенератор, но он также весил в семь раз больше, чем Клас Флеминг, а размер был фактором, влияющим на время цикла гипергенератора, как и ускорение. Саганами-С, подобный Класу Флемингу, может перейти в гипер из готовности за 44,6 секунды, в то время как более крупному линейному крейсеру Солариан класса Невада потребуется 55,7. Однако для трехмиллионного КБП требовалось 118,8 и требовалось бы больше, чем три минуты, если бы он имел генератор гражданского типа.

Это ставило по крайней мере один интересный вопрос, поскольку три транспорта или грузовых корабля в компании с линейными крейсерами соли были более чем в два раза массивнее, и у них, похоже, были импеллеры гражданского типа. Если на них также установлены гражданские генераторы, их минимальное время цикла будет почти в три с половиной раза больше, чем у "Брауни".

Время гиперциклов очень мало значили в нормальных боевых условиях, так как, в любом случае, никто не мог входить или выходить из гипер в пределах гиперлимита звезды. Тем не менее, они очень много значат далеко за гиперпределом, как обнаружила Женестьева Чин, когда она столкнулась с супердредноутами герцогини Харрингтон, вооруженными Аполлоном за гиперпределом Мантикоры-А.

Аналитики Народной Республики радикально недооценили эффективную дальность полета Аполлона, и все брифинги разведки Чин говорили ей, что она находится далеко, когда Восьмой флот выстрелил в нее. Баллистическая фаза протяженностью 44 000 000 километров, которую герцогиня Харрингтон была вынуждена включить в свой залп только для того, чтобы добраться до кораблей Чин, подтвердила, что она находится за пределами эффективного диапазона управления огнем на корабле, и так и было. Но не очень далеко за его пределами. Восьмой флот был достаточно близко, чтобы обновить платформы управления Аполлона практически в реальном времени, прежде чем он предоставил им автономный контроль, и этот автономный контроль оказался намного лучше, чем кто-либо в НРХ полагал. Даже с этим обновлением Марк 23 были гораздо менее точными, чем они были бы в трех световых минутах, в отличие от четырех световых минут, на которые они были запущены. Они просто были намного точнее, чем ожидали хевы.

К чести Чин, ее собственные тактические инстинкты перекрыли инструктаж УРФ, когда МДР герцогини Харрингтон выключились и пошли по баллистике. Но потребовалось несколько секунд, пока ей сообщили об отключении. Затем ее инстинктам потребовалось пятнадцать или двадцать секунд, чтобы пересилить инструктаж. Это была действительно удивительно быстрая реакция, учитывая все обстоятельства, но часы тикали, и ее флагману потребовалось еще несколько секунд, чтобы передать приказ на уход в гипер. Затем ее капитанам потребовалось еще несколько секунд, чтобы получить его, и еще несколько, чтобы их астрогаторы ответили, а инженеры начали цикл.

У нее кончились секунды. Время цикла на гипергенераторах ее супердредноутов, минимальное время, необходимое для перехода даже из полной готовности, составляло более четырех с половиной минут, а общее время полета ракет Восьмого флота с момента остановки их двигателей второй ступени составляло только 5,2 минуты.

Разница менее сорока секунд не была такой уж большой, но последствия для ее команды были катастрофическими.

Время цикла для кораблей Лессема, даже Дэвида К. Брауна, было намного короче этого, и он думал, что сможет подождать более пяти минут с момента залпа солариан и по-прежнему перевести КБП в гипер, чтобы избежать входящего огня. А у его легких кораблей было более шести минут для игры.

Но теперь ...

"Думаю, пока не нужно паниковать," - сказал он, подходя, чтобы встать позади Возняка, и положив одну руку ему на плечо, смотреть мимо офицера на его дисплеи. "Пока они не захотят показать нам больше ракет за один запуск. Хотя стоит задуматься, какие еще сюрпризы они могут преподнести нам, не так ли?"

* * *

Оперативная группа 47.3 неподвижно висела в космосе между линейными крейсерами Джейн Изотало и терминалом Прайм, и маневры уклонения при базовой скорости, равной нулю, были ограничены. Даже с максимальным ускорением Саганами-С, равным 726,2 g, Клас Флеминг мог бы изменить свое положение не более чем на 587 000 километров и достичь скорости всего 2 890 км/сек за те 6,8 минуты, через которые, как Лессем ожидал, ракеты оперативной группы 1027 доберутся до него. За то время, что у него было на самом деле, лучшее, что он мог бы сделать - 277 000 километров и 1 980 км/сек. Это было меньше чем одна световая секунда, что было ничтожно мало для ракет, летящих со скоростью восьмидесяти процентов скорости света. С другой стороны, Лессем не мог развить большую базовую скорость и оставался между Изотало и терминалом.

Не то, что ему это было нужно.

Пока, по крайней мере.

Катафракты были слишком далеко от контр-адмирала Росиака, чтобы эффективно управлять ими. Свыше шестидесяти T-лет, с момента появления лазерной головки, эффективное ракетное сражение управлялось по каналам телеметрии ракет. В теории для любой ракеты было бы просто найти что-то столь ослепительно очевидное, как включенный импеллерный привод звездолета. На практике все было немного сложнее. Не то, что ракеты, работающие в автономном режиме, не могли обнаружить цели; просто у них были проблемы с поиском - и поражением - правильных целей.

В самом деле, увидеть импеллерную сигнатуру цели технологически было действительно детской игрой во многих отношениях. К сожалению, космические корабли с импеллерным приводом были чрезвычайно маневренны, их клинья резко ограничивали уязвимые точки, с которых они могли быть успешно атакованы, и они устанавливали как активную, так и пассивную оборону, разработанную так, чтобы задача искателей любой атакующей ракеты была как можно более непростой.

Учитывая, как собственный импеллерный клин ракеты сужал поле зрения ее бортовых искателей (одно учебное пособие КФМ сравнило это с управлением воздушным автомобилем, глядя на внешний мир через соломинку для газировки), малый размер ее эффективной цели (узкий промежуток между верхним и нижним клиньями импеллера), приманки и системы

радиоэлектронной борьбы, предназначенные для поражения этих искателей, и способность цели быстро перекачать корабль, чтобы вставить собственный импеллерный клин, вероятность поражения любой отдельной ракетой всегда был низким. Выше для лазерных головок, чем для контактного оружия, но все же низким. И до введения современных ракетных подвесок плотность залпа также была низкой, что делало необходимым поиск способа увеличения этой вероятности.

Решение состояло в том, чтобы превратить каждый залп в сеть платформ с распределенными сенсорами. Любая данная ракета может не очень хорошо видеть цель - если вообще видеть - во время атаки, особенно когда заходит по профилю, предназначенному для того, чтобы максимально затруднить перехват активной обороне этой цели. Но когда все искатели на борту каждой ракеты во время атаки сообщали о том, что они могли видеть, на корабль, который их запустил, данные можно было сопоставить, объединить и проанализировать. Может быть собрана гораздо лучшая тактическая картина; может быть отмечена и учтена тактика электронного противодействия противника; возможные ложные цели могут быть идентифицированы и исключены из очереди целей; маневры уклонения другой стороны могут быть отслежены, учтены и спрогнозированы; уточненные инструкции можно было отправлять не только ракетам, которые предоставили данные, но и всем ракетам в залпе.

Это не только повышало точность в отношении назначенных целей, но и позволяло тактическим офицерам корректировать очереди прицеливания на лету, перенаправляя ракеты, когда их первоначальные цели были повреждены или уничтожены, или были обнаружены новые, более ценные цели. С увеличением дальности отставание в передаче увеличивалось до тех пор, пока не достигла точки, в которой новые инструкции от стреляющего корабля неизбежно устаревали и фактически начали ухудшать точность его ракет, после чего связь обрывалась и ракеты возвращались к бортовому управлению.

Это и было проблемой ОГ 1027.

Ракеты, атакующие цели в 36 000 000 км от их стартовых платформ, находились далеко за пределами эффективного диапазона управления систем со скоростью света. У адмирала Изотало не было иного выбора, кроме как полагаться на внутренние искатели своих птичек и нацеливающий ИИ, и этот ИИ всегда был зачаточным, потому что он был разработан для работы в тандеме с управлением с корабля. Это было то, что действительно делало Аполлона таким смертоносным, хотя ФСЛ пока не имела ни малейшего представления о том, насколько это верно. Управляющие ракеты Mark 23-E могли принимать корабельную телеметрию в шестьдесят четыре раза быстрее, чем это было возможно для телеметрии на скорости света, но они также были разработаны специально для использования даже за пределами дальности управления корабля, при этом каждая контрольная ракета в залпе была связана со всеми другими управляющими ракетами, выступая в качестве отдельного узла обработки данных, даже когда ретрансляция на - и через - материнский корабль была недоступна.

Его автономная точность составляла не более тридцати процентов его точности при прямом контроле с борта корабля, но эти тридцать процентов были во много раз более точными, чем могла бы достичь любая ракета солариан нынешнего поколения.

У Марк 16 сэра Мартина Лессема не было способностей Аполлона, как и у его крейсеров. Но сверхсветовые каналы платформ Призрачного Всадника уменьшали петлю телеметрии вдвое. Они могли видеть лучше, чем датчики любой ракеты, они могли сообщать о том, что они видели на сверхсветовых скоростях - точно так, как они делали сейчас о массивном входящем соларианском залпе - и это означало, что телеметрические лазеры ОГ 47.3 могли продолжать обновлять данные гораздо дольше, чем у ее соларианских противников.

Несмотря на это, он решил пока не тратить свой огонь на корабли Изотало. У его противника было гораздо больше ракетных подвесок, чем у него. На самом деле он был почти уверен, что командир солли видел в своем залпе тест, способ лучше понять его защитные способности, а не полнокровную попытку уничтожить его корабли. Лессем не мог удержать его от этого, но он не был готов тратить свои собственные боеприпасы на цели, которые могли исчезнуть в гипер, прежде чем его огонь достигнет их.

И в сложившихся обстоятельствах он не возражал против того, чтобы показать солли, что им придется подойти намного ближе, прежде чем их огонь станет реальной угрозой его кораблям.

Его крейсера и эсминцы несли в общей сложности 520 противоракетных пусковых установок и 672 кластера точечной защиты, а дальность полета с нулевой начальной скоростью для Марк 31 Королевского Флота Мантикоры составляла 3 585 556 километров. Первые противоракеты Лессема вышли через 205 секунд после пуска Изотало, через одну секунду после того, как включились импеллеры второй ступени Катафрактов. Вторая волна Марк 31 была запущена через десять секунд после этого. Третья запущена десять секунд спустя. Затем четвертая. Пятая и последняя волна противоракет стартовала через сорок секунд после первой - за тридцать пять секунд до того, как Катафракты смогли достичь рубежа атаки. И затем, с 2 080 запущенными Марк 31, каждый корабль ОГ 47.3 развернулся боком относительно ОГ 1027, подставив противнику только животы их импеллерных клиньев.

* * *

Челюсти Джейн Изотало сжались, когда она увидела невероятные волны противоракет, летящих от манти. Этого надо было ожидать, сказала она себе резко. Если ублюдки спокойно выбрасывают вокруг себя ракетные залпы такого размера, они, должно быть, работали и над защитными мерами. Черт возьми, ты знала, что так будет!

На самом деле она это знала, и она, и Рамалас, и Росиак сделали все возможное, чтобы позволить это, но их оценки наихудшего случая не представляли чего-то подобного. Ни одно соларианское судно не несло столько противоракетных труб на тонну веса, и эти ублюдки в самом деле запускали противоракеты с обеих сторон одновременно. Ни один соларианский корабль также не мог бы этого сделать.

И у них не было столько противоракет, сколько запустили все эти корабли.

* * *

"Зуделки через пять секунд, сэр," - объявила командер Константа Солис, офицер радиоэлектронной борьбы эскадры крейсеров 912, и Лессем кивнул.

Изначально Зуделки были разработаны как средство для проникновения, предназначенное для запутывания и ослепления сенсоров, управляющих защитным огнем цели с помощью мощных импульсов электромагнитных и гравитационных помех. Они были особенно эффективны в борьбе с противоракетами, которые основывались на способности улавливать импеллерные сигнатуры своих целей, потому что противоракеты были предназначены для производства в максимально возможном количестве, а то, что им не требовались сложные искатели, помогало снижать цену. В конце концов, ничто в галактике не было так очевидно, как импеллерная сигнатура ракеты, ускоряющейся на 98 000 g. Наблюдать за одной из них было все равно, что пытаться разглядеть прожектор в миллион свечей в темной комнате. Только слепой мог не заметить его.

Но это было то, что делали Зуделки: слепых. Искатели противоракет не могли справиться с этими огромными пузырями глушения. Это означало, что они теряли захват своих целей, и если время было правильно рассчитано, то и они, и их цели двигались слишком быстро, чтобы они могли восстановить захват после импульса Зуделки. Даже если они что-то перезахватывали, их встроенные электронные мозги редко оказывались в состоянии перезахватить что-то нужное без руководства их хозяев-людей.

Это было то, для чего была разработана Зуделка, но когда флотские ракетные офицеры поиграли с ней, они быстро поняли, что у нее есть другая функция. В конце концов, атакующие ракеты и корабли, управляющие ими, также полагались на свои бортовые датчики.

* * *

"Мэм!" - резко сказал контр-адмирал Росиак. "Манти..."

Он замолчал, оглядываясь через плечо на адмирала Изотало, и Изотало коротко кивнула ему, когда тактический дисплей на мгновение сошел с ума.

"Что это, черт возьми?" - спросила она.

"Какой-то глушитель," - ответил Росиак. "Однако я не знаю, как они это делают. Мы не можем видеть дерь... - то есть, мы не можем видеть очень много через весь этот мусор, но компьютеры БИЦ говорят, что это исходит по крайней мере из пары дюжин источников. Это означает, что это должно быть каким-то видом независимых платформ. Хотя я не понимаю, как можно поддерживать эмиссию такой интенсивности достаточно долго, не сжигая излучатель, который можно бы вставить в дрон, и..."

Он остановился, прижимая пальцы правой руки к наушнику в правом ухе и внимательно слушая. Его губы сжались, и он снова посмотрел на Изотало.

"БИЦ не думает, что они поддерживают импульсы более десяти-пятнадцати секунд на платформу, мэм. Но их много, и они работают в каскадном порядке. Это будет чертова игра для искателей атакующих птичек."

* * *

Улучшенные Катафракты-С оперативной группы 1027 значительно превосходили Катафракты commodora Адриана Люфта и злополучного Народного флота в изгнании, потерпевшего катастрофу в битве при Конго. Они были дальнобойнее, быстрее, оснащены более тяжелыми боеголовками и системами поиска, которые основывались как на более совершенных датчиках, так и на более эффективном бортовом программном обеспечении. Они были гораздо более способны думать самостоятельно, и их способность различать ложные цели и реальные и проникать в РЭП противника была, по крайней мере, на тридцать процентов лучше, чем у Люфта.

Но они все еще должны были видеть свои цели ... а благодаря Зуделкам, они не могли это делать в течение нескольких долгих, долгих секунд. Однако их электронные мозги знали, где

искать, когда помехи исчезнут, и, в конце концов, они должны были исчезнуть, поскольку их цели должны были видеть их, если они намеревались их перехватить. И поэтому компьютеры Катафрактов с невозмутимым, равнодушным терпением ждали, пока пространство очистится и позволит им снова найти свои цели.

* * *

"Включаются приманки... сейчас," - спокойно сказала командер Солис, и платформы Лорелей, находящиеся на крейсерах и эсминцах сэра Мартина Лессема внезапно включили свои излучатели. Питаемые теми же микротермоядерными реакторами, которые сделали возможным Призрачного Всадника, Лорелей имели больше энергии, чем другие платформы РЭП или РЭБ. Однако, не нуждаясь в питающем луче кораблей, которые они защищали, платформы могли фактически маневрировать независимо, почти идеально имитируя движущиеся корабли. И когда системы скрытности крейсеров скрывали их эмиссионные сигнатуры, излучатели Лорелей намеренно усиливали свои. Они не могли сравниться с полной мощностью настоящей сигнатуры Саганами-С или Саганами-В, но они могли дублировать - и дублировали - сигнатуры Саганами-С или Саганами-В в теновом режиме.

И их были десятки.

* * *

Главный дисплей на борту КФСЛ Молниеносный прояснился, когда наконец-то выключились платформы-глушители, и Изотало обнаружила, что наклонилась вперед в своем командном кресле с прищуренными глазами, наблюдая, как на нем снова появляются значки мантикорских кораблей. Они были там, и...

"Мэм, мы обнаружили..."

"Я вижу, Барт." - прервала она Росиака и покачала головой. "Боюсь, это не совсем то, чего мы ждали," - резко добавила она.

Количество целей на ее тактическом дисплее увеличилось в пять раз. С такого расстояния даже ее пассивные бортовые датчики не могли бы точно отличить внезапное появление ложных целей от реальных. Ее корабельные датчики потеряли захват из-за глушения, как и Катафракты, и манти хорошо использовали свой временный плащ-невидимку. Мощность этих приманок должна была быть намного выше, чем у платформ ФСЛ Гало, и они явно маневрировали независимо, поэтому они, очевидно, не использовали питающий луч от своих материнских кораблей. Однако манти делали так, что их приманки включились, когда никто в ОГ 1027 ничего не видел. Не было никакого способа показать их и отследить, как они включились, когда глушители выключились, Молниеносный и его спутники обнаружили, что они пытаются - и не могут - узнать, какие из шестидесяти "крейсеров" на этом дисплее реальные и какие ложные.

Даже в то время как она наблюдала за дисплеем, под каждым значком крейсера мелькали цифры - процентные значения, отражающие уверенность БИЦ и быстро изменяющиеся, пока его анализ просеивал входные сигналы, чтобы снова найти корабли манти. К сожалению, маловероятно, что это случится до того, как ее ракеты достигнут рубежа атаки, и не было никакого способа, которым менее совершенные датчики, установленные на самих ракетах, могли сделать это.

Это... приводило в замешательство, и она взглянула на Малин Ламизану.

Офицер разведки глядела на нее спокойно, и Изотало заставила себя кивнуть. Ламизана предупреждала ее и Росиака, что все их данные о РЭБ манти были отрывочны.

"Проблематичны," - так она деликатно выразилась, анализируя текущие предположения УРФ. Изотало и Росиак изо всех сил старались это учитывать, но ее офицер разведки тактично дала понять, что, по ее мнению, они все еще недооценивают проблему.

Теперь оказалось, что даже Ламизана недооценила ее.

* * *

Коммодор Лессем наблюдал за дисплеем с выражением, которое было более спокойным, чем он на самом деле чувствовал. Умом он понимал, что 6000 ракет, летящих к его группе, были гораздо менее опасны, чем был бы подобный залп старых противников КФМ, хевов. Но 6000 ракет по-прежнему были 6000 ракет, и казалось, что все они были нацелены на его тяжелые крейсера.

О чем беспокоиться, Мартин? подумал он сардонически. Это не более четырехсот птичек на корабль, не так ли?

Ни Клас Флеминг, ни другие его корабли не несли платформы Замочная скважина-2, в которых был секрет Аполлона. Без них - и без управляющих ракет Марк 23-Е - он не смог бы в полной мере воспользоваться преимуществами Марк 23 на борту Дэвида К. Брауна, поэтому он решил даже не пытаться.

Больше того, в данный момент Томас Возняк не мог управлять оборонительным боем так же эффективно, как мог бы с Замочной скважиной-1 или Замочной скважиной-2. Его способность распределять свои перехватчики между различными платформами управления была намного более ограниченной, и он не мог установить прямые телеметрические связи вокруг "мертвых зон", создаваемых клиньями импеллеров его собственных кораблей. Однако он мог как можно шире распределить свои дроны Призрачного Всадника и использовать их датчики для слежения за входящим огнем. Он также мог бы - хотя и с определенной степенью риска - развернуть корабль, чтобы дать Класу Флемингу или одному из его спутников контрольные линии, чтобы заполнить эти мертвые зоны и обновить решения по нацеливанию противоракет. На текущем расстоянии риск был небольшим; когда расстояние сократится, и время для обратного разворота исчезнет, это действительно могло стать рискованным.

Призрачный Всадник не мог заменить телеметрические связи Замочной скважины с противоракетами, но он мог отлично информировать тактическую секцию крейсера, даже в нынешней позиции Класа Флеминга, и эффект Лорелей был сразу очевиден. По меньшей мере тысяча из входящего роя ракет прозрев, нацелилась на ту или другую ложную цель. Всегда было возможно, что некоторые из них вновь захватят один из его крейсеров, или даже один из эсминцев в отсутствии чего-то лучшего. Это было маловероятно, но маловероятное случается, и перенацелившиеся ракеты часто были более опасными, чем ракеты, которые никогда не теряли захвата.

Противоракетная оборона была игрой вероятностей, и одной из важнейших задач защитника была оценка этих вероятностей. Офицеры противоракетной обороны имели только ограниченное количество противоракет и кластеров точечной защиты, и эти ограниченные ресурсы были распределены в зависимости от иерархии угроз, установленной путем анализа входящего огня. Те ракеты, которые с наибольшей вероятностью могли попасть, были

главными целями в очереди от наиболее вероятного до наименее вероятного в порядке убывания, пока у защитников не кончались противоракеты или точечная защита, а ракеты, которые явно потеряли захват, находились в самом конце очереди нацеливания. Поэтому, когда одна из этих ракет внезапно захватывала цель в самый последний момент, для борьбы с ней редко была доступна противоракета или кластер точечной защиты.

С другой стороны...

* * *

Адмирал Изотало посмотрела на дисплей как раз в тот момент, когда первая волна противоракет достигла ее надвигающейся атаки. Затем ее челюсти сжались в испуге. Соларианская вероятность перехвата первого залпа на максимальной дальности против Катафрактов с сопутствующими платформами радиоэлектронной борьбы и средствами проникновения была бы порядка десяти процентов.

Манти сделали немного лучше этого.

* * *

Первая волна противоракет эскадры 912.1 ворвалась в надвигающиеся Катафракты. Усовершенствованные ракетные приводы солариан сопровождались лучшими средствами проникновения, чем ожидал КФМ на основе анализа бюро кораблестроения содержимого магазинов Массимо Филареты. Разница была незначительной, но заметной, и БИЦ Класа Флеминга должным образом учел это для отчета эскадры после операции.

Однако с точки зрения возможностей противоракет Марк 31 это был незначительный фактор.

Пятьсот двадцать мантикорских противоракет врезались в приближающиеся Катафракты. Первая волна противоракетного залпа, перехватывая на максимальной дальности, всегда была наименее точна в оборонительном бою. Это было верно и в этом случае, и 520 Марк 31 перехватили только 152 Катафракта ОГ 1027... чуть менее чем в три раза больше того, что ожидал Бартилу Росиак.

* * *

Глаза Джейн Изотало сузились, и ярость зажглась в их глубине.

Она думала, что решение манти остаться в покое относительно терминала указывало на то, что они намеревались уйти в гипер, как только начнется серьезная атака. И, честно говоря, она не считала первый залп серьезной атакой. Однако она ожидала, что они либо исчезнут в гипере, либо получат какой-то значительный урон.

Ничего этого не произойдет, Джейн, подумала она теперь, сжимая руки на подлокотниках своего командного кресла, когда вторая волна ПР, а у нее было больше времени для захвата целей, перехватила 260 атакующих ракет.

Они все еще передают какую-то телеметрию этим проклятым штукам, мрачно подумала она. Наверняка. Но как, черт возьми, они могут видеть моих птичек сквозь свои чертовы клинья?

Третья волна перехватила 300 атакующих ракет. Четвертая перехватила 393, а пятая - 471, с ошеломляющим уровнем перехвата в 90,5%. В общем, мантикорские противоракеты перехватили 1183 Катафракта, почти двадцать процентов ее общего залпа, и, как и все хорошие офицеры противоракетной обороны, манти сконцентрировались на ракетах, которые, скорее всего, найдут цель. Они проделали удивительно хорошую работу, проигнорировав сотни Катафрактов, которые отклонились, чтобы преследовать приманки, или просто пошли по инерции Бог знает куда, когда они потеряли и сенсорный захват, и телеметрию.

Тем не менее, из 6000 ракет, которые она выпустила, немногим более 3800 прошли через противоракеты и электронные контрмеры и шли с ревом на мантикорские корабли.

* * *

"Сорок три секунды," - спокойно сказал командер Возняк. "Приготовиться точечной обороне."

* * *

Ракеты оперативной группы 1027 выполняли свои запрограммированные профили атаки, пытаясь проникнуть взглядом и нанести удар через мантикорские боковые стенки, когда они проходили "над" или "под" своими целями, или искать еще более смертоносные позиции "в глотку" или "под юбку", которые были мечтой каждого тактика.

Атакующие птички достигли скорости 240 319 км/сек - 0,802 от скорости света - когда они бросились на свои цели, и Изотало мрачно улыбнулась. ФСЛ прекратил улучшение программного обеспечения своих кластеров точечной защиты, чтобы справиться с более высокими скоростями сближения многоступенчатых ракет, и полностью заменил его, и ОГ 1027 усердно тренировалась с новыми системами, как на симуляторах, так и в упражнениях с реальным огнем против инертных лазерных головок. Улучшение было огромным... но все таки не было того, что Джейн Изотало могла бы назвать адекватным по отношению к целям, движущимся с такими скоростями, которые могли достичь Катафракты. Ей не очень нравилось это. С другой стороны, у физики нет любимцев. При таких скоростях очень многие ее ракеты смогут пройти даже через оборону манти, мстительно подумала она, и...

* * *

"Включить точечную защиту... сейчас!" - воскликнул Возняк, когда атакующие ракеты пронеслись через группировку эскадры, и лазерные кластеры перешли на максимальную скорость стрельбы.

Стержни когерентной энергии ударили, совмещая скорость кибернетических рефлексов с невероятной скоростью атакующих, когда Катафракты вышли из тени импеллерных клиньев своих целей. Ракеты, в отличие от космических кораблей, не могли создавать боковые стены. Это означало, что они могли быть уничтожены лазерным огнем даже до того, как они выключат клинья, если геометрия была правильной.

Геометрия была правильной для нескольких соларианских ракет, и ожидающие лазеры пробивали их насквозь. Многие из их товарищей просто пронеслись мимо уязвимых сторон клиньев крейсеров, не находя цели в те краткие моменты, которые их огромная скорость давала их датчикам. Другим повезло больше в этом отношении, их ракетные клинья исчезли, и

лазерные головки повернулись на невероятно мощных двигателях, пытаясь направить свои лазерные стержни по своим целям.

Но точечная оборона ждала их.

* * *

Джейн Изотало смотрела на дисплей. На тридцати шести миллионах километров время прохождения света составляло чуть более двух минут. Импульсные сигнатуры распространялись быстрее света, так что слежение могло отразить позиции ее ракет почти в режиме реального времени - с задержкой в 1,89 секунды - но ее датчикам потребовались бы полные две минуты, чтобы обнаружить что-то еще, включая ядерные взрывы. Из-за этого она не могла ничего "видеть", когда исчезли импульсы ракет, и с нетерпением ждала, как и все остальные на флагманском мостике Молниеносного, сигнальной вспышки детонирующих лазерных головок.

* * *

Мантикорские лазерные кластеры с электронным управлением работали гораздо быстрее, чем лазеры ФСЛ. Это было, подумал сэр Мартин Лессем, первым примером тех дарвиновских процессов, которые волновали его в отношении солли. Растущая смертоносность ракетного оборудования в длительной войне Мантикоры с Народной Республикой Хевен не предоставила работникам НИОКР Королевского Флота Мантикоры другого выбора, кроме как сократить время цикла. Фактически, время цикла Класа Флеминга было почти на пятьдесят процентов меньше, чем у более ранней серии Саганамии-С, и каждый из его кластеров имел не восемь излучателей корабля ранних серий, а двенадцать, почти в два раза больше, чем кластеры линейных крейсеров класса Невада.

Время цикла в этот раз не имело большого значения. Окно боя было настолько коротким, что даже мантикорский излучатель не мог сделать два выстрела в доступное время. С другой стороны, на каждом из бортов Класа Флеминга было установлено двадцать четыре кластера точечной защиты с дюжиной излучателей в каждом. Это давало 288 выстрелов с каждой стороны - в общей сложности 576 - от каждого из его трех других Саганамии-С и дополнительно 288 от каждого из его шести Саганамии-В, с меньшим количеством излучателей на кластер, но большим количеством кластеров на корабль. В целом, включая его эсминцы, его эскадра несла более трех тысяч излучателей... уже подготовленных на ждущих позициях отслеживающими сообщениями Призрачного Всадника.

Напряжение на мостике Класа Флеминга можно было резать ножом, потому что никто не знал лучше мантикорцев, что любой корабль может быть разрушен, какой бы хорошей ни была его защита, какой бы квалифицированной ни была его команда. Но это был смертельный балет, который Королевский Флот Мантикоры танцевал бесчисленное количество раз за последние двадцать Т-лет. Его офицеры и рядовые знали свое дело лучше, чем кто-либо другой в галактике, и пространство вокруг эскадры сэра Мартина Лессема внезапно превратилось в торнадо распадающихся Катафрактов, когда оборона сбивала их со скоростью змеи и точностью метронома. Разрушенные корпуса ракет падали в бесконечную темноту, разбитые и инертные. Но даже в разгар их разрушения десятки выживших лазерных головок исчезали в пузырях невыносимого блеска, а рентгеновские лазеры с бомбовой накачкой наносили удар по эскадре 912.

* * *

Похоже, у них было лучшее отслеживание входящего огня, чем она думала, глядя на их противоракеты, поняла Изотало, поскольку импеллерные сигнатуры начали исчезать слишком рано для взрыва в конце атаки. Благодаря задержке из-за скорости света у нее было достаточно времени, чтобы подумать о последствиях этих... преждевременных исчезновений, и они ей не понравились. Ее залп не таял, как снег под солнцем, потому что для этого не было достаточно времени. Одно сердцебиение они неслись к своей цели... в следующее точечная защита манти рвала их в клочья. Она никогда не видела ничего подобного, никогда не думала, что простые крейсера могут произвести такой объем оборонительного огня.

Но даже этот огонь не мог остановить их всех. Буквально не хватало мест на кораблях такого размера, чтобы разместить достаточно лазерных кластеров для отражения стольких угроз. Десятки из них должны были пройти невредимыми. К сожалению, она знала, что защитники концентрировались на тех, кто мог причинить им ущерб, и большинство из тех выживших десятков напрасно растратились на клинья и боковые стенки своих целей. Но ракеты, шедшие спереди на корабли манти были другим делом. Корабль просто не мог поставить столько лазерных кластеров в свои переднюю и заднюю молотообразные части, и по времени было ясно, что высокий процент ракет, атакующих горло мантикорских клиньев, выключил свои клинья быстрее, чем был сбит.

Как правило, большинство птичек, которые достигли точки выключения, должны были включить свои лазеры до того, как они могли быть уничтожены, а горловина импеллерного клина звездолета была намного глубже его боковых стен. Это делало ее гораздо, гораздо большей целью.

* * *

Семьдесят три лазерных головки взорвались прямо перед КЕВ Клас Флеминг, и семьсот тридцать лазеров с бомбовой накачкой пробиты горло его клина.

Но в отличие от кораблей соларианского флота, глотки мантикорских военных кораблей нынешнего поколения больше не были традиционной зияющей щелью в их броне. Носовая стена и ее меньший кузен, щит, наконец предоставили эквивалент боковой стены - и очень мощной боковой стены - для прикрытия этого смертельно уязвимого места клина. Это была одна из причин, по которой сэр Мартин Лессем ждал неподвижно в космосе. Он не мог ускориться с поднятой носовой стеной, и он не доверял маленькому щиту обеспечивать достаточное укрытие. Но он также не хотел внезапно останавливать ускорение в тот момент, когда стена поднимется, чтобы солли не поняли, что что-то прикрывало это место мантикорских кораблей.

Лазерные головки, детонирующие перед Класом Флемингом, не могли должным образом локализовать свою цель, потому что они просто не могли достаточно ясно видеть ее через сфокусированную гравитационную плоскость носовой стены. Все, что они могли сделать, это стрелять вслепую, пытаясь насытить весь объем, в котором мог бы находиться тяжелый крейсер. Это был очень большой объем, даже для семисот лазеров, а носовая стена изгибалась и рассеивала даже те лучи, которым удалось найти цель.

* * *

Адмирал Изотало напомнила себе дышать, ожидая, пока медленные фотоны сообщат ей, сколько ее ракет выжило, чтобы атаковать... и что случилось потом. Человеческий глаз общеизвестно ненадежен в такие моменты, но подсчет бесстрастных, сверхэффективных

компьютеров БИЦ уже подтвердил, что манти сбили не менее семидесяти пяти процентов от общего залпа, прежде чем выжившие ракеты сбросили клинья для атаки.

Это был еще один вывод, который ей не очень понравился, и она сделала мысленную пометку, чтобы взять этих чрезмерно оптимистичных идиотов в Управлении технического анализа за горло и вбить в них немного смысла, как только она вернется в Солнечную систему. Они должны начать приближаться к реалистичным оценкам, иначе манти придут и пнут Флот в задницу. У нее были силы, чтобы выбить такую маленькую группу, несмотря на... ошибочные оценки способностей противника, с которыми она была отправлена, но кому-то другому придется столкнуться с подобной оперативной группой манти, и когда они сделают...

Мысль прервалась, и ее губы втянули воздух, рыча от удовольствия, когда сенсоры, работающие на скорости света, наконец, обновили дисплей, и сотни лазерных головок вспыхнули в пузырьках ядерного синтеза. Даже когда она зарычала, она знала, что ее самая пессимистическая оценка того, сколько ракет прошло, была чрезмерно оптимистичной, но ее цели были только крейсерами, и по крайней мере пятьдесят или шестьдесят лазерных головок взорвались прямо перед четырьмя из них.

Они послали смертоносные стилеты своих лазеров с бомбовой накачкой прямо в широко открытые глотки клиньев своих жертв ... и абсолютно ничего не произошло.

* * *

"Мы получили один удар спереди, сэр," - сказал командер Возняк Лессему. "Гразер Один разбит, как и Точечная защита Четыре. Семь пострадавших, несмертельно." Он снова посмотрел на свой дисплей. "Роберт Л. Гартнер сообщает об одном ударе по правому борту, шпангоут семь-пять. Это стоило двух противоракетных пусковых установок, но капитан Райхер думает, что сможет вернуть одну из них, и не сообщает о пострадавших. Майкл Чуччиарелли получил два попадания, но ему повезло. Капитан Дисалл потерял оба своих вторичных массива датчиков гравитации, но он не сообщает о пострадавших или повреждениях систем оружия. Эдвард Дравецки получил два попадания; один в горло и один в правый борт, шпангоут два-сто. Удар спереди выбил бета-узел, и скачок мощности убил двух рядовых в его переднем импеллерном помещении. Попадание в борт разрушило Гразер-Восемь и противоракету тридцать семь. Девять пострадавших, боюсь двое смертельно."

Лессем тяжело кивнул, выражение его лица было напряженным. Четыре попадания и восемнадцать пострадавших, только четыре из которых со смертельным исходом, были ничтожной платой за шесть тысяч выпущенных из подвесок ракет. Он знал это, но это знание не делало абсолютно ничего, чтобы сделать это менее болезненным, потому что эти восемнадцать пострадавших были его людьми.

С другой стороны, мрачно подумал он, мне интересно, как другая сторона реагирует на это?

* * *

Изотало услышала, как Бартилу Росиак резко вдохнул, проглотив то, что, вероятно, было проклятием, поскольку тот же шок пронзил операционного офицера.

Должны были быть какие-то признаки повреждения, подумала она почти оцепенело. Они только что выпустили более восьми сотен Катафрактов прямо в глотку манти, каждый с боеголовкой основной ракеты Требушет, и БИЦ подтвердил, что по крайней мере четверть из

них - более вероятно, треть - взорвалась до перехвата. Скажем в среднем двести тридцать, и это давало двадцать три сотни лазеров против прекрасных целей.

Вероятности попадания на этой безумной скорости пересечения по цели, которая даже не была четко видна, пока датчики атакующих ракет не проясняли клин этой цели и могли заглянуть в ее горло, должны были быть крошечными, несмотря на идеальную геометрию любой атаки с "пересечением Т". В этих обстоятельствах она и Росиак ожидали не более чем одного процента попаданий, а не тридцать восемь процентов, которые они ожидали бы при скоростях пересечения, которые были до Катафрактов, но это все равно было двадцать три удара. Разбросанные по десяти кораблям размером с крейсера манти, они могли не нанести сокрушительный ущерб, но чертовски хорошо должны были нанести хоть какой-то, а импеллеры манти даже не моргнули.

"Я вижу, что нам понадобятся более тяжелые залпы," - холодно сказала адмирал Джейн Изотало.

* * *

"Что вы ожидаете от них в дальнейшем, сэр?" - тихо спросил командер Тури. Коммодор Лессем посмотрел на него, затем снова посмотрел на тактический дисплей. Несколько секунд он стоял так, сложив руки за спиной, беззвучно насвистывая.

"Единственное, чего я не ожидаю от них - это попробовать еще один пуск с большого расстояния, если только они не смогут послать в нем чертовски много больше ракет," - сказал он затем. "Мы не ожидали таких ускорений от их ракет, и их прогнозируемая точность была лучше, чем мы ожидали на таком расстоянии," - признал он, пожав плечами. "Но недостаточно лучше, чтобы компенсировать наши преимущества в противоракетной обороне, и, судя по их атакующему профилю, они еще не знают о носовой стене. Но если они не идиоты - и, честно говоря, кем бы ни был этот парень, он не кажется мне другим Крэндалл или Филаретой - он поймет, что что-то отбросило все эти выстрелы в глотку.

Он отвернулся от дисплея, медленно шагая по флагманскому мостику к своему командному креслу. Опустившись на кресло, он повернул его лицом к астрогационному дисплею, пока вокруг него не развернулись дисплеи кресла.

"Он захочет подойти ближе," - сказал он тогда и его глаза сузились. "Если мы можем стерпеть все эти удары, не показывая больше урона, чем мы показали, ему нужен каждый кусочек точности, который он может получить. Это означает подойти на расстояние эффективной телеметрии - его расстояние эффективной телеметрии. И тогда он просто получит это."

Начальник штаба кивнул с задумчивым выражением лица, а затем улыбнулся.

"В таком случае, сэр, это, наверное, хорошо, что вы - и я говорю это с величайшим уважением - коварный ублюдок."

"Я приму это за комплимент, командер," - ответил сэр Мартин Лессем с ответной улыбкой.

* * *

"...так что оценки точности Технодайна на больших дистанциях почти оправдались," - сказал контр-адмирал Росиак, используя ручное устройство для выделения столбца цифр на умной стене комнаты брифинга. "Мы не можем быть уверенными, но первый анализ предполагают, что точность оценки Технодайна - пять или шесть процентов. Что, - он оглядел несчастные лица штаба адмирала Изотало, - оказалось выше, чем оценка, которую Малин и я включали в наши планы перед боем. К сожалению, оценка УРФ противоракетной обороны манти была далеко не точной, поэтому, даже с лучшей-чем-ожидалось точностью, фактический коэффициент попадания все еще близок к нулю."

"Справедливости ради по отношению к УРФ, мэм, - вставила контр-адмирал Ламизана, - никто из тех, кто сталкивался с манти, не вернулся домой, чтобы рассказать нам, насколько хороша их защита на самом деле. Лучшее, что кто-либо смог сделать, - это экстраполировать соотношение потерь, используя наши собственные возможности в качестве основы." Она слегка пожала плечами. "Ясно, что базовый уровень был слишком оптимистичным, но ничего другого у них не было."

Челюсти Джейн Изотало сжались от этого неприятного напоминания, но это было именно то напоминание, которое Ламизана должна была дать ей, и она кивнула в знак признания.

"Так что ты рекомендуешь, Барт?" - спросила она через секунду.

"У нас два варианта, мэм, у каждого есть свои за и против," - ответил Росиак. "Первый из них - просто запустить самый большой чертов ракетный залп, который когда-либо видела галактика. Все равно, насколько хороша их защита из расчета корабль на корабль. Ударьте их достаточным количеством птичек, чтобы полностью насытить их противоракеты и точечную защиту, и что-то пройдет. Предполагая, что мы правы в отношении вероятности попадания стрельбы вслепую, мои люди считают, что запуск тридцати тысяч ракет должен произвести как минимум четыреста попаданий, несмотря на их защитные возможности."

"Предполагая, что они действительно продемонстрировали нам все эти возможности," - добавила Ламизана осторожно нейтральным тоном.

"Предполагая это," - признал Росиак, кивая офицеру разведки. "Я думаю, что Малин права, мы должны предполагать, что они, возможно, не показали всего, хотя я также должен сказать, что мне немного трудно поверить, что кто-то может увидеть шесть тысяч ракет, которые идут на него, и не вытащить всю защиту против них, как бы хороша она ни была, по его мнению. Сказав это, у меня нет никакого желания вообще быть пойманным с голым задом, как некоторые другие люди."

Два или три человека, в том числе Изотало, удивились, улыбнувшись последнему предложению. Хотя это было не очень смешно, учитывая, сколько из этих "других людей", их товарищей - офицеров и рядовых - было убито.

Но Барт может это сказать, а Рамаалас или Малин не могли, отметила она, потому что он из Боевого флота, так же, как Крэндалл и Филарета.

И он был прав.

"Я понимаю, что у нас глубокие карманы в отношении ракетных подвесок," - сказала она. "Но я предпочитаю не использовать их из расчета пять или шесть тысяч за каждый тяжелый крейсер, - добавила она сухим тоном, - так что давайте послушаем второй вариант, Барт."

Должна ли я предположить, что вы думаете о втором скачке?"

"Да, мэм."

Росиак махнул рукой на умную стену, не отводя взгляда от Изотало.

"БИЦ Молниеносного согласен с выводом моих людей, что кроме активной защиты и РЭБ, манти должны были найти какой-то способ защиты от ударов в глотку. Я не готов объяснить, как именно они это делают, но я чувствую, что им нужно найти какой-то способ создать боковую стену, чтобы прикрыть переднюю и заднюю стороны клина."

"Я не спорю с выводом Барта, мэм, - сказал контр-адмирал Рамаалас, - но если им это удалось, они должны играть с физикой еще быстрее и свободнее, чем в наших наихудших предположениях."

"Не... обязательно," - сказала капитан Малати Рагхавендра.

Капитан Молниеносного сидела слева от Изотало, прямо напротив Рамааласа, и потому, что это было ее право, как флаг-капитана оперативной группы, и потому, что Изотало уважала ее уравновешенный - можно было бы даже сказать, флегматичный - здравый смысл. Как Изотало и Росиак, Рагхавендра была из Боевого флота, но она начинала, как инженер, а не тактик, что могло объяснить, почему она до сих пор достигла только звания капитана в насыщенном адмиралами ФСЛ.

"Что ты имеешь в виду, Малати?" - спросила адмирал.

"Ну, мэм, говоря, как бывший инженер, нет реальной проблемы с созданием... назовем это "носовой стеной" за отсутствием лучшего термина. Вам понадобятся генераторы, которые будут намного больше и мощнее, чтобы создать стену с такой большой площадью, но это довольно просто. Это вопрос техники. Проблема, - она кивнула Рамааласу, - в том, что каждый раз, когда вы поднимаете ее и закрываете переднюю часть клина, ваш корабль не может ускориться. Но они не ускорились. На самом деле, если у них есть что-то подобное, это может быть причиной, по которой они этого не делали."

"Они перекачивали корабль, капитан," - заметил Рамаалас, но выражение его лица было задумчивым, а не пренебрежительным.

"Да, и намного быстрее, чем они могли бы сделать это на маневровых двигателях," - согласилась Рагхавендра. "Они должны были использовать свои клинья для этого. Но мы не знаем, как быстро они могут поднять или опустить стену, и никто из нас не искал никаких доказательств этого в то время. Хотя мой тактический офицер заметил, что после того, как они изначально развернулись против нашего огня, ни один из их кораблей ни разу не менял позиции два раза подряд."

"Два раза подряд?" - повторила Изотало.

"Я имею в виду, мэм, что они, очевидно, очищали телеметрические или сенсорные каналы, чтобы посмотреть на наших птичек, но они делали это в шахматном порядке, используя

каждый раз другой корабль. Я думаю, не было ли это из-за времени, которое требовалось, чтобы деактивировать и активировать генераторы "носовой стены". Фактическое время взаимодействия было слишком коротким, чтобы мы могли сделать какие-либо выводы, но я думаю, что стоит иметь в виду такую возможность."

"Согласен." Рамаалас кивнул и снова посмотрел на Изотало. "И я думаю, что вижу, что имел в виду Барт. Для них справиться с таким большим огнем без значительного ущерба, что бы они ни использовали для защиты передней стороны своих клиньев, должно быть чертовски сложнее, чем любым другим кораблям из-за требуемого объема. Честно говоря, я не хотел бы получать подобные удары в боковые стены супердредноута, и, как указывает капитан, объем, который они прикрывают, означает, что они, должны были обеспечить много энергии для этих стен. Вы должны задаться вопросом, могут ли они монтировать генераторы боковых стен такими же мощными, не так ли?"

"Этот вопрос приходил и мне в голову, сэр," - ответил Росиак. "Если это так, мы можем посмотреть на перевернутую ситуацию, в которой мы можем ожидать лучшего проникновения и большего количества попаданий от ударов по боковым стенкам противника, вместо того, чтобы пытаться попасть ему в глотку. Но это гораздо более узкая цель, что означает, что нам нужно больше точности, чтобы поразить ее. Опять же, достаточно большой поток ракет, по слепой случайности, даст нам попадания, в которых мы нуждаемся, но адмирал Изотало права относительно количества птичек, которое нам понадобится для каждого корабля. Подобные расходы сожгут даже наш запас боеприпасов, прежде чем мы доберемся до основной миссии, но чтобы их избежать, нам нужно подойти достаточно близко, чтобы поддерживать управление вплоть до конечной фазы. Что, - указал он, поворачиваясь к Изотало, - является одной из вещей, на которые рассчитан второй скачок."

"Да, это так," - признала она, немного подумала об этом, затем наклонилась вперед в своем кресле и постучала указательным пальцем по поверхности стола в комнате брифинга.

"Да, это так," - повторила она более оживленно. "Но если честно, у меня все еще есть сомнения относительно концепции. Видит Бог, мы обсуждали это достаточно, чтобы вы все знали, что это такое. Но я думаю, что Барт прав. Нам нужно сократить петлю управления, если мы собираемся причинить вред этим ублюдкам. На самом деле, мне бы хотелось подойти достаточно близко, чтобы иметь время полета ракет менее цикла их гипергенераторов, но только слюнявый идиот позволил бы нам подобраться так близко с подходом в нормальном пространстве. Поэтому я боюсь, что нам остается только второй скачок, Айседор."

Она повернулась к капитану Айседору Хэмптону, штабному астроготору оперативной группы. Хэмптон был смуглым, темноглазым парнем, обычно излучавшим впечатление спокойной компетентности. Он по-прежнему выглядел компетентным, но спокойствие могло покинуть его в данный момент, подумала она, и на то была веская причина.

"Я не вижу другого способа," - сказала она ему. "Я понимаю, что это окажет на вас большое давление, но если кто-то сможет справиться с этим - это вы. И прежде чем мы начнем, позвольте мне сказать, что я не думаю, что тактическая ситуация будет намного хуже, даже если ваши цифры в конце концов не верны. И я говорю - это для записи - что я полностью осознаю сложность того, что я прошу вас сделать. Я все же решила попробовать, основываясь на всей доступной мне информации, но не ожидаю и не требую чудес. Сказав это, я ожидаю, что вы сделаете все возможное, чтобы это сработало."

"Мэм, мы можем это сделать," - ответил Хэмптон. "Но мы должны войти с "дальней стороны", чтобы избежать резонансной зоны."

"Понятно," - сказала Изотало. Каждый гипертоннель создавал резонансную зону в объеме между ним и звездой нормального пространства, с которой он был связан. Переходы из гипера и обратно в нормальное пространство в этих областях были не просто рискованными; они были чрезвычайно опасны. Поэтому ОГ 1027 будет вынуждена подойти к терминалу с дальней стороны от Прайма. Это несколько удлинит прыжок, но манти также были расположены "с внешней стороны" терминала. Вероятно потому, что знали, что она не может прыгнуть в район между ними и звездой, даже если бы захотела.

"Мы поняли это, когда впервые начали рассматривать второй скачок," - напомнила она ему. "И, по крайней мере, манти, кажется, помогают нам."

"Пока да, мэм," - признал Хэмптон. "И я вполне уверен, что смогу попасть довольно близко к цели. Хотя разброс перехода, вероятно, превратит формирование в ужасное месиво, особенно так близко к терминалу."

Несколько голов кивнули, и она поморщилась.

"Я знаю," - сказала она. "Но кто-то в древнем морском флоте на Старой Земле однажды сказал нечто, что, боюсь, применимо здесь. Перефразируя: некоторые вещи в битве должны быть оставлены на волю случая. Я знаю, что это анафема для любого хорошего командира Боевого флота, но в этом случае, - она улыбнулась Рамааласу и Ламизане, - я думаю, что нам придется попробовать это неаккуратное "делай, как получится и иди дальше", как в Пограничном флоте."

Несмотря на напряжение, в комнате для совещаний раздался смешок, и она снова откинулась назад.

"Вместо того, чтобы отправлять оперативные группы по одной, Барт, я хочу, чтобы Бонрепо и Цукахара пошли вперед вместе. Мы придержим Сантини в качестве резерва. И так как мы говорим о сокращении наших командных циклов, мы могли бы также пойти на это."

На этот раз ее улыбка могла быть акульей.

* * *

"Это интересно, сэр," - сказал командер Возняк.

"Что интересно, Том?" - спросил Лессем, отрываясь от тактической проблемы, которую он прорабатывал на дублирующем дисплее своего командного кресла.

"Похоже, что их "ослики" могут иметь большую внутреннюю выносливость, чем мы думали," - ответил операционный офицер. "С вашего разрешения...?"

Он поднял брови, проведя пальцем по одной из иконок на сенсорном экране, и Лессем кивнул. Палец Возняка коснулся иконки, и на дисплее Лессема появилась сжатая во времени отслеживающая запись. Коммодор посмотрел на нее, затем хмыкнул.

"Замечательно," - сказал он кисло.

"Не знаю, насколько это было бы полезно в нормальных боевых условиях, - сказал Возняк, - но это дает им некоторые интересные возможности, не так ли?"

"Один из способов выразить это," - признал Лессем.

Соларианская оперативная группа начала резко замедляться после провала своей первоначальной атаки. Фактически, они достигли 4.4 км/сек в квадрате, девяносто двух процентов мощности Невады. Впрочем, он ни секунды не думал, что они сдались. Если они хотели сделать это, все, что им нужно было сделать, это уйти в гипер. Нет, они только покупали себе больше времени, чтобы подумать. Предполагая, что они сохраняют увеличенное торможение, они достигнут нулевой скорости относительно терминала на двенадцать минут раньше - и на 824 935 километров (или 2.7 световых секунды) дальше от него. А после запуска из состояния покоя расстояние в 2.7 световых секунды дало бы время полета ракеты почти ровно сорок две секунды для предвоенной стандартной ракеты ФСЛ.

Что было... интересно, учитывая 42,7-секундное время цикла гипер-генератора Саганями-С.

Однако тем временем, множество призраков крошечных импеллерных сигнатур мчались к замедляющимся линейным крейсерам от гораздо более крупных грузовых кораблей, следующих далеко позади них. По-видимому, соларианская версия ослика могла доставить себя - и, по-видимому, свои ракетные подвески - назначенному конечному пользователю. Как сказал Возняк, не то, что это могло бы быть критически важным в большинстве боевых обстоятельств, но тем не менее раздражало.

И, может быть, больше, чем просто раздражало, подумал он. Я думаю...

"Свяжите меня с капитаном Амберлайн, пожалуйста, Джордж," - сказал он.

"Есть, сэр," - ответил офицер связи, и через три секунды капитан Гарриет Амберлайн появилась на коммуникационном дисплее Лессема. Позади нее он мог видеть мостик КЕВ Дэвид К. Браун и тактическую секцию КБП.

"Да, сэр?" - сказала она.

"Я не доверяю этим людям," - сказал ей Лессем. "Они, очевидно, выбрали свое замедление, чтобы проникнуть в циклы наших гипергенераторов, подходя в нормальном пространстве. На самом деле, я думаю, что они выбрали это слишком очевидно. Я действительно надеюсь, что они не думают, что я настолько глуп, чтобы позволить им на самом деле добраться до этой точки, не перейдя к черту в гипер отсюда, и если они этого не думают, это говорит о том, что они задумали что-то другое."

"Такой короткий микропрыжок чертовски труден, сэр. По меньшей мере, они получают большой разброс," - указала она, и он кивнул в подтверждение того, что она думает о том же, что и он.

"Это не имеет большого значения," - отметил он в свою очередь. "У них в десять раз больше корпусов, чем у нас, а у Невад на самом деле больше бортовых труб, чем у Саганями-С. Я знаю, что мы можем стрелять с обоих бортов, а они - нет, но это все еще много ракет, когда они подойдут на эффективное расстояние от нас. Кроме того у Невады наполовину больше

энергетического оружия с каждого борта. Если бы они смогли подойти близко... "

Он позволил своему голосу замолчать, и Амберлайн хмуро кивнула. Только в этот раз она была счастлива от того, что на его воротнике были две планеты коммодора, а на ее - только четыре золотых звездочки капитана второго ранга.

"Учитывая, насколько медленнее работает ваш гипергенератор, я думаю, вам пора уходить," - продолжил он. "Я обещаю, что мы позаботимся о ваших беспризорниках, и я даю вам Миньон и Ланкастер для сопровождения. Они взяли на борт меньше людей астроконтроля, чем Обузье."

Она снова кивнула.

"У Рэнди будут координаты встречи через минуту." Лессем показал рукой на лейтенант-командера Рональда Кивлочана, штабного астрогатора эскадры 912. "Кто-то будет, так или иначе, сообщать вам, как идут дела."

"Я буду ждать хороших новостей, сэр."

"Тогда мы сделаем все возможное, чтобы дать их вам. И ваш уходящий подарок, вероятно, поможет в этом отношении. Лессем, конец связи."

* * *

"Этот грузовик или что там у них, только что ушел в гипер, мэм," - сообщил контр-адмирал Росиак. "Похоже, пара эсминцев ушла с ним."

"Черт," - мягко сказала адмирал Изотало. "Очевидно, они не пускающие слюни идиоты. Не удивительно, но всегда можно было надеяться."

"Нет ничего плохого в надежде, мэм," - заметил контр-адмирал Рамаалас. Начальник штаба стоял рядом с ее командным креслом, наблюдая за главным дисплеем вместе с ней. "До тех пор, пока вы не дадите себе возможность строить свои планы на основе того, что, как вы надеетесь, произойдет, а в этом случае вы этого не сделали."

"Спасибо на добром слове, во всяком случае."

Изотало задумчиво крутила свое кресло из стороны в сторону, рассматривая дисплей. Иконка того, что должно было быть, по ее убеждению, специально построенным кораблем быстрой поддержки, только что исчезла с него, сопровождаемая еще двумя импеллерными сигнатурами, помеченными БИЦ как эсминцы, что наводит на мысль, что командир манти понял, что она делает. С другой стороны, может и нет. Оперативная группа замедлялась с нынешним темпом в течение двадцати трех минут, и скорость ее снизилась до 10 179 км/сек. Еще через девять с половиной минут она достигнет 7,6 миллиона километров - максимального расстояния для стандартной ракеты Джавелин с работающим приводом. Шансов на то, что Джавелин нанесет удар на расстоянии в 25,3 световых секунды по обороне, превратившей 6-тысячный залп Катафрактов в мясной фарш, не существовало, но расстояние продолжало уменьшаться.

Ей нужно было подойти как минимум еще на десять или пятнадцать световых секунд ближе, если она надеялась на приличный процент попаданий, и шансы, что командир манти будет

бездействовать еще четырнадцать минут, в то время как она преодолет еще 5,3 миллиона километров, казались ей... низкими. Возможно, манти ожидал, что она попробует это, но никто из них не ожидал, что Изотало это сойдет с рук.

С другой стороны, Изотало уже выпустила по нему залп из шести тысяч ракет, и они должны были видеть Хаски, летящих вперед с кораблей снабжения Изотало, чтобы пополнить запасы ОГ 1027.3. Это означало, что они знали, что Изотало может запустить гораздо более мощный залп Катафракт, если она использует все подвески своих оперативных групп сразу. На этот раз Изотало не нужно было включать баллистическую фазу. Манти были уже в радиусе досягаемости ее Катафракт с включенным приводом, с общим временем полета "всего" 210 секунд. Без сомнения, манти хотели, чтобы ОГ 1027 выпустила как можно больше ракет в их направлении. У их проклятых крейсеров было бы достаточно времени, чтобы безопасно уйти в гипер, смеясь в кулак над глупыми солли, когда пара сотен тысяч дорогих Катафракт, увидев, что их цели внезапно исчезают, самоуничтожатся в конце полета.

Но время цикла корабля поддержки должно было быть близко к двум минутам, так что, по крайней мере, вполне возможно, что командир манти просто спас его от опасности, пока Катафракт не пришли туда, где время полета было бы меньше времени цикла. Это не обязательно означало, что он знал, что на самом деле планировала Изотало.

Конечно же, нет, Джейн, сардонически подумала она. С другой стороны, даже если они знают, о чем ты думаешь, ты можешь пережить это.

* * *

"Думаю, теперь в любое время," - пробормотал коммодор Лессем, наблюдая, как расстояние продолжает уменьшаться.

"Прошу прощения, сэр?" - сказал командер Тури, и коммодор встряхнулся и криво улыбнулся.

"Просто поспорил сам с собой о том, когда этот парень нажмет на курок," - сказал он.

"Мне и самому интересно," - признался начальник штаба.

"И еще меня интересует, насколько осторожна данная крыса, когда дело доходит до обнюхивания сыра." Лессем встал из своего командного кресла и пересек флагманский мостик, чтобы встать, глядя через плечо лейтенант-командера Кивлочана. "Я не хотел бы, чтобы они ушли до начала вечеринки."

Тури кивнул, стоя у другого плеча Кивлочана и наблюдая за дисплеем.

Солли замедлялись тридцать четыре минуты. Расстояние уменьшилось до семи миллионов километров, а скорость сближения упала до 7,293 км/сек. Теперь они находились на максимальном расстоянии Джавелина, и они не могли ожидать, что эскадра 912 позволит им приблизиться намного больше. По крайней мере, в обычных обстоятельствах.

Лессем немного обдумал геометрию, потом решительно кивнул.

"Думаю, лучше их подбодрить," - сказал он и посмотрел через плечо на командера Возняка. "Выполняйте Пикадор, Том."

* * *

"Ракетный залп!" - резко объявил контр-адмирал Росиак. "Оценка восемьсот двадцать четыре - повторяю восемь-два-четыре - входящих на четыре-пять-один км/сек в квадрате! Время полета две точка семь минут."

Джейн Изотало оторвалась от разговора с Киммо Рамааласом. Она боялась этого момента - и, честно говоря, была удивлена, что этого не произошло раньше. Но...

"Подтвердите количество ракет!"

"Уверенность слежения высока, мэм," - ответил Росиак, отводя взгляд от основного дисплея, чтобы встретиться с ней взглядом.

"Это не может быть все, что у них есть, мэм," - тихо сказал Рамаалас.

"Может быть, и нет, но это чертовски намного больше того, чем даже эти их толстозадые крейсера могли бы запустить из внутренних труб."

Голос Изотало был таким же тихим. Она повернулась к маневровому дисплею, глаза были сосредоточены и напряжены, а ее мозг лихорадочно заработал. Все отчеты и анализы настаивали на том, что крупные боевые корабли манти регулярно бросали тысячи ракет в своих противников, а это было невозможно, если эти люди не работали с собственными предварительно развернутыми подвесками. Особенно, когда ракеты манти были Молотом Бога! По общему признанию, раз эти манти были только тяжелыми крейсерами, так много ракет не могло поступить из внутренних труб десяти крейсеров. Они должны были быть запущены с подвесок, но их количество казалось смехотворно низким, если у них было много подвесок. Если не ...

"Возможно, им не хватает контрольных линий," - сказала она. Рамаалас повернул голову к ней, и она пожала плечами. "До сих пор у нас нет никаких убедительных свидетельств того, сколько птичек может контролировать их крейсер, и все действительно большие залпы, о которых мы знаем, были произведены кораблями стены. За исключением Шпинделя, может быть, но это был залп с планетарной орбиты. Бог знает, сколько платформ у них было, чтобы контролировать это."

"Это правда, мэм, но не забывайте о сообщениях, что они могут запускать ракеты с обоих бортов. Мы только что получили подтверждение, что они могут запускать противоракеты таким образом, и это довольно убедительно доказывает, что они могут запускать корабельных убийц таким же образом."

И если вы посмотрите на числа, кажется, как будто это был двойной залп с каждой стороны - черт, может быть, даже из их погонных труб тоже. Интересно, могли ли они спроектировать чертовы штуки, чтобы делать двойные залпы с бортов?"

"Сдваивать их, ты имеешь в виду?" Изотало обдумала это и кивнула. "Может быть. Это было бы логичным шагом для более высокой плотности залпа с чего-то, что, по крайней мере, не может нести их чертовы подвески внутри. Им придется немного развести последовательность включения, но мы никогда не увидим их на этом расстоянии, пока их импеллеры не оживут, так как же мы можем знать, что они это сделали?" Ее глаза сузились. "Но если вы правы, это может означать, что это самый большой залп, для которого у них есть каналы управления,

даже для запуска с развернутых подвесок."

И было бы неплохо, если бы существовал какой-то предел их проклятой плотности залпа, мысленно добавила она.

"Может быть, мэм," - согласился контр-адмирал. "С другой стороны, они могут просто не захотеть запустить больше птичек, чем сейчас." Пришла его очередь пожать плечами.

"А может, это все, что, по их мнению, им надо," - сказала она более сдержанно, затем повысила голос и снова посмотрела на Росиака. "Прогнозируемое нацеливание?" - спросила она.

"Трудно сказать так рано, мэм. Похоже, они идут на вице-адмирала Бонрепо, но это может быть уклоняющимся маршрутом."

"Вероятно так и есть." На этот раз ее тон был почти отсутствующий, и она посмотрела на маневровый дисплей. Тридцать секунд с момента пуска манти.

"Выполните второй скачок через семьдесят секунд," - сказала она. "Все оперативные группы иницируют переход, но если ваше прогнозируемое нацеливание сохранится, третья группа отменит переход и останется здесь в нормальном пространстве."

* * *

"Я надеюсь, что вы готовы нажать на эту кнопку, Рэнди," - сказал коммодор Лессем, когда залп эскадры полетел к цели.

Если бы он решил воспользоваться ракетными подвесками, прикрепленными к корпусам своих кораблей, более старые крейсеры могли бы добавить к его атаке более шести сотен дополнительных ракет, и он испытал искушение сделать именно это, полагая, что полторы тысячи Марк 16 превратят любую эскадру соларианских линейных крейсеров, когда-либо построенную, в обломки. К сожалению, не было никакого дьявольского способа поразить что-то в нынешних обстоятельствах, если только командир солли не очень правильно догадается о выборе цели, а Пикадор был специально разработан, чтобы помочь ему правильно угадать. В сложившихся обстоятельствах он не собирался тратить впустую ни одну из подвесок, прикрепленных к его кораблям, поэтому решил полагаться исключительно на внутренние пусковые установки своих крейсеров.

Саганами-С нес по двадцать труб с каждой стороны, и его телеметрические линии были спроектированы так, чтобы контролировать два залпа из сорока ракет Марк 16 подряд, поэтому корабли, такие как Клас Флеминг, обычно запускали по восемьдесят ракет одновременно. Он также был разработан с шестидесятипроцентной избыточностью контрольных линий для защиты от боевых разрушений и чтобы позволить ему выжать максимальную полезность из ракетных подвесок КФМ.

Крейсер класса Саганами-В нес на две трубы больше, чем Чарли, считая его погонное вооружение, и был также разработан для дублирования залпов, что давало ему вдвойне залпы по восемьдесят четыре ракеты, хотя у него было только около половины избыточности контрольных линий Чарли. Браво не были оборудованы для стрельбы ракетами Марк 16 с их внутренней термоядерной установкой, но они были вооружены ракетами Марк 14 расширенной дальности с увеличенной выносливостью импеллерных узлов. У Марк 14 было

только пятьдесят шесть процентов дальности Марк 16 с включенным приводом, и его бортовая мощность была намного ниже, что влияло на такие вещи, как возможности противоракетной электроники. Но даже с этими ограничениями у него было на восемьдесят процентов больше дальности, чем у Катафрактов, обнаруженных КФМ в магазинах Массимо Филареты. Они могли уступать Марк 16 и Марк 23, но они превосходили все, что имели солли, и были более чем достаточны для его нынешних целей.

И было бы очень хорошо, если бы эти люди были настолько неуклюжи, чтобы позволить нам на самом деле их ударить, подумал он. Впрочем, этого не произойдет.

* * *

"Ублюдки пытались обмануть нас, мэм," - заметил контр-адмирал Рамаалас, когда весь залп манти отклонился в последний момент, перенесся цель с ОГ 1027.1 вице-адмирала Бонрепо на ОГ 1027.2 вице-адмирала Цукахары.

"И это укусит их за задницу," - согласилась Изотало, изучая геометрию атаки с глубоким удовлетворением. Изменение курса ракет манти поместило ОГ 1027.3 Гельмута Сантини далеко за пределы их досягаемости. Даже при их ускорении они не могли переориентироваться на его корабли, учитывая расстояние, которое она оставила между своими оперативными группами.

"Связь, подтвердите отмену второго скачка адмиралу Сантини," - сказала она.

"Есть, мэм!" - отозвался коммодор ад Кадиду, ее офицер связи.

"Я, вероятно, разозлю Гельмута, втолковывая очевидное, - тихо сказала Изотало Рамааласу, - но это никогда не вредно."

"Конечно, мэм," - ответил начальник штаба. Мантикорские ракеты находились всего в пятнадцати секундах от взрыва, но Рамаалас, казалось, не был обеспокоен надвигающимся уничтожением трети линейных крейсеров ОГ 1027.

И не зря, подумала Изотало, взглянув на цифровой индикатор времени. Через примерно...

* * *

"Почему я не удивлен?" - заметил коммодор Лессем, когда две трети соларианских кораблей исчезли за пять секунд до того, как ракеты эскадры 912 достигли дальности атаки. "Джордж, отправь Со-По и Обузь на Аджай."

"Есть, сэр," - отозвался лейтенант Гордон, и Лессем повернулся к командеру Кивлочану.

"Запускай часы, Рэнди."

"Есть, сэр. Выполнение через... два-восемь-ноль секунд."

* * *

Астрогаторы ненавидят микропрыжки, которые определяются большинством космонавтов торговых кораблей галактики как любое путешествие в гиперпространство, которое покрывает

менее четырех или пяти световых минут в нормальном пространстве. На самом деле все, что короче половины светового часа, разумно считать микропрыжком, но 72 000 000 километров, как правило, считаются абсолютно кратчайшим "путешествием" в гипере, которое хочет совершить любой разумный человек.

Большая часть этого обусловлена тем что, хотя максимальное ускорения корабля идентично в нормальном и гиперпространстве - по крайней мере, вне гравитационной волны - его кажущееся ускорения для наблюдателя в нормальном пространстве много, много выше. В альфа-полосе разница составляет приблизительно 640 процентов, что дает соларианскому линейному крейсеру класса Невада кажущееся максимальное ускорение 32 112 g - более 370 км/сек в квадрате. Это ускорение не делает вычисления астрогатора более сложными, но означает, что любые небольшие ошибки имеют гораздо более серьезные последствия, когда корабль возвращается в нормальное пространство. А какая-то ошибка неизбежна.

Гипержурнал, который отслеживает местонахождение звездолета в гипере, примерно так же, как древние инерциальные навигационные системы отслеживали позиции подводных лодок, должен калиброваться после любого перехода в гиперпространство, и эта калибровка выполняется серией сложных сравнений между фактическими показаниями энергии судна и показаниями "идеальной" модели в течение определенного периода времени. В микропрыжке для гипержурнала недостаточно времени, чтобы завершить сравнение. В зависимости от продолжительности прыжка гипержурнал может улучшить его точность; он никогда не сможет достичь ничего похожего на полную точность.

А то, что создает проблемы для одного корабля, имеет тенденцию создавать намного больше проблем, когда несколько кораблей выполняют микропрыжок вместе. Даже когда один корабль запускает мастер-часы для прыжка, и все корабли одновременно запускают нисходящий переход, существует некоторая разница, когда они фактически проходят альфа-стены между гипер- и нормальным пространством. Пересечение стены похоже на столкновение самолета с атмосферной турбулентностью, и эта стена колеблется в результате сложного взаимодействия с любыми локальными гравитационными колодцами или гипертоннелями в нормальном пространстве. Степень, в которой можно отрегулировать эти колебания, зависит от того, насколько хорошо астрогационные компьютеры проанализировали их, и это также зависит от того, сколько времени у них было на анализ.

Зная все эти факторы, капитаны торговцев, как правило, отказываются совершать прыжки в гипер на расстояние менее половины светового часа из-за износа своих альфа-узлов и гипергенераторов. Их расписания редко бывают настолько критичными по времени, чтобы делать более короткие микропрыжки, которые стоили бы усилий, проблем и неопределенностей. С другой стороны, флотские астрогаторы специально подготовлены к тому, чтобы совершать эти короткие микропрыжки, хотя даже для них может быть сложно, если общее расстояние намного меньше, чем, скажем, три световых минуты.

Однако микропрыжок оперативной группы 1027 длился всего двадцать три световых секунды, и Айседор Хэмптон должен был бороться с разрушительным влиянием терминала.

Неизбежно, что в этом будет некоторая... неопределенность.

* * *

"Гиперследа!" - объявил Томас Возняк через 4,5 минуты после того, как тридцать линейных крейсеров, двенадцать легких крейсеров и двадцать эсминцев исчезли с сенсоров эскадры 912. "Много следов," - продолжил он, изучая данные. "Ближайший... за семьсот тысяч километров!"

* * *

Подходы к терминалу были бурей синих молний, вспыхивавших на фоне стигийской тьмы, когда шестьдесят два космических корабля вернулись в нормальное пространство. В сложившихся обстоятельствах это была плотная формация, подумала Джейн Изотало, когда на главном дисплее КФСЛ Молниеносный вспыхнули гиперследеы. "Плотная", однако, было относительным термином, и ее две оперативные группы все еще были разбросаны по огромному объему. Один дивизион Невад из эскадры 615 ОГ 1027.2 находился на расстоянии более миллиона километров от остальной части их эскадры. Однако это был худший разброс, и она свирепо улыбнулась, увидев, насколько точной была астрогация Айседора Хэмптона. Он действительно попал на очень близкое расстояние. Если четыре из ее линейных крейсеров находились в 1,6 миллионах километров от манти, то еще восемь были почти на расстоянии действия энергетического оружия.

Время полета Джавелина на 700 000 километров будет составлять тридцать девять секунд, что вполне соответствует времени цикла гипергенератора тяжелого крейсера, а задержка связи составит всего 2,3 секунды. В этом диапазоне всё РЭП во вселенной не спасет манти.

Она бы предпочла расстояние энергетического оружия, но согласилась и на то, что имела.

"План огня Дельта!" - прорычала она.

План Дельта использовал исключительно внутренние пусковые установки ее кораблей, потому что не было времени разворачивать цепи Хаски и ракетных подвесок, которые были собраны достаточно близко для того, чтобы на них распространялись поля гиперперехода крейсеров. Тем не менее, восемь Невад - включая Молниеносного - ближайших к манти, выпустили 224 ракеты через две секунды после того, как она отдала приказ.

* * *

"Неплохая астрогация," - заметил коммодор Лессем, когда главный дисплей стабилизировался. "А эти ублюдки с ноль-три-восемь особенно хороши."

Он показал головой на тесное скопление гиперследов с правого борта Класа Флеминга. Соляриане не двигались относительно его группы - при переходе корабля из гиперсвыше девяноста процентов его скорости уходит на энергию перехода, а они двигались не особенно быстро через гипер до того, как сделали переход - но эти восемь кораблей поддерживали чрезвычайно тесный строй. На самом деле он сомневался, что многие мантикорские эскадры могли бы сделать что-то подобное.

"Лучше, чем я ожидал, сэр," - признался командер Тури.

"Никто никогда не говорил, что солли - некомпетентные космонавты," - отметил Лессем. "Мы склонны забывать об этом, потому что..."

"Запуск ракет!" - сказал Возняк. "Больше двухсот ракет с ноль-три-восемь, один-шесть-три на девять-три-пять-точка-три километра в секунду в квадрате. Они похожи на Джавелины, сэр. Время полета... три девять-точка-две секунды."

"Принято," - ответил Лессем, не отрываясь от дисплея. "Как я уже сказал, - спокойно продолжил он, - мы склонны забывать об этом из-за того, насколько односторонними были нынешние боевые действия. Но они не собираются вечно держать головы в задницах на этом

фронте, Лестер. И когда они их извлекут оттуда, они будут компетентны во всех этих других областях."

"Понятно, сэр," - сказал Тури.

Лессем повернул голову, чтобы улыбнуться ему, затем посмотрел на лейтенант-коммандера Кивлочана. Астрогатор наблюдал за своей консолью с напряженным выражением, но на мостике Класа Флеминга было замечательно мало беспокойства, когда ракеты ускорились, направляясь к нему. А затем...

* * *

"Черт," - сказала адмирал Изотало, когда вся мантикорская эскадра исчезла в гиперре через четырнадцать секунд после запуска ее ракет.

"Отменить залп," - сказал контр-адмирал Росиак и передал код уничтожения Джавелинам, которые неслись на своих врагов. Через секунду они самоуничтожились, и Изотало поморщилась.

"Ненавижу, когда у другой стороны есть мозги," - сказала она.

"При всем уважении, мэм, не требовалось много мозгов, чтобы понять наши варианты," - отметил Рамаалас. "Как вы сказали, второй скачок был, в любом случае, нашим единственным шансом попасть на эффективное расстояние прежде, чем они смоются. Я полагаю, вы были тем, кто сказал, что только "пускающий слюни идиот" позволит нам это. Это стоило попробовать, но они должны были держать свои генераторы наготове, как только увидели, что мы ушли в гипер."

"Да знаю я, знаю!" - фыркнула Изотало. "Я полагаю, что в основном я злюсь на себя за то, что позволила им втянуть меня в запуск этих ракет. Как вы сказали, они должны были знать, когда мы появимся, и они могли уйти в гипер на четыре чертовых минуты раньше, чем мы перешли обратно. Единственная причина, почему они этого не сделали, потому что они хотели сидеть здесь достаточно долго, чтобы позволить мне стрелять в них. Это было немного... дерзко с их стороны, но учитывая время, мы должны были нанести удар в космосе менее чем за девяносто тысяч километров, чтобы поймать их с помощью ракетного пуска. Но на этом расстоянии мы бы разорвали их на части энергетическим огнем и к чертям ракеты! Но каковы были шансы, что даже Айседор может привести нас так близко?" Она покачала головой. "Нет, манти сделали это нарочно. И они сделали это, чтобы показать, что могут это сделать."

"Прошу прощения, мэм?" - Рамаалас нахмурился.

"Мы могли бы выстрелить в десять раз больше птичек, не сделав дырку в наших внутренних магазинах, и тем более, в запасах кораблей поддержки Куигли. Я думаю, мы можем предположить, что они достаточно умны, чтобы тоже понять это. Так что, черт возьми, они не ожидали, что убедив нас тратить ракеты выгоняя их в гипер, они уменьшат нашу боеготовность. Нет, эти люди ждали нас только потому, что хотели показать нам нос перед тем, как убежать."

"Может и так, - признал Рамаалас через мгновение, - но это может в конечном итоге стоить им многого. Особенно, если они действительно не могут стрелять залпами большими, чем тот,

который они уже запускали в нас, мэм. Сейчас мы хозяева терминала, а не они, и, если у них нет огневой мощи, чтобы отбросить нас назад, они застряли на этой стороне. В лучшем случае - с их точки зрения - это означает, что им придется идти домой долгим путем."

"Можете быть вы правы, но я не убеждена в том, что кто-то такой умный, как они, не посчитает на пару шагов вперед в этой логике. Я думаю, что они, вероятно, решили остаться на этой стороне терминала."

"Потому, что ждут друзей, мэм?"

"Это определенно возможно." Изотало повернулась и пошла обратно к своему командному креслу, в то время как разбросанные отряды оперативных групп начали ускоряться по направлению к Молниеносному. Учитывая расстояния, им потребуется не менее пятнадцати минут, чтобы снова собраться вокруг флагмана. Манти, вероятно, выйдут обратно из гиперсаздалго до этого.

"У них не было времени провести столько кораблей через терминал после того, как мы перешли в гипер," - указала она, садясь в свое кресло. Указательный палец подозвал Росиака присоединиться к ней и Рамааласу, и она откинулась назад. "Во всяком случае, не в последовательном переходе. Минимальное время для этого сколько? Сто шестьдесят секунд? И это было бы, если они выстроятся в тесную транзитную очередь. Но если бы они намеревались вернуться на Аджай, они могли бы сделать это в любое время, когда захотят, прежде чем мы ушли в гипер. Вообще, если бы они планировали отступить, они могли бы разместиться для одновременного транзита всех их сил. Этот терминал не такой большой, как некоторые, но он более чем достаточен для такого количества крейсеров одновременно. И если бы они добрались до Аджая, мы бы знали, что они сидят прямо на другой стороне терминала, готовые оторвать наши задницы энергетическим оружием, когда мы пройдем к ним."

Ее собеседники кивнули с мрачными выражениями. Звездолет проходил через гипертоннель под парусами Варшавской, а не на импеллерном приводе, и это означало, что он появлялся без импеллерного клина и боковых стенок. Требуется несколько секунд - около восьмидесяти в случае с терминалом Прайм - чтобы отойти от гипертоннеля в достаточной степени, чтобы перестроиться на клин. В течение этих восьмидесяти секунд корабль абсолютно незащищен от оборонительного огня. Это было одной из причин, по которой Изотало и ее штаб были совершенно убеждены в том, что все жестокие нападки - в газетах и на Ассамблее - на Беовульф были совершенно неоправданными, по крайней мере, в одном отношении. Сговорившись с манти или нет, Беовульф спас сотни тысяч жизней ФСЛ, когда блокировал беовульфский терминал Мантикорского узла гипертоннелей для флота адмирала Цанг.

Если бы Цанг сделала переход прямо в зубы мантикорской защиты, весь ее флот был бы уничтожен еще более полно, чем флот Филареты. Политики и говорящие головы могли говорить все, что им угодно, но после того, что случилось с Одиннадцатым флотом, любой флотский офицер с двумя мозговыми ячейками, которые могли бы работать вместе, знал, что случившееся с флотом Цанг было бы еще хуже. Гораздо хуже.

"Должна быть причина, по которой они решили этого не делать," - продолжала Изотало. "И самое вероятное, что мне приходит в голову, это что они действительно должны пикетировать этот терминал, в то время как другая из их оперативных групп захватывает мост Агуэда-Стайн. Если это так, то они должны следить за нами и не дать нам устроить засаду, чтобы

приветствовать эту другую оперативную группу, когда она прибудет." Она показала свои зубы. "Разве не было бы мило, если бы мы сидели на терминале с несколькими тысячами наших ракетных подвесок, развернутых для обороны сектора, когда манти вернулись? У них бы не было ни одной из этих проклятых невидимых разведывательных платформ, и даже их корабельные датчики были бы бесполезны до тех пор, пока энергия перехода полностью не улетучится. К тому времени, когда они бы обнаружили нас, они, вероятно, были бы в зоне досягаемости для массированного залпа, и я бы с радостью использовала полмиллиона ракет, чтобы выбить дерьмо из одной из их передовых оперативных групп!"

"Это было бы хорошо, мэм." - сказал Рамаалас немного задумчиво.

"И это то, что их больше всего беспокоит, я думаю," - продолжила Изотало. "Они хотят держать достаточную силу на этой стороне терминала, чтобы играть роль сторожевых псов для своих друзей. Прибывшей оперативной группе не понадобятся разведывательные платформы, если здесь уже находится целая чертова эскадра крейсеров, чтобы рассказать им о нас."

"А как насчет защиты Аджая, мэм?" - спросил Росиак. Она посмотрела на него, и он пожал плечами. "Думаю, это тоже должно быть довольно высоко в списке их приоритетов," - отметил он.

"Я думаю, что у нас есть две основные возможности," - сказала Изотало. "Или то, что мы видели здесь, на терминале Прайма, - это все, что у них есть - или, во всяком случае, их основная сила - или это не так. Зная, сколько ракет они запустили в нас за один залп, и учитывая то, что мы до сих пор слышали о типах залпов, которые могут выбрасывать основные корабли манти, я склонна думать, что на стороне Аджая не может быть никаких кораблей стены. Мне все равно, что могли бы сделать некоторые из наших менее блестящих коллег, если бы манти привели с собой пару своих повесочников, но все, что я бы сделала, - это убежала бы к черту, и они должны предположить, что любой из адмиралов ФСЛ с мозгами будет думать именно так. Мы не собираемся скрещивать мечи с чем-то, что может сделать то, что они сделали с Филаретой!"

Оба ее подчиненных кивнули в знак согласия - и глубокого облегчения - с этим.

"С их точки зрения, сохранение контроля над этой стороной терминала должно быть более привлекательным, чем просто защита его с другой стороны, особенно если они действуют против Агуэды. Итак, опять же, если бы у них была такая огневая мощь, я почти уверена, что они бы ее использовали, чтобы преследовать нас или, по крайней мере, заставить нас держаться на расстоянии от терминала. Учитывая все это, я склонна предположить - по крайней мере, предварительно - что то, что мы видели, это почти все, что у них есть. Мне кажется, что они решили, что более важно удержать этот терминал - и, вероятно, захлопнуть дверь за нами, если мы пройдем его, - чем защищаться со стороны Аджая."

"Но это оставляет все в Аджае незащищенным, мэм", - сказал Росиак.

"Да, но подумай об этом". Выражение лица Изотало превратилось в камень. "Знают ли они, насколько это незащищено? Любой из их кораблей - или кто-то еще в Аджае, если на то пошло

- должен иметь достаточно времени, чтобы уйти, прежде чем мы придем. Манти чертовски хороши в защите коммерции, все это знают, и это то, что у них на уме, потому что они не знают о Флибустьере. Не могут знать".

Росиак глубоко вдохнул, а выражение лица Рамааласа стало почти таким же каменным, как у Изотало.

Конечно, это так, подумала адмирал. Киммо нравится Флибустьер не больше, чем мне. Мы сделаем это, потому что это наши приказы и потому что в настоящий момент у нас нет другого способа причинить вред чертовым манти. Но ему это не нравится, и он и Барт, как и я, знают, что ни один мантикорский флотский офицер ни на мгновение не вообразил бы, что именно Солнечная Лига, одна из всех звездных наций, начнет систематически уничтожать промышленные и орбитальные инфраструктуры целых звездных систем. Запрет такого рода вещей был одной из главных причин, по которой Лига изначально была создана!

Эта мысль вызывала у нее отвращение, но у нее было достаточно времени, чтобы справиться с этим. И критическим моментом было то, что манти не знали о Флибустьере - и никогда не ожидали ничего подобного. Коммерческий рейд, да. Атака на любые военные корабли манти, с которыми они столкнулись, захват любого торгового судна, с которым они встречались, - все это манти ожидали. И если в галактике можно быть в чем-то уверенным, так это в том, что командир манти отправил один из своих кораблей обратно в Аджай, чтобы сообщить каждой законной цели коммерческого рейда убратся к черту из звездной системы. Это означало, что он свободен от ответственности в Аджаяе, и что для него было бы стратегически разумно пропустить ОГ 1027 через терминал в Аджай, а затем закрыть его за Изотало, заставив ее корабли пройти долгий путь домой, как она ожидала, что заставит силы манти в Агуэде сделать это.

"В любом случае, - сказала она. - мы все еще должны выполнить Флибустьер".

Она уселась в свое кресло, наблюдая за собирающимися значками на дисплее, затем посмотрела на Росиака.

"Я хочу, чтобы Куигли была здесь, у терминала".

Операционный офицер выглядел пораженным, и она резко засмеялась.

"Не для того, чтобы оставить ее здесь, Барт," - заверила она его. "Поверь мне, я хочу, чтобы ее оперативная группа пришла и ушла как можно быстрее. Пока она идет сюда, вы должны разработать план развертывания подвесок, который позволит мне дать Сантини достаточной огневой мощи, чтобы даже дивизиону супердредноутов манти было о чем беспокоиться. В идеале я хочу, чтобы он мог удержать терминал против всего, что они бросят на него, достаточно долго, чтобы мы могли прийти из Аджая, надеюсь, выполнив задачи миссии Флибустьер".

И, пожалуйста, Боже, без Парфянского удара на моей совести, добавила она молча.

"Все, что мы слышали об их оперативных методах, говорит, что они захватывают тоннели в первую очередь с помощью линейных крейсеров и крейсеров," - продолжила она безмятежно. "Я думаю, что это наиболее вероятно, и мы не увидим супердредноутов, когда их силы вернутся из Агуэды. Если все таки увидим, тогда приказ Сантини будет выпустить по ним как можно больше ракет с максимально короткого расстояния, приняв, что это будет слепым

огнем, прежде чем он уйдет в гипер и отправится обратно к Винкоту. И прежде чем он это сделает, пусть одна из его жестянок перейдет в Аджай и предупредит нас о том, что происходит на нашем заднем дворе".

"Честно говоря, учитывая разность боевых возможностей, им вероятно не понадобятся корабли стены, чтобы надрать нам задницы," - сказала она откровенно. "Полдюжины их больших линейных крейсеров могли бы справиться с работой, не вспотев, тем более что их судно снабжения где-то там сидит с кучей дополнительных подвесок для них. И, Киммо, я хочу, чтобы приказы Сантини были ясными. Мне все равно, будь то супердредноуты, линейные крейсера или орда злобных песчанок, если манти подойдут и начнут стрелять в него дерьмовыми ракетами, ему лучше унести свою задницу в гипер и отсюда, прежде чем кто-либо из них получит шанс поразить что-нибудь".

"Понятно, мэ." "

* * *

"Что ж, пока вы, кажется, читаете их довольно хорошо, сэр," - тихо сказал Лестер Тури, когда он и коммодор Лессем стояли, наблюдая за основным дисплеем, а стюард Лессема пополнял их кофейные кружки.

Они наблюдали за соларианами через платформы Призрачного Всадника, которые они оставили позади уже почти девять часов назад. Гипертоннель и подходы к нему образовывали зону в три четверти световых секунды в поперечнике, образуя сферу окружностью 2,36 световых секунды и объемом более 5,9 квадриллиона кубических километров. Соларианские военные корабли были горсткой мельчайших крупинок в этом чудовищном объеме, и дисплей не мог показать отдельные ракетные подвески, которые они активно разворачивали с тех пор, как завладели им. Тем не менее скрытые разведывательные платформы и компьютеры отслеживали их, и по их данным, командир солариан разместил около семидесяти тысяч подвесок. Судя по прежней схеме стрельбы, каждая из этих подвесок содержала только шесть ракет, значительно меньше, чем капсулы Одиннадцатого флота в Мантикоре, но все равно там было примерно 420 000 ракет, что будет достаточно, чтобы задуматься почти любому.

Они также отправили четверку эсминцев в Аджай, явно прощупывая терминал легкими кораблями, прежде чем их линейные крейсера сделают переход и столкнутся с чем-то неприятным. Один из этих эсминцев вернулся пять часов назад, так что, похоже, Со-По и Обуэе выполнили приказы Лессема и продолжали ускоряться в сторону от противоположного конца терминала. Без сомнения, остальные три корабля солли следили за тем, чтобы подходы к терминалу Аджая оставались такими же свободными, как и прежде.

"Может быть," - ответил Лессем на комментарий начальника штаба таким же тихим, как и у Тури, голосом. "Но я должен признать, что есть одна вещь - по крайней мере, одна - которую я не могу понять, и это меня беспокоит".

"И что это, сэр?"

"За каким чертом они пришли". Коммодор покачал головой, глаза прищурились в размышлении. "Я полагаю, возможны две причины, по которым они здесь. Один из них - захватить контроль над терминалом прежде, чем мы это сделаем, с чем, очевидно, они не справились. Не важно, сколько ракетных подвесок развернут эти люди, им не хватит - без Призрачного Всадника и Аполлона - чтобы не дать адмиралу Коррейя пинать их задницы отсюда до Старого Чикаго, когда Перье доставит ему наши сообщения".

Он сделал паузу, глядя на командера, словно желая получить ответ, но Тури только кивнул. Было условлено, что эсминец класса Кулверин доставит ответ из остальной части оперативной группы, как только он доберется до нее.

"Ну, в этом случае мы видим бесполезное упражнение. Если бы они прибыли сюда раньше, чем мы - до того, как адмирал направился в Агуэду, - то вся эта их деятельность могла бы иметь смысл как способ укрепить терминал против всего, что приходит из Аджая. Если они могут быть атакованы с этой стороны, то смысла быть им здесь нет. Так что с этой точки зрения они уже должны были отправиться домой. И, если это так, я не вижу никакой причины для них выкладывать столько ракетных подвесок по эту сторону терминала, чтобы предотвратить неизбежное. Перейди в Аджай и, конечно, укрепи выход из терминала Аджая. В противном случае, крутись здесь, заставь нас маневрировать, заставь нас использовать ракеты так, как мы заставили их использовать ракеты - это все я могу понять... в какой-то мере.

Но то, что они делают, в последнюю секунду укрепляя вход в Аджай - даже если они могут выпекать такие вещи, как булочки, семьдесят тысяч подвесок - почти восемьдесят тысяч - это огромное количество усилий промышленности, просто выброшенных в шлюз".

Он снова сделал паузу, раздувая щеки разочарованно, затем отпил кофе.

"Но это подводит нас ко второй причине их присутствия здесь, и это намерение совершить набег на Аджай. Мне кажется, вот что они делают, укрепляя терминал против нас - нашей оперативной группы, а не адмирала Коррейи, - прежде чем совать свой нос в Аджай. Они не хотят, чтобы мы вернулись и забрали терминал Прайм, устроив им засаду, когда они снова пойдут домой после Аджая. Но они знают, что у нас было достаточно времени, чтобы эвакуировать все наши корабли и персонал из системы, если мы решили это сделать. Так зачем совершать набег на пустую банку из-под печенья? То есть, я полагаю, это будет упражнение в демонстрации флага, который появится в Аджаяе после того, как они "прогнали мерзких манти из города", но это было бы чисто косметическим достижением. Опять же, поставить полмиллиона ракет туда, где они, вероятно, потеряют их без пользы, мне кажется довольно дорогой ценой за символическую "победу"!"

* * *

"Все это правильно, сэр," - сказал Тури, несколько секунд вдумчиво глядя в свою кофейную кружку. "И у меня нет ответа".

"У меня тоже, и поэтому меня это беспокоит." Лессем махнул кружкой на иконки соларианских кораблей. "Мы что-то упустили. Должна быть причина, по которой они делают это, и я не могу избавиться от подозрения, что, как бы то ни было, это представляет собой значительный сдвиг в их стратегии".

"Ну, может быть, мы сможем выяснить, что это такое у выживших, сэр," - сказал Тури. "Вы правы в том, что произойдет с ними на этой стороне, когда адмирал вернется, предполагая, что ваши собственные идеи не отправят их в путь даже раньше, чем это. Но что бы у них не было в уме для Аджая, я думаю, им будет немного труднее, чем они думают".

"Может быть". Лессем коротко улыбнулся. Улыбка была удивительно холодной. "В любом случае, мы вложили достаточно усилий в приготовление сыра".

* * *

"Оперативная группа готова продолжить работу, мэм," - формально объявил контр-адмирал Рамаалас, и Джейн Изотало кивнула.

"Я полагаю, что если бы мы услышали что-нибудь неприятное от дивизиона капитана Оглсби, вы бы обратили мое внимание на этот незначительный факт."

"Да, мэм. Я полагаю, вы могли бы с уверенностью предположить это."

"Очень хорошо," - сказала она. "В таком случае, адмирал, продолжайте."

"Есть, мэм." Рамаалас посмотрел на контр-адмирала Росиака. "Выполняйте," - сказал он.

"Есть, сэр. Выполняю."

Росиак коснулся клавиши, и тщательно подготовленный план движения развернулся с точностью метронома.

Изотало откинулась на спинку своего командного кресла, пальцы ее правой руки рассеянно играли с застежкой скафандра, в то время, как она выполняла свою основную работу: излучала безмятежную уверенность, пока ее подчиненные выполняли ее указания.

Ей все еще ничуть не нравилась идея Флибустьера, но она чувствовала глубокое чувство удовлетворения, когда ее оперативная группа устремилась к своей цели. После, казалось бы, бесконечной волны мантикорских триумфов и соларианских разгромов, ОГ 1027 собиралась безупречно выполнить свои приказы. По словам капитана Иеронимуса Оглсби и его трех эсминцев, дальняя сторона терминала была такой же голой, как она и надеялась. Разведывательные дроны эсминцев подтвердили - как она и ожидала - что, к сожалению, все мантикорские или нейтральные суда в Аджае уже давно преодолели предел и исчезли за альфа-стеной. Но истинная цель Флибустьера не могла сбежать в гипер, и не было обнаружено никаких следов военных кораблей манти.

Она напомнила себе о том, как поразительно хорошо мантикорские средства РЭБ показали себя как против Одиннадцатого Флота, так и против ее собственного ракетного залпа прямо здесь, на терминале. Вполне возможно, что где-то в Аджае все еще скрывались военные корабли манти, но требовалось прямое божественное вмешательство, чтобы спрятать от ее эсминцев и их разведывательных платформ нечто большее, чем фрегат, в десяти или двадцати световых секундах от терминала. Сам терминал достаточно мешал датчикам - достаточно для того, чтобы было труднее обнаруживать сигнатуры гравитационных и электронных выбросов, хотя и недостаточно серьезно, чтобы значительно ухудшить управление огнем, как только цель была подобрана, - но это был также, при всем его размере, ограниченный объем. Любой корабль, достаточно большой, чтобы представлять угрозу для ее линейных крейсеров, которую датчики Варшавской или радары не могли обнаружить, столкнулся бы с трудностями - большими трудностями - скрываясь от визуального и теплового обнаружения.

Нет, подумала она. Дверь курятника действительно широко открыта... будь она проклята.

КФСЛ Хиндустан, ведущий ОГ 1027.1 Ламонта Бонрепо, направился к терминалу и исчез, чтобы присоединиться к эсминцам в Аджае.

Терминал Аджай

Гипертоннель Прайм-Аджай

"Значит, тебе все еще нравятся шансы, которые дала тебе Жизель, Энди?" - спросила командер Аалока Менендес, поворачивая свое командное кресло к Андреасу Базиньесу, ее старпому.

Лейтенант Базиньес оглянулся, не говоря ни слова, а Сара Чи, тактический офицер КЕВ Бумсланг, усмехнулась, не отвлекаясь от своих собственных дисплеев.

"Ты должен бы знать лучше, Энди," - сказала она ему. "Во-первых, потому что коммодор... ну, это коммодор. Когда в последний раз ты видел, что он ошибся? Когда бы это ни было, я уверен, что это было в первый раз. Но даже если оставить это в стороне, никто в здравом уме не делает ставок против Жизели. И даже если бы это делали, никто бы не был таким - я ненавижу это говорить, но "тупой" - единственное слово, которое приходит на ум - чтобы делать это, когда она предлагает пари. О чем ты думал?"

Базиньес хранил достойное молчание, но его губы дернулись. Чи была права. В свои сорок лет, старпом Огненной Змеи, лейтенант Жизель Паркинен была "старейшиной" группы, на семь месяцев старше командера Менендес. Ее относительно зрелый возраст для ее ранга не имел ничего общего с недостатком компетентности; она просто занималась другими делами, пока операция Удар Молнии Народной Республики Хевен не привела ее на военную службу из торгового флота. Если у нее не будет звезд адмирала, это только потому, что кому-то удастся убить ее на пути к ним.

И, как его хороший друг, Чи любезно указала, у Паркинен никогда не было плохих шансов в дружеском пари. У нее также была противная - и дорогая - привычка выигрывать с малыми шансами. Вообще она была одним из лучших тактиков, которых он когда-либо встречал, и ее анализ Плана Эстокада - и что, черт возьми, означает "эстокада", в любом случае? - до сих пор сбывался. Он не видел больших шансов на то, что это изменится в ближайшее время, и он задавался вопросом, чего он нанюхался, когда принял ее пари.

"Ну, я должна сказать, что это выглядит не слишком хорошо для тебя," - сказала Менендес, показывая головой на красные значки трех соларианских эсминцев на небольшом главном дисплее Бумсланга. "Эти трое, кажется, делают именно то, что она - и коммодор; давайте не будем забывать его - предсказывали."

"Я знаю," - наконец признался Базиньес. "И я знал с самого начала, что все получится именно так. Но шансы были так хороши!"

"Я только надеюсь, что в любви ты счастлив больше, чем в картах и пари," - сказала ему Менендес."

"О, это так!" - заверил он ее с широкой улыбкой.

"Забавно," - заметила Чи, все еще наблюдая за молчаливыми эсминцами. "Это не то, что сказала Салли Паркинс из инженерного отдела."

"Не надо верить всему, что слышите от сплетников," - предупредил ее Базиньес. "Кроме того, я думаю, что ей было неудобно в моем присутствии из-за моей божественно красивой

внешности." Он печально покачал головой. "Один из крестов, которые я несу. Женщины в моей жизни понимают, что они просто не могут соревноваться с моей сверхчеловеческой физической красотой."

Обе женщины заржали, а младший лейтенант Джош Уитакер, офицер связи Бумсланга, посмотрел через тесную командную палубу на него круглыми, восхищенными глазами.

"Вы так это называете, сэр?" - спросил он благоговейным тоном. "А я то подумал, что ваша фамилия происходит от... величественных размеров вашего носа."

Базиньес поднял нос, о котором шла речь, - и который действительно имел "величественные размеры", - с таким же величественным сопением.

"Увы, это моя судьба, быть оклеветанным мелкими людьми," - сказал он. "Но это нормально! Я к этому привык." Он глубоко вздохнул. "В конце концов, я имею дело с этим со школы."

* * *

"Да, конечно, - сказала Чи. "Не так я это помню," - добавила она, и настала очередь Базиньеса усмехаться. Он и Чи знали друг друга с детства, и она, вероятно, была его самым близким другом в галактике.

"Это потому, что твой разум начинает уходить, и..."

"Гиперслед!" - крикнула Чи, обрезаая его посередине фразы. "Кто-то проходит через терминал, мэм!"

"Принято." Голос Менендес стал таким же резким и холодно профессиональным, как у Чи; она посмотрела на Уитакера. Офицер связи ждал.

"Микрофон включен, мэм!" - подтвердил он, и палец Менендес нажал ключ передачи в подлокотнике ее кресла прежде чем он закончил говорить.

"Тайфун," - объявила она по внезапно ожившей сети узконаправленных лазеров тем же холодным, жестким голосом. "Тайфун, Тайфун." Затем она отпустила ключ и осмотрела свою командную палубу. "Идемте, мальчики и девочки," - сказала она. "Сделаем все как следует."

По мере того, как шли боевые команды, в драме чего-то не хватало, подумала она, но это было нормально. Еще будет много драмы, чтобы обойтись без ее добавления к этому.

* * *

"Гиперслед," - спокойно объявила командер Патриция Рихтманн, тактический офицер КФСЛ Вольтижер. Это прибытие не было неожиданностью. Они ожидали этого, по крайней мере, последние три часа, но все-таки ждали линейный крейсер. Каждый офицер эсминца знал, что время, необходимое для выполнения любой задачи, увеличивается геометрически пропорционально тоннажу участвующего корабля.

Будь честной, Пат, ругала она себя. На этот раз это была не просто стандартная подготовка к транзиту. И если ты действительно не хочешь идти домой длинным путем, ты должна быть счастлива, что они нашли время, чтобы установить эти подвески. Потому что подумай, кого отправят проверять нет ли там посетителей от манти, если адмирал Сантини не будет наблюдать за задней дверью?

"Получили код транспондера?" - спросил капитан Оглсби.

"Да, сэр. Это Хинду..."

* * *

"Пуск!" - объявила Сара Чи и нажала клавишу.

КЕВ Ехидна была носителем ЛАКов класса Гидра. Гидры были на 33 000 тонн меньше Минотавров, которые предшествовали им, но в них удалось впихнуть еще дюжину отсеков ЛАКов. Все сто одиннадцать ее исправных ЛАКов - один из них был забракован офицером инженерной группы, потому что его системы скрытности имели стойкий сбой - были запущены и оставались позади, прячась в полуночных глубинах терминала Аджай, когда Ехидна и остальная часть пикета в Аджаяе пошла в другое место в соответствии с переданным КЕВ Со-По приказом коммодора Лессема. Они сидели там, ожидая, наблюдая, как соларианские эсминцы проверяют наличие защитников, и теперь была их очередь.

Не было виной Патрисии Рихтманн, что никто их не заметил. Она и ее коллеги - тактические офицеры на борту Чэмберлена и Тимберлейка, кораблей из дивизиона Вольтижера, усердно искали любые признаки военных кораблей. Проблема была в том, что никто из флота Солнечной Лиги, когда-либо сталкивавшихся с Шрайками и Катанами, не добрался до дома, чтобы рассказать об этом кому-нибудь еще. Как следствие, никто из оперативной группы 1027 никогда не предполагал, что что-то такое маленькое - масса Шрайка всего двадцать одна тысяча тонн и длина около семьдесят метров - может представлять угрозу для любого настоящего военного корабля. Вольтижер, массой 112 500 тонн, не участвовал в боевых действиях флота, и его офицеры и экипаж знали это. Мысль о том, что кто-то должен беспокоиться о чем-то меньшем, чем пятая часть их размера, была абсурдной.

Была причина - на самом деле, много причин - что ни один серьезный флот не строил ЛАКи в течение всего прошлого столетия, и даже те, которые находились в эксплуатации, были просто субсветовыми кораблями системной обороны или патрульными судами. Без парусов Варшавской и собственных гипергенераторов, которые никто не мог бы вписать в корпус такого размера - или носителей ЛАКов, о которых солариане ничего не знали, - они все равно не могли бы быть здесь, в пространстве Аджая.

И даже если бы они знали о НЛАКах и новом поколении ЛАКов, не было в галактике ничего более скрытного, чем Шрайк или Катана. Эффективность даже активного радара по отношению к ним резко снижалась на дистанциях, чуть больше очень коротких. Единственный способ действительно обнаружить один из них с его выключенными импеллерами и системами скрытности было заметить, как он загородил звезду, и командер Менендес, которая была командиром ЛАКов Ехидны, также как и командиром Бумсланга, удостоверилась, что ее смертельные маленькие корабли были неподвижны относительно терминала. Шанс, что что-то их размера и положения все еще могло бы загородить звезду (или что-нибудь еще, если на то пошло), был... небольшим.

Если бы соларианские эсминцы искали достаточно пристально и долго, они могли бы их

заметить. Даже мантикорская РЭП не могла сделать их невидимыми для активного радара с достаточной мощностью. Но они были очень близки к невидимым. Их отражение луча радара было слишком малым для чего-то представляющего какую-то угрозу для ФСЛ из того, о чем слышали его компьютеры. Люди ищут угрозы, о которых они знают, и никто из мужчин и женщин на борту этих кораблей не знал ничего о Шрайках.

Например, никто из них не знал, что, в дополнение к внутренней ракетной пусковой установке, Шрайк-Б нес один, установленный продольно, тяжелый гразер, столь же мощный, как бортовое вооружение супердредноута.

* * *

"Я получил импеллерные сигнатуры эсминцев, сэр," - объявил офицер у дисплея капитана Абсолон Бадрани, когда КФСЛ Хиндустан вновь вошел в обычную вселенную.

"Очень хорошо," - рассеянно отозвался Бадрани. Его внимание было сосредоточено на его рулевой, когда линейный крейсер класса Невада выскользнул за пределы терминала. Однотипное с Хиндустаном судно Океан, следовало за ним по пятам, а у капитана Хакенброх была язвительная личность, подкрепленная бритвенно-острым сарказмом. Она сказала бы что-нибудь грубое, если Хиндустан будет неуклюж, убираясь с ее дороги.

Не то, чтобы Океан пришел слишком быстро. Адмирал Изотало установила двадцатипятисекундный интервал между транзитами. Это было намного дольше, чем кому-либо когда-либо понадобилось. Правда, еще пройдет - он проверил дисплей - пятьдесят три секунды до того, как он сможет перестроить паруса Варшавской в импеллеры, но эти паруса обеспечили все ускорение, которое ему понадобится, чтобы убрать Хиндустан с дороги Океана.

Не то, чтобы Хакенброк увидит это так. Если бы не тот факт, что она столь же компетентна, как и раздражительна, ее рот был бы...

Двадцать четыре гразера, каждый из которых был разработан, чтобы рвать броню супердредноута, врезались в КФСЛ Хиндустан, как Божье проклятие.

Это было похоже на то, как грузовик давит куклу, только хуже.

Много хуже.

Ни один выстрел не прошел мимо. Не было никаких боковых стенок, чтобы остановить огонь, идущий с флангов Хиндустана, а его боковая броня была ужасно неадекватна против огня гразера, бьющего с такой жестоко близкой дистанции. Хуже того, половина огня пришла сверху, где не было никакой брони, потому что проектировщики не бронировали участки корпуса, обычно защищенные клином, который должен был быть там.

* * *

"Иисус Христос!" - проговорила Патриция Рихтманн, когда девятьсот тысяч тонн линейного крейсера - и двадцать три сотни мужчин и женщин - исчезли в титаническом огненном шаре взорвавшегося термоядерного реактора. Она смотрела на свой дисплей в полном недоумении, а затем вздохнула в шок. "Импеллерные сигнатуры!" Ее профессиональный голос был

расстроенным и нервным, когда клинья импеллеров ЛАКов Менендес злобно ожили на ее дисплее. "Много импеллерных сигнатур! Оценка девяносто с лишним. Направление..."

Она замолчала, стукнув каблуком по кнопке, запирающей противоударную раму ее кресла на мостике.

"Входящие ракеты," - сказала она жестко. "Оценка семьдесят пять - нет, восемьдесят - входящих. Время полета двадцать секунд."

* * *

Глаза Аалоки Менендес сверкнули от яростного удовлетворения, когда развалился на части первый линейный крейсер солли. Тяжелые гразеры ее Шрайков могли пренебрежительно легко прорваться сквозь боковые стенки линейного крейсера на таком расстоянии, но им даже не нужно было этого делать. И пока две ее эскадрильи разбирались с Хиндустаном, еще три атаковали эсминцы, которые не видели, как они приближаются.

Шрайк-В нес четырнадцать противокорабельных ракет, а револьверные пусковые установки атакующих ЛАКов выплеснули их смертельным потоком. Расстояние было настолько мало, что они могли легко уничтожить солли гразерным огнем, но ахиллесовой пятой мощного энергетического оружия Шрайка было то, что его ядерный реактор не мог перезаряжать свои плазменные конденсаторы в бою. Энергии просто не хватало. Это означало, что энергетический огонь ее кораблей был, по крайней мере, столь же ограничен, как и емкость их магазина, и она хотела сохранить гразерные выстрелы, которые она могла бы сделать в будущем.

* * *

"Что за...?" - выпалила капитан Чаюла Хакенброх, резко поднимаясь в своем командном кресле, когда Океан появился на аджайской стороне терминала. Только что тактический дисплей показывал только спокойный, стройный ряд линейных крейсеров, стоящих в очереди на транзит. В следующий момент он покрылся следами от ракет, импеллерными сигнатурами и приводными маяками спасательных капсул, уходящих в сторону от угасающего огненного шара, который, должно быть, был всем, что осталось от Хиндустана.

"Импеллерные сигнатуры! Много импеллерных сигнатур!" - закричал ее тактический офицер.

А затем холокост, который уничтожил Хиндустан, пришел и к Океану.

* * *

КФСЛ Огайо, Нептун и Минотавр один за другим следовали в пекло, выходя с аккуратными двадцатипятисекундными интервалами в разрушительный огонь ЛАКов группы 117, и огонь в глазах командера Менендес становился холодным и мрачным.

У них нет шанса - ни одного шанса. О Господи! Это даже не стрельба по уткам; это избивание котят! Эти бедные убудки даже не знают, что мы здесь, пока они не всплывают прямо в наше поле зрения, и мы не выносим их в ад!

Ее челюсти сжались, а ноздри раздулись. Что бы ни делало их главное командование и

политические хозяева, несомненно, мужчины и женщины на этих умирающих кораблях ничем не отличались от мужчин и женщин на ее кораблях.

"Изменение цели," - услышала она свой голос. "Бейте по оконечностям корпусов, Сара. Разрушайте импеллерные кольца, и бедные ублюдки поджарятся, если не сдадутся, как только мы вернемся к ним." Она поморщилась. "Давайте не будем делать больше сирот, чем должны."

Терминал Прайм

Гипертоннель Прайм - Аджай

Вице-адмирал Хельмут Сантини принял чашку чая от своего стюарда с благодарным кивком, но выражение его лица было несчастным. Он потягивал горячий напиток и несколько секунд смотрел на успокаивающе неинформативный тактический дисплей на флагманском мостике КФСЛ Колосс. Приятные зеленые значки его оперативной группы плавали на месте, закрывая терминал Прайм для всех проходящих, и это было хорошо. Но затем он перевел взгляд на главный астронавигационный дисплей и уставился на горстку красных икон, насмешливо плывущих в двадцати семи световых минутах от терминала. Пятнадцать секунд он угощал их молчаливой, угрожающей желчью, затем повернулся к высокому широкоплечему контр-адмиралу, стоящему рядом с ним.

"Мне это не нравится, Янсен," - сказал он - просто и уверенно. "Мне это не нравится, черт побери."

"Мне это тоже не нравится, сэр," - ответил Янсен Василиу, начальник штаба оперативной группы 1027.3. "И я бы хотел, чтобы у нас было какое-то объяснение этому."

"Мы оба хотим."

Сантини отпил еще чая, размышляя над этим проклятым дисплеем - обоими проклятыми дисплеями - и проверил время... еще раз.

Запланированное адмиралом Изотало время обновления статуса Флибустьера давно прошло.

Терминал Аджай находился в 342 световых минутах от системной звезды. Поездка, позволяющая прибыть с нулевой скоростью и ускорением к гиперлимиту, потребовала бы больше чем двадцать три часа в нормальном пространстве. Но поездка в 5,7 световых часа не считалась "микро-прыжком" ни в каких книгах, а в гипере, достигнув гамма-полосы, другие оперативные группы ОГ 1027 должны были совершить эту поездку менее чем за тридцать семь минут. По этим подсчетам Изотало проникла во внутреннюю часть системы более девяти часов назад. Даже если предположить, что была какая-то причина, по которой она не могла отправить эсминец с сообщениями обратно к терминалу, сообщение со скоростью света, объявляющее о ее прибытии на орбиту вокруг Эльма, единственной обитаемой планеты системы, должно было достигнуть проклятых эсминцев три с половиной проклятых часа назад. В этот момент один из них, черт побери, должен был вернуться к терминалу Прайм, чтобы дать ему некоторое представление о том, что происходит.

Он хотел - больше, чем он мог бы высказать - обвинить в этом небрежность Изотало, но кем Джейн Изотало точно не была, так это "небрежной". Была причина - веская причина - почему она не прислала ему это обновление, и он был уверен, что ему не понравится объяснение

Василиу, если оно у них будет.

Но и отсутствие сообщений не было поводом, чтобы кувырнуться от радости.

"Послать одну из жестянок, чтобы проверить пикет, сэр?" - спросил Василиу, достаточно тихо, чтобы никто на флагманском мостике не мог его услышать.

"Заманчиво," - признал Сантини. "Но адмирал Изотало увела через терминал более пятидесяти кораблей. Если на другой стороне есть что-то достаточно плохое, чтобы она не послала нам даже сообщения, как вы думаете, что оно сделает с эсминцем?"

"Я думал об этом, сэр." Голос Василиу был даже мягче, и хотя выражение его лица оставалось просто спокойным и внимательным, в его глазах было что-то очень темное. Но эти глаза были тверды, и они встретились ровно с глазами Сантини. "Дело в том, сэр, что это само по себе будет сообщением, не так ли?"

Челюсти Сантини сжались, и он подавил желание оторвать голову начальника штаба за то, что он только что предложил хладнокровно пожертвовать эсминцем и его командой. К сожалению, это было исключительно разумное предложение.

У него не было способа оправдать прохождение всей своей оперативной группы, даже при одновременном транзите, без какого-либо представления о том, что случилось с остальной частью оперативной группы. Единственное, что он знал, было то, что там были - или должны были быть, мрачно исправил он - три соларианских эсминца прямо на дальнем конце терминала. Если что-то подобралось достаточно близко, чтобы помешать хотя бы одному из них вернуться назад к Прайму, то, вероятно, оно было бы достаточно опасным, чтобы справиться с шестнадцатью линейными крейсерами, все из которых, кроме двух, были старого класса Неутомимый, и четырнадцатью эсминцами, если он был достаточно любезен доставить их туда без импеллерных клиньев или боковых стенок.

Так что да, Янсен прав, подумал он, и у него хватит смелости признать это. Если мы отправим консервную банку, и она не вернется, у меня не будет другого выбора, кроме как сделать вывод, что, по крайней мере, адмирал отрезана от отступления через терминал. Я всегда могу предположить, что это произошло, не жертвуя эсминцем, но это будет лишь предположение. Правда в том, что мне нужно какое-то подтверждение, и заплатить цену эсминца было бы намного дешевле, чем потерять всю целевую группу. Но скажем, я посылаю консервную банку и теряю ее, что мне делать дальше?

С одной стороны, с тысячами и тысячами ракетных подвесок, развернутых вокруг терминала Прайм, и с помощью энергетических батарей его собственных линейных крейсеров, готовых уничтожить любую вражескую единицу, появившуюся из него, его позиция была мощной. Действительно, против любой угрозы со стороны Аджая она была неприступной. Таким образом, он мог оставаться там, где был, до бесконечности, ожидая, не сможет ли Изотало обойти вокруг всего, что ей мешало - и, Боже, он надеялся, что она только блокирована! - в Аджая и вернуться к Прайму. Кроме того, оставаясь на месте, он продолжал держать терминал закрытым для оперативной группы манти, которая, вероятно, уже была вызвана к Прайму из Агуэды.

По крайней мере, пока они не появятся и не развернут свои проклятые подвески, чтобы взорвать нас всех в пыль, подумал он резко, еще раз уставившись на тяжелые крейсера, сохраняющие разумную дистанцию от его линейных крейсеров и Катафрактов.

С другой стороны, он был вице-адмиралом флота Солнечной Лиги. Вице-адмиралы не должны были сидеть с пальцем в зад, надеясь, что что-то придет, чтобы спасти их от принятия трудных решений. Что бы он ни выбрал, кто-то далеко-далеко в хорошем, безопасном офисе осудит его. Он знал это, и ему это не нравилось, но он заботился об этом чертовски меньше, чем об остальной части оперативной группы. Мысль о том, чтобы оставить их без поддержки, превращала его живот в вакуумную колбу. И все же он ничего не мог сделать, чтобы поддержать их, в то время как дальняя сторона терминала находилась в ста трех световых годах через эйнштейновское пространство.

Он отпил еще чая, думая об этом расстоянии. Он мог пройти в Аджай через нормальное пространство за чуть более, чем двенадцать с половиной дней, хотя он сомневался, что его единственная оперативная группа могла бы много сделать, чтобы изменить судьбу Изотало, даже если предположить, что она все еще будет в Аджайе через две недели. Нет, это было невозможно, по многим причинам. Но, по крайней мере, он должен был сообщить на Старую Землю о тревожной тишине остальной части ОГ 1027. Только ему действительно нечего было сказать адмиралу Кингсфорду, не так ли? "Они вошли в терминал и больше не выходили" не было чертовски большим куском информации.

Нет, это не так. Он должен знать об этом, потому что, если манти действительно придумали какую-то мышеловку - мышеловку, так хорошо спрятанную, что три эсминца, размещенными специально, чтобы следить за этим, не увидели ее - которая могла... помешать адмиралу вернуться в Прайм, это может быть не единственное место, где они это сделали. Его глаза стали мрачнее. И возможно, она не единственная, с кем они это сделали.

"Мы должны отправить курьера обратно в Винкот для Адмиралтейства," - сказал он тихо. "Я знаю, что мы немного можем им сказать на данный момент, но если что-то случилось с адмиралом Изотало, они должны об этом знать."

"Согласен, сэр. Но отправляем ли мы курьера сейчас или еще немного подождем, надеясь, что кто-нибудь вернется и расскажет нам, что происходит?"

"Я не знаю." Сантини отпил еще чая, затем поморщился. "Нет, я знаю," - сказал он. "Мы подождем двадцать четыре часа. Если мы отправим кого-нибудь обратно в Винкот до этого, какой-нибудь идиот где-нибудь в цепи командования решит, что мы поспешили, потому что слишком испугались." Он снова поморщился, сильнее. "То, что мне кажется, что я действительно испуган, не заставляет меня больше хотеть дать этому идиоту какое-то оружие, если я не обязан делать это. Если мы подождем Т-день, это будет хороший, солидный интервал. Достаточно большой, чтобы показать, что мы тщательно обдумали это, прежде чем сделать то, что, как мы уже знаем, нам, черт побери, нужно делать. И не похоже на то, что что-нибудь подкрадется к нам здесь, на этой стороне терминала, не так ли?"

"Нет, сэр," - согласился Василиу.

"Тогда пусть Шейла и Франциска соберут для нас полный файл, все тактические данные от Шейлы и всю коммуникационную цепочку от Франциски."

Василиу кивнул. Коммодор Шейла О'Рейли была оперативным офицером ОГ 1027.3, а капитан Франциска Ридольфи - офицером связи штаба Сантини.

"Я хочу получить лучший анализ, который Шейла может дать нам, и я хочу увидеть его, прежде чем я напишу итоговое сообщение об этом." Он покачал головой и снова посмотрел на

дисплей. "На самом деле, я надеюсь, черт возьми, что адмирал вернется целой, прежде чем я отправлю это."

"Проблема, - он снова повернул голову, чтобы встретиться взглядом с Василиу, - в том, что я чувствую себя, как мальчик дома, в Фарадее, на кладбище в полночь."

* * *

"Я думаю, что время пришло," - сказал сэр Мартин Лессем.

Коммандер Тури посмотрел на него через стол в его столовой, и коммодор пожал плечами.

"То, что никто не пришел из Аджая, наводит на мысль, что коммандер Менендес и ее люди довольно убедительно пнули их задницы." Он остановился, изогнув бровь, и Тури кивнул. "Ну, я надеялся, что тот, кого они оставят в командовании на этой стороне, окажется достаточно глупым - или достаточно нетерпеливым - чтобы пробиться туда, пытаюсь выяснить, что произошло. Очевидно, он слишком умен, чтобы делать это. Так что, если он не собирается нас обязывать, сунув голову в петлю, полагаю, пришло время для Дескабелло."

Тури задумчиво сжал губы, затем кивнул. Он подумал, понимал ли Лессем, насколько полно он обнаружил отвращение, лежащее под его профессионализмом, когда он называл свои оперативные планы. Дескабелло был смертельным ударом - вторым, перерезающим позвоночник смертельным ударом, если первый был неуклюжим и неудачным - в древней традиции боя быков, которая была возрождена в некоторых из упадочных Миров Центра. Лессема затащили на один из них до войны, когда он был назначен военным атташе в системе Севастополь, и "глубоко противно" было бледной тенью его реакции на это.

Что не означало, что "Дескабелло" не было совершенно подходящим словом для плана действий, который оно обозначало.

Хотя пока в его действиях не было чего-то неуклюжего или неудачного.

"Хорошо," - сказал коммодор. "Пойди и скажи Тому выполнить его через... - он проверил свой хронометр - двадцать минут."

"Да, сэр," - тихо сказал коммандер, отодвигая свой стул от стола. "С вашего разрешения, сэр, я сделаю это лично."

"Хорошо." Лессем кивнул, и Тури ненадолго встав смирно, повернулся и вышел из столовой.

Лессем наблюдал, как люк закрылся за ним, затем взял свой бокал и снова отпил. Дорогой портвейн на его языке казался уксусом, и он опустил стакан с отвращением.

"Я скучаю по тебе, Сара Кейт," - подумал он, глядя на портрет на переборке. "Я скучаю по тебе по многим причинам, но сейчас мне нужен кто-то, с кем я могу поговорить, кто не является одним из моих офицеров. Кто-то, кто позволит мне положить голову на колени и сказать ей, что я чувствую себя убийцей."

Он закрыл глаза, вспомнив свое воодушевление, когда он и его люди танцевали вокруг очевидно умного, компетентного противника. Вспоминая, каким умным он себя чувствовал, когда понял, что Менендес и ее ЛАКи, должно быть, избежали обнаружения эсминцами, которых послали солли. Он точно предсказал, что будут делать солли, и они сделали это, потому что именно это делают компетентные люди, которым не хватает критических знаний... и то, что никто из них не вернулся, означало, что никто из них никогда не вернется.

Что должно было происходить на борту этих кораблей в те мимолетные секунды, когда они должны были понять, во что они только что приплыли? Они сделали все правильно... и они были так же мертвы, в столь же ошеломляющих количествах, как если бы ими командовал Джозеф Бинг, Сандра Крэндалл или Массимо Филарета.

И кто бы ни командовал палачами на ЛАКах, он был тем, кто их убил. Это чувство было почти хуже всего, но не совсем.

Нет, худшая часть этого - та часть, чтобы спастись от которой он нуждался в Саре Кейт, - это страх, что в предстоящие месяцы и годы он научится забывать ужас этого... и вспомнит о нем с гордостью.

* * *

Шрайки и Катаны в Аджае были не единственными ЛАКаами, которые ФСЛ не смог обнаружить. Три сменных модуля Дэвида К. Брауна были сконфигурированы как склады боеприпасов, заполненные подвесками Марк 23 и Марк 16, но четвертый был предназначен для поддержки трех полных эскадрилий ЛАКов в дополнение к восьми ЛАКаам его основной небольшой эскадрильи.

Чтобы быть справедливым, была еще лучшая причина, по которой ОГ 1027.3 не обнаружила смертоносных рыбешек здесь, на праймской стороне терминала. КБП сбросил все сорок четыре его кораблика за семнадцать миллионов километров от терминала, на стороне, самой далекой от тяжелых крейсеров Лессема, по пути к точке встречи в трех световых днях в межзвездном пространстве. На этом расстоянии супердредноут был бы невидим с опущенным клином, даже не в режиме скрытности, а Шрайки был намного скрытнее, чем любой супердредноут.

Теперь сверхсветовой коммуникатор эскадры 912 отправил им одно кодовое слово "Дескабелло". Потребовалось более двадцати шести минут, чтобы это сообщение дошло до них, но они знали, что делать, когда оно появилось.

* * *

"Подходим к отметке, сэр," - тихо сказал командер Возняк через шестьдесят одну минуту после отправки передачи, и сэр Мартин Лессем отвернулся от главного дисплея и подошел к своему командному креслу. Он уселся и методично развернул свои дублирующие дисплеи. Затем он кивнул Возняку, и операционный офицер посмотрел на Ранальда Кивлочана.

"Выполняйте с отметки," - сказал он.

"Есть, сэр. Выполняю с отметки."

Все на флагманском мостике Класа Флеминга знали, что точное время не было жизненно важно в этот раз, но они были Королевским флотом Мантикоры, и это - с Божьей помощью - означало, что они будут делать все точно.

"Готовность," - официально ответил Кивлочан.

"На счет десять," - сказал Возняк, считывая индикатор времени с уменьшающимся значением, когда маневр уже зафиксировался в компьютерах корабля. "Девять ... восемь ... семь ... шесть ... пять ... четыре ... три ... два ... один ... выполнять."

Клас Флеминг и его спутники исчезли в гипер.

* * *

"Изменение статуса!" - объявил наблюдающий рядовой в БИЦ КФСЛ Колосс. Он повернулся к вахтенному офицеру с напряженным выражением лица. "Мэм, манти только что совершили переход в гипер."

* * *

"Просидев там все это время, они вдруг решили двигаться," - прорычал Хельмут Сантини. Он как раз собирался пойти в душ, когда сообщение от БИЦ дошло до них. Теперь он стоял в халате, сердито глядя на изображение Василиу на экране комм своей спальной кабины.

"Боюсь, что так, сэр." Василиу посмотрел на что-то, находящееся за пределами поля зрения камеры. "Они ушли примерно три минуты назад, сэр."

"С ускорением в шестьсот g в нормальном пространстве?" - спросил Сантини. Он и его штаб решили принять это за базовое ускорение для своих расчетов.

"В течение восемнадцать минут, сэр."

"Отлично. Запускайте генераторы для перехода десять секунд спустя." Сантини тонко улыбнулся. "Я не думаю, что он захочет привести крейсера на расстояние действия энергетического оружия линейных крейсеров, даже если ему удастся совершить свой альфа-переход так близко. Итак, он собирается вернуться куда-нибудь в радиусе действия ракет, но если он сможет доставить ракеты в космос и ударить нас ими в течение десяти чертовых секунд, нам лучше подготовиться к капитуляции уже сейчас!"

Выражение лица начальника штаба показало, что он не обрадовался такому обороту фразы своего адмирала, но он кивнул.

"Да, сэр. Я понимаю."

* * *

Шестнадцать минут спустя безукоризненно одетый в скафандр вице-адмирал Сантини вышел на флагманский мостик. Офицеры и рядовые встали смирно, но он махнул им вернуться обратно к консолям, подошел к своему командному креслу и уселся.

"Статус, адмирал Василиу?"

"Готовы к гиперпереходу через... девяносто пять секунд," - ответил Василиу. "Все боевые станции кораблей в готовности."

"Хорошо." Сантини слабо улыбнулся. "Я с нетерпением жду, чтобы позволить им на этот раз потратить несколько ракет!"

"Да, сэр, и..."

"Гиперслед!" - крикнул коммодор О'Рейли из тактической секции. "Многочисленные гиперследы на расстоянии два-точка-один миллиона километров!"

"Уже?" Сантини посмотрел на репитер, развернутый у его командного кресла, и нахмурился. Манти сильно испортили свой переход, если они пытались выйти на расстояние удара, прежде чем он уйдет в гипер. Фактически, они были на расстоянии более миллиона километров от его позиции. Это было все еще глубоко в радиусе достижимости их ракет, но на этой дистанции время полета было бы более шестидесяти восьми секунд, что на двенадцать секунд дольше, чем требовалось его Невадам, чтобы выйти в гипер из режима готовности.

"Отменить переход, но быть готовым к перезапуску!" - резко сказал он.

"Отменить переход, есть, сэр," - отозвался О'Рейли, и Сантини посмотрел на Василиу с кривой улыбкой.

"Кажется даже хваленые манти могут облажаться," - заметил он. "Как вы думаете, они пойдут вперед и запустят ракеты?"

"Не знаю, сэр," - ответил начальник штаба с ответной улыбкой. "Думаю, как то затруднительно для них, я полагаю."

Сантини усмехнулся, хотя никто из них не думал, что ситуация была особенно смешной. Да, манти облажались, но это не исправляло ничего, что случилось с адмиралом Изотало - что бы с ней ни случилось. Тем не менее, это по крайней мере дало оперативной группе Сантини возможность немного позаботиться о себе. Это может быть только моральной победой, но доказательство для своего народа, что даже манти могли совершать ошибки, не было чем-то смешным после того, что в конце концов выглядело, как очередной разгром.

"Хорошо, следи за ними," - сказал Сантини О'Рейли. "В тот момент, когда они запустят ракету или перейдут в гипер снова, запускай часы генератора."

"Да, сэр."

"А тем временем, я думаю..."

КФСЛ Килкис взорвался со всей командой.

* * *

ЛАКи Дэвида К. Брауна вышли из темноты, как демоны. Они начали ускоряться с неторопливыми - для Шрайков - 317,75 г с того момента, как получили кодовое слово. С таким ускорением, менее половины от их максимального, и учитывая их системы скрытости, их практически невозможно было обнаружить на любом расстоянии, превышающем миллион километров, но они выключили клинья через сорок пять минут. К этому времени они достигли скорости в 8143 км/сек и прошли 11 358 050 километров, почти до шести миллионов километров от линейных крейсеров Сантини. Им потребовалось еще двенадцать минут, чтобы выйти на дальность атаки, пока все внимание ОГ 1027.3 было приковано к маневрам мантикорских тяжелых крейсеров. Никто не смотрел в противоположном направлении на корабли, о существовании которых они не знали и не могли видеть, даже если бы смотрели.

Их было только сорок четыре, но они столкнулись с неподвижными целями, которых они непрерывно отслеживали с того момента, как Брауни запустил их, благодаря платформам Призрачный Всадник, все еще контролирующим терминал. Они точно знали, где находятся их цели, и пошли на убийство без малейшей пощады.

Сэр Мартин Лессем наблюдал на сверхсветовом дисплее, как его пираньи окружили своих гораздо более массивных противников в безумном разрушающем поедании. Разница тоннажа была огромной: 891 000 тонн ЛАКов против 17,3 миллиона тонн соларианских военных кораблей, не говоря уже о еще 30 миллионах тонн кораблей поддержки. Но тоннаж не имел значения. Имели значение неожиданность, свирепость и огневая мощь, и дисбаланс в этих качествах не благоприятствовал соларианскому флоту в этот кровавый день.

Восемь тысяч километров в секунду не были огромной скоростью сближения по меркам боя в глубоком космосе, но этого было достаточно, чтобы ЛАКи полностью прошли через зону действия энергетического оружия менее чем за две минуты. Они открыли огонь на расстоянии пятисот тысяч километров; шестьдесят одну секунду спустя они прошли прямо через сердце того, что было группой Хельмута Сантини, и эти шестьдесят одна секунда были минутой безудержной бойни.

В конце концов, семь из пятидесяти космических кораблей ОГ 1027.3 и ОГ 1027.4 - все эсминцы - сумели запустить свои гипергенераторы и сбежать до того, как ЛАКи смогли добраться до такой незначительной цели. Горстка их менее удачливых спутников фактически выжила, хотя и с жестокими разрушениями, но только потому, что шкиперам ЛАКов было поручено обездвижить, а не уничтожить как можно больше солариан. Они старались изо всех сил и хорошо выполняли свою работу, эти шкиперы, но гразеры такой мощности не были точным оружием. Точнее, они были высокоточным оружием, но это была точность цепной пилы, а не скальпеля, и их цели были только линейными крейсерами.

Определенное количество... разрушений было неизбежным.

Коммодор Лессем наблюдал за кровавой бойней, смотрел, как полдюжины соларианских беглецов исчезают в гиперпространстве, и слышал аплодисменты на своем флагманском мостике. Они звенели в его ушах, и он заставил себя улыбнуться в ответ, но это было трудно.

Он назвал это "Дескабелло", и он был прав.

Это на самом деле была идеальная битва с его точки зрения. Ни одной мантикорской потери -

по крайней мере на этой стороне терминала - в обмен на полную победу.

Так почему же он чувствовал себя гораздо более похожим на мясника, чем на офицера королевы?

Может быть, Сара Кейт сможет помочь ему ответить на этот вопрос... когда-нибудь. Но когда-нибудь было не сегодня, и он возвысил свой голос.

"Хорошо, Рэнди. Это был прекрасный микро-прыжок, но если тебе все равно, я думаю, мы просто доберемся до терминала через нормальное пространство." Он показал свои зубы и усмехнулся. "Я считаю, нам нужно подобрать несколько военнопленных."

Офис директора по исследованиям

Башня Грегор Мендель

Город Леонард

Система Дариус

"Сэр, мистер Чернышев здесь," - объявил офисный искусственный интеллект.

"Хорошо, Сократ! Впусти его," - ответил Даниэль Детвейлер.

Большинство его братьев - Эверетт был исключением - предпочитали человека в приемной. Отчасти это было связано с тем, что штатный сотрудник был престижным символом даже на Мезе, но Даниэль был готов признать, что это был не просто социальный снобизм с их стороны. Как и их отец, Альбрехт, они ценили интуитивную и эмоциональную обратную связь человеческого интерфейса, взаимодействующего с другими людьми, с которыми они общались на повседневной основе. Даже лучший ИИ не был таким хорошим... фокусирующим объективом, как высокоинтеллектуальный, обученный, опытный, по-настоящему самоосознающий человек. Конечно, "очень умный" было самым важным, и Даниэль должен был согласиться, что это работает для них. Но он сильно подозревал, что настоящая причина в том, что большинству из них нравились люди. Им было удобно иметь с ними дело. На самом деле, они действительно наслаждались этим. Но он и Эверетт были технологическими занудами в семейной команде, и ни один из них не был так хорош в человеческих взаимоотношениях, как их братья и сестры.

Даниэль часто думал, что это немного странно, поскольку он и его братья - и Альбрехт, если на то пошло - разделяли одни и те же гены. Несмотря на это, они развили разные черты характера - часто поразительно разные - как подарок от своих родителей. Альбрехт и Эвелина изо всех сил старались отличить их друг от друга в детстве, и хотя Даниэль с самого начала не был предназначен для своих нынешних обязанностей, его интересы в этом направлении поощрялись с самого раннего возраста.

Он лично разработал "блестящую программу", которая позволяла Сократу, его офисному ИИ, симулировать самосознание почти без проблем. Возможно, это удалось бы еще лучше, если бы сам немного лучше взаимодействовал с людьми, но это все же было впечатляющим достижением. Однако именно это "почти" заставило таких людей, как Коллин и Бенджамин, которые должны были тесно сотрудничать со своими коллегами-людьми, не заказывать собственного Сократа. Коллин поиграл с этой идеей, так как его роль в качестве начальника разведки Мезанского Согласия означала, что у него было еще больше секретов, чем у других

его братьев. Идея сказать своему "штабу" что-то забыть и знать, что это на самом деле стерто из памяти, была привлекательна для Коллина. Тем не менее, Коллин был Детвейлером, которому больше всего нужно было знать о человеческих слабостях своих подчиненных.

Дверь кабинета открылась, и он встал, остановив ход своих мыслей и протянув руку, когда Руфино Чернышев, который унаследовал обязанности Изабель Бардасано в качестве директора по операциям Коллина, прошел в нее.

"Доброе утро, Руфино," - сказал он.

"Доброе утро, Даниэль," - ответил Чернышев. Высшие эшелоны Мезанского Соглашения не уделяли много внимания формальностям. Не то чтобы стоял какой-то вопрос о том, кто где находится в иерархии. Фактически, Даниэль скорее думал, что именно ясность, с которой это понималось, позволила неформальности работать так хорошо. "Спасибо, что приняли меня."

"Вы указали определенную срочность," - ответил Даниэль, указывая на кресла в углу просторного офиса с высокими потолками.

Чернышев повиновался молчаливому приглашению, и они оба уселись в почти греховно удобные кресла. Вся внешняя стена офиса Даниэля была одним куском кристопласта, и вид на город Леонард и его десять миллионов жителей захватывал дух прекрасным весенним утром.

"Кофе?"

"Пожалуйста." Чернышев кивнул. "Черный, один сахар."

"Ты слышал, Сократ?"

"Да сэр. Он прибудет через сто двадцать три секунды."

"Спасибо," - сказал Даниэль. Затем посмотрел на Чернышева, когда агент усмехнулся. "Что?"

"Просто думаю, что у вашего кибернетического друга может быть слишком много точности в его коде."

"Поверь мне, в моей работе нет такого понятия, как "слишком много точности". Я полагаю, что, как и Коллину, тебе нужно немного больше... неопределенности. Немного больше свободы для поощрения синергетических ассоциаций в мыслительных процессах, я полагаю. Мозговой штурм тоже важен для НИОКР, но я думаю, что еще более важно, чтобы информация передавалась как можно точнее и с минимальной неопределенностью."

"Вы знаете, я не думаю, что когда-нибудь думал об этом в таком ключе," - сказал Чернышев. "Ясность важна и для моей линии работы тоже, но вы правы, по крайней мере, в одном смысле. Слишком большая ясность означает, что люди, с которыми я общаюсь или чьи доклады я читаю, пытаются подогнать данные под аккуратную - или, по крайней мере, ясно и кратко объяснимую - модель, даже если они сами не осознают этого. И когда это происходит, весь набор данных компрометируется."

"Это потому, что вы имеете дело с человеческими существами, а они являются естественной хаотической системой," - заметил Даниэль. "Если вы пытаетесь контролировать хаос, вы автоматически отбрасываете куски данных, и то, что вы отбрасываете, может оказаться тем, в

чем вы больше всего нуждаетесь."

"Это то, о чем я думал, и..."

Чернышев замолчал, когда дверь кабинета снова открылась, и бесшумный поднос с антигравом переместился в их угол с графином кофе, двумя чашками и всеми приправами, которые могут потребоваться кофеиновым наркоманам. Он аккуратно остановился около Даниэля, и он налил кофе им обоим.

"Ну, - сказал он, откинувшись назад со своей чашкой, пока его посетитель добавлял сахар, - для чего вам нужно было увидеть меня?"

"На самом деле, я, вероятно, должен был сказать это вам раньше," - ответил ему Чернышев вежливым оживленным тоном. "Со смертью Изабель, операцией "Янус", ядерной бомбой в Грин Пайнс, а теперь и с Гудини у меня было много всего на тарелке. Боюсь, я не читал все эти отчеты так быстро, как следовало бы, и этот только сейчас попал на мои глаза."

"Не нужно извиняться за это." Даниэль покачал головой, выражение его лица на мгновение стало мрачным.

Иногда он больше, чем обычно, хотел оставить разведку и тайные операции Коллину, и это было определено такое время. Он не мог спорить с необходимостью ускорить эвакуацию внутренних слоев луковицы - руководства Согласия, которые знали правду о тайной организации, скрытой в еще более крупной тайной организации - из системы Меза. Раздражающе настойчивое выживание Виктора Каша и Антона Зилвицкого перешло из состояния "скверное" в "дерьмовое" в тот момент, когда они вернулись домой в Мантикору и Хевен с даже неподтвержденными свидетельствами существования Согласия.

Из-за того, что военная ситуация качнулась в пользу Мантикоры и ее союзников гораздо сильнее и быстрее, чем это допускалось в их первоначальных прогнозах, рапорт Каша и Зилвицкого означал, что было лишь вопросом времени - и, вероятно, не слишком большого - когда "Большой Альянс" займется вторжением в Мезу, чтобы вытащить Согласие из тени. К счастью, Альбрехт, Коллин и Бенджамин задолго планировали эту непредвиденную ситуацию, но выполнение операции Гудини в столь сжатые сроки означало, что "сопутствующий ущерб" может привести к сотням тысяч - возможно, даже миллионам - дополнительных смертей.

Кто это был перед расселением, кто сказал: "Одна смерть - это трагедия; миллион смертей - это статистика"? Умом я не могу спорить с этим. Но эмоционально? Нет. Коллин и папа могут вынести это. Я буду занудой и спроектирую оружие, чтобы превратить как можно больше людей с другой стороны в статистику.

"Может быть и нет нужды извиняться, - сказал Чернышев, - но это не значит, что мы можем позволить себе пройти мимо расползающихся швов. Что и привело меня к этому."

Он извлек чип данных из внутреннего кармана своего кителя и протянул его.

"Я мог бы отправить вам сообщение, я знаю. Но я хотел убедиться, что оно не застрянет где-то в недрах вашей очереди Немедленных Дел, как это случилось со мной. И я подумал, что если у

вас возникнут какие-то вопросы, я должен быть здесь, чтобы ответить на них."

"И что там?"

"Это, - Чернышев кивнул в направлении чипа на ладони Даниэля, - отчет одного из наших агентов в Силах системной обороны Беовульфа. Он недостаточно высокого ранга, чтобы иметь доступ к техническим характеристикам того, о чем он говорит, но его описания того, что это делает, вероятно, достаточно, чтобы заинтересоваться. Он говорит о чем-то, что называется "Майкрофт"."

"Майкрофт?" - повторил Даниэль.

"Да." Выражение лица Чернышева стало смертельно серьезным. "Майкрофт - причина, по которой манти и их друзья очень скоро смогут полностью вывести свои боевые флоты из Мантикоры, Беовульфа, Хевена и Грейсона."

"Прошу прощения?"

Даниэль сел прямо, обе брови поднялись. Большая часть внушительной ударной мощи Большого Альянса была собрана в его Большом Флоте, который в настоящее время размещен в Мантикоре, и одна мощная оперативная группа выдвинулась в Беовульф. Или, скорее, прикрывала терминал Беовульфа Мантикорского тоннельного узла и оставалась в стороне от орбиты Беовульфа, чтобы избежать любой видимости принуждения в приближающемся плебисците звездной системы. Несмотря на это, где-то около трети всех кораблей стены союзников было распределено, прикрывая их домашние звездные системы против повторения атаки Ойстер Бэй Соглашения или более успешного повторения попытки Массимо Филареты атаковать двойную систему Мантикоры. Если бы они могли созвать и сконцентрировать все эти дополнительные корабли стены...

"По сути, Майкрофт представляет собой обновленную версию хевенитской системы Мориарти с предварительно развернутыми ракетными подвесками и рассредоточенным комплексом станций управления," - ответил Чернышев. "Но похоже, что они соединили эту концепцию с Аполлоном манти и их проклятыми платформами Призрачный Всадник. Я уверен, что вы сами можете понять, что такое управление огнем и, скажем, восемьдесят или девяносто тысяч ракетных подвесок системной защиты могут сделать с любыми атакующими силами."

Челюсти Даниэля сжались. Он действительно мог понять это. Такие слова, как "аннигиляция", приходили на ум с большой готовностью.

"Сейчас, я знаю, мы не планируем в ближайшее время сунуть носы обратно в Мантикору или Хевен, даже с кораблями с паучьим приводом, но солли собираются сделать именно это. Идея Кингсфорда о коммерческом рейдерстве была хороша, хотя я думаю, что наш скромный вклад в оперативное мышление Флибустьера вскоре укусит его в задницу. В конце концов, однако, им придется снова отправиться в защищенное пространство, и если они получат очередной разгром Одиннадцатого флота, война может закончиться намного раньше, чем нам хотелось бы. Поэтому, когда я сказал об этом Коллину, он предложил мне подойти сюда и поделиться этим с вами."

"Он думает, что нам нужно объединить то, что мы знаем - а солли нет - о технологиях манти, с этой новой информацией и придумать какое-нибудь средство против этого, а затем передать

его Технодаину?"

"Именно так. И на этом чипе есть также некоторая информация, которую я попросил людей Бенджамина вытащить для меня - довольно подробное описание того, что манти придумали против Мориарти. Они назвали это "Омела", и Бенджамин считает, что это может быть хорошей отправной точкой для некоторых из тех мозговых штурмов, которые вы упомянули несколько минут назад."

Башня Тардуччи

Город Аппродо

Система Дженовезе

"Итак, адмирал," - сказал комиссар Хирокичи Флойд, когда его дворецкий налил послеобеденное вино, поставил бутылку рядом с ним и удалился. "Полагаю, вы хотите отправиться и продолжить это дело?"

"Во всяком случае, мы готовы, комиссар," - ответил вице-адмирал Хайду Гьезо. Он поднял свой бокал и отпил, затем поставил его обратно с довольно напряженной улыбкой. "Смена целей в такой поздний срок представляла собой некоторую проблему, так как все наше планирование было сосредоточено на Экзапии. Но на самом деле параметры операции не сильно изменились." Он пожал плечами. "Больше дел было с вводом новых имен и адресов, чем с противостоянием любым новым угрозам или проблемам логистики. Мы завершили все наши приготовления и предоперационное планирование, и мы уйдем в четверг в ноль семь тридцать. А потом?" Он снова пожал плечами.

"После этого, адмирал, - Флойд сверкнул пронзительными зелеными глазами, - Флибустьер научит чертовых манти и их жополизов, что, как говорил мой дядя Чоджиро, когда ты трахаешься с быком, ты получаешь рога."

"В самом деле."

Адмирал Хайду снова улыбнулся. Это было нелегко, потому что на самом деле он хотел закатыть глаза. В отличие от Флойда, который был произведением одной из мегаполисных башен Старой Земли, Хайду родился и вырос на планете Кришул Негру на коровьем ранчо площадью двенадцать тысяч гектаров. Он скорее сомневался, что "дядя Чоджиро" имел какой-либо личный опыт общения с разгневанным быком в результате какого-то сексуального извращения, и - лично не раз имея дело с очень разгневанным, генетически улучшенным быком Кьянина весом в две тысячи килограмм - он всегда ненавидел это конкретное клише и людей, которые, казалось, так его любили.

С другой стороны, племянник дяди Чоджиро заслуживал ненависти.

"Высокомерные ублюдки заслужили это," - продолжил комиссар. Он осушил свой бокал в один глоток и наполнил его из бутылки, даже не отводя взгляда от Хайду. "Бог знает, сколько людей

они уже убили!"

"В самом деле," - повторил Хайду. Он обнаружил, что этот уклончивый ответ полезен при общении с людьми, которые обязательно истолкуют его как согласие с тем, что, черт возьми, они только что сказали.

"Я с нетерпением жду вашего отчета после операции, адмирал." Флойд показал зубы. "Хотя я не думаю, что кому-то в Мантикоре понравится читать его!"

"В самом деле," - сказал Хайду еще раз и мысленно покачал головой, когда повторения не насторожили Флойда. Это было еще одно, для чего это слово было хорошо. Количество повторов, которое можно было сделать без ответной реакции, было верным барометром глупости аудитории. И несмотря на вводящее в заблуждение впечатление острой мысли, производимое сверкающими глазами комиссара, адмирал подозревал, что он может установить новый рекорд с Флойдом, если постарается.

Комиссар лишь широко улыбнулся ему, но Хайду напомнил себе, что тот факт, что Флойд был глуп, не означал, что он не мог быть опасен в византийской борьбе окопавшейся бюрократии Солнечной Лиги. Кто-то с его выдающейся некомпетентностью не смог бы удержать губернаторство сектора, даже такого бедного, как сектор Дженовезе, если у него не было правильных инстинктов подковерной борьбы и покровителей на высоком уровне. Он был не из тех, с кем благоразумный флаг-офицер стал бы ссориться. А жаль, учитывая его послушный список.

Я согласен с ним в том, что манти нужно дать пинок или даже три, подумал Хайду, улыбаясь в ответ. Я не в восторге от изменения целей нашей группы, как и некоторые из моего штаба, но я не собираюсь проливать много слез из-за этого. Все приятели манти, которых я перееду по пути, должны только посмотреть в зеркало, чтобы увидеть, кто наклеил мишень на их спину, и забота об их интересах нигде не описана в моих инструкциях. Я не больше стремлюсь уничтожать звездные системы, чем любой человек, но я - соларианский офицер. Я предан Лиге и ее жизненным интересам, а не их интересам, и то, что заставляет сторонников манти - любых их сторонников - переосмыслить свои позиции, не может быть плохим.

И что бы я ни думал о Флойде, он прав относительно этой операции. Ноздри Хайду чуть-чуть раздулись - изменение выражения, в котором его штаб тотчас признал бы его эквивалент ненормативной лексики - при этой мысли. Нейтральные неоварвары - это одно, но тот, кто решит нанести удар Лиге в спину, когда он обязан представлять ее, заслуживает все, чего ни получит. Сполна.

В то же время даже этот кретин должен понимать, что не только манти теряют людей. Манти могут и нажимать на курок, это справедливо, губернатор. Это такие идиоты, как ты - и некоторые другие идиоты в Старом Чикаго - продолжают толкать наших людей перед собой, когда манти это делают!

Справедливости ради, Флойд еще не убил никого ... пока. Не потому, что не пытался. И хотя никакой реальной крови не было пролито, было много других последствий, включая внезапный конец карьеры одного из друзей Хайду. Лиам Пьюн заставил Флойда выглядеть плохо пять месяцев назад, проявив моральное мужество не подчиняться прямым (и самоубийственным) приказам губернатора в системе Занкер, а в Солнечной Лиге ставить в неловкое положение начальника - особенно того, кто это заслужил - было поистине непростительным грехом.

Я уверен, что он хотел бы, чтобы мы отправились обратно в Занкер, чтобы выбить манти, которые помогли унижить его, но, возможно, даже он достаточно умен, чтобы понять, что реальная основа для выбора цели - ударить манти, не сталкиваясь с ними один на один.

Не сейчас, во всяком случае.

"Полагаю, я не должен был говорить этого, адмирал, - продолжил комиссар, как человек, доверяющий близкому другу, - но есть часть меня, которая действительно надеется, что они будут настолько глупы, чтобы отказаться от ваших требований. Я не хочу, чтобы кого-нибудь убили, но... - он сильно постучал указательным пальцем по столу, чтобы подчеркнуть - в это чертово время люди должны понять, что есть последствия от поддержки таких преступных режимов, как Мантикора."

"В самом деле," - ответил вице-адмирал Хайду.

КЕВ Фантом

Оперативная группа 110

Система Беовульф

"Я только что разговаривал с адмиралом Трумэн," - сказал контр-адмирал Ян Котоуч мужчинам и женщинам за столом комнаты брифингов на борту КЕВ Фантом.

Линейный крейсер класса Ника, которому едва исполнилось семь месяцев, построенный компанией Верфи Пардубице в их модуле на станции Гефест, был 2,5 миллионами тонн смертоносности, самым быстрым и сильно вооруженным кораблем в галактике. Королевскому флоту Мантикоры было нужно в десять раз больше таких, чем было на самом деле, и при других обстоятельствах он имел бы большинство из них. К сожалению, почти восемьдесят таких кораблей умерли не родившись, когда Удар Явата разорвал Гефест и Вулкан на части.

Котоуч даже лучше, чем большинство из них, осознавал ужас потери этих мертвых кораблей, поскольку он должен был командовать целой эскадрой из них. Однако эта эскадра погибла вместе с Гефестом, а также со слишком многими мужчинами и женщинами, с которыми он уже познакомился. Восемьдесят пять процентов шеститысячного персонала эскадры находились на борту кораблей или в другом месте Гефеста, готовясь забрать свои новые корабли у рабочих верфи.

Никто из них не выжил.

Заколдованный корабль, подумал он, глядя на окутанную призрачную фигуру на гербе Фантома, установленном на переборке. Во всяком случае, так его называют. А кто знает? Они могут даже быть правы.

В отсутствие других Ник в эскадре Адмиралтейство построило ему замену из Саганями-С и Саганями-В с упором на последних. Чарли были почти такими же востребованными, как и сами Ники, и его предупредили, что ему повезет, если он увидит хоть один полный дивизион из них. К сожалению, пройдет еще как минимум две Т-недели, прежде чем он узнает, сколько из них он получит. Хотя он был официально назван командующим (временно), оперативная группа

110.2, которая в конечном итоге должна быть карманной оперативной группой - для одной части кармана большого размера - на данный момент у него были только Фантом и крейсера Саганами-В класса Чинкуэда, Сикомидзуэ и Тальвар, поддерживаемые одним эсминцем класса Роланд, КЕВ Арнгрим. На прошлой неделе он должен был получить НЛАК Вукодлак, но за две недели до этого он пострадал от аварии в главном инженерном помещении импеллера, и верфям Беовульфа понадобится еще как минимум десять дней, чтобы вернуть его в строй. Фактически, десять дней были бы чем-то вроде чуда, учитывая, что они должны были заменить не менее четырех из его кормовых бета-узлов.

Таким образом, на данный момент он был командиром оперативной группы всего с пятью кораблями под его командованием.

"Адмирал, - продолжил он, - только что закончила разговор с государственным директором Лонгакре, а государственный директор Лонгакре только что закончил разговор со специальным представителем Ламброу и специальным представителем Цакабику. По этой причине адмирал Трумэн говорила со мной и по той же причине я говорю с вами."

Он улыбнулся без особого юмора.

"У нас есть приказы о передвижении, люди," - сказал он, и несколько его офицеров застыли в явном удивлении.

"Приказы о передвижении, сэр?" - повторил капитан Джим Кларк после кратчайшей паузы, и Котоуч улыбнулся чуть шире.

"Приказы о передвижении," - подтвердил он. "Очевидно, президент Вангелис изменил свое мнение о присутствии союзников в своей звездной системе."

Кларк откинулся на спинку стула с поднятыми бровями, и Котоуч пожал плечами.

"Нетрудно понять, почему его администрация не хотела, чтобы мы были там с самого начала, Джим," - отметил он. "Мы тщательно следили за тем, чтобы не размещать какие-либо подразделения флота на орбите Беовульфа во время дебатов по поводу референдума. У правительства Гипатии были еще более веские основания избегать каких-либо сообщений о том, что их голосование на референдуме было вызвано иностранными военными кораблями."

"Согласен, сэр." Кларк кивнул. "Мне просто интересно, что изменилось?"

"По словам Ламброу и Цакабику, изменилось то, что наиболее вероятные результаты референдума стали... совершенно ясными."

Контр-адмирал остановился и оглядел комнату, пока каждая голова не кивнула. Брэд Ламброу и Софрония Цакабику были назначены гипатийскими "специальными представителями" в Беовульфе. Технически, они были просто наблюдателями на плебисците в Беовульфе. Фактически они были послами Адама Вангелиса в звездной системе, с которой он намеревался заключить формальный политический союз, как только его референдум подтвердит его намерения, и закончится более поздний плебисцит Беовульфа.

"Очевидно, - продолжил Котоуч, - что-то новое было добавлено в смесь в Гипатии."

"Может быть этот разговор между МакАртни и Абруцци, сэр?" - спросил лейтенант Альбамонте, офицер радиоэлектронной борьбы Котоуча. Весть о просочившемся звуковом

обрывке - и первые намеки на резкую реакцию Гипатии на него - достигла Беовульфа более Т-недели назад.

"Похоже на это." Котоуч пожал плечами. "Никогда не стоит недооценивать чистую ярость, которую могут породить подобные разговоры, Пол, независимо от того, есть ли за этим серьезные намерения или нет. Я действительно сомневаюсь, что даже МакАртни или Абруцци думали, что им удастся как-то осуществить обезглавливание правительства Гипатии. Но имейте в виду, что они солли - и Мандарины, если на то пошло - так что все возможно. Но я совершенно уверен, что, если даже это их голоса, они никогда не собирались следовать этой чуши в реальной политике. Однако никто в Гипатии, похоже, не склонен сомневаться в этом, что с нашей точки зрения не так уж плохо. Моральное возмущение - очень... проясняющая вещь. Если бы у меня был доллар за каждый раз, когда эмоция была главной причиной - или, если уж на то пошло, стояла за причиной и адски толкала ее - я был бы Клаусом Гауптманом."

Несколько человек усмехнулись, и он улыбнулся. Затем выражение его лица стало серьезным.

"Было ли это упоминание о интервенционных батальонах или что-то еще, Ламброу и Цакабику сказали директору Лонгакре, что больше не вопрос, как пройдет референдум. Даже не вопрос, будет ли это внушительная победа. Единственный реальный вопрос в голове у Вангелиса сейчас - насколько победа внушительна.

Во всяком случае, он достаточно уверен в результате - и, я думаю, этот обрывок разговора заставил его достаточно нервничать по поводу того, как Мандарины, вероятно, отреагируют, когда услышат общий результат, - что он решил пойти дальше и пригласить нас прямо сейчас. Референдум назначен на следующую среду. Если мы уйдем в течение сорока восьми часов, мы попадем в Гипатию где-то в четверг. Это будет держать нас вне системы до тех пор, пока не будут подсчитаны голоса - или до тех пор, пока не будет подсчитано достаточно, чтобы, во всяком случае, точно спрогнозировать результат - но также закроет окно, в котором солли могут просто прогуляться в Гипатию без сопротивления."

"Сэр, я понимаю, о чем вы говорите." Коммандер Маркета Илькова, оперативный офицер ОГ 110.2 (временно), была на пять сантиметров ниже адмирала. Она была очень привлекательной, с рыжими волосами и острыми, умными сине-зелеными глазами. На самом деле Котоуч обнаружил, что она была более привлекательной, чем он мог бы пожелать, учитывая ограничения Статьи 119. Она также была по крайней мере настолько же компетентна, насколько привлекательна... и явно не в восторге от новости об их предстоящем отъезде. "Но мы по-прежнему вся целевая группа, которую вы получили."

"И нас более чем достаточно, чтобы устроить настоящий ад любой легкой эскадре солли, которая появится у нас на пути," - отметил Котоуч с чуть большей уверенностью, чем он на самом деле чувствовал. Затем он вздохнул.

"Адмирал Трумэн не ожидает, что мы задержим флот размером с флот Филареты или Крэндалл, Маркета, но директор Лонгакре высказал мнение - и это справедливо, люди - что, если Гипатия готова повесить большую мишень на свою грудь, стоя рядом с Альянсом, мы по крайней мере можем предоставить гражданам президента Вангелиса видимое и осязаемое доказательство того, что Альянс будет так же полон решимости заботиться о них, как мы должны заботиться о наших собственных звездных системах. Никто в Гипатии не ошибется, приняв пять кораблей - даже кораблей королевы - за флот системной обороны. Но то, что они

увидят, - это первые элементы оперативной группы, которая сможет защитить их, когда будет полностью собрана. И нам не помешает быть там, почувствовать системную астрографию и установить рабочие отношения с Вангелисом и его людьми, пока мы ждем, пока остальная часть группы присоединится к нам.

"Понятно, сэр," - сказала Илькова.

"Адмирал Трумэн уверяет меня, что она отправит еще как минимум четыре Браво в течение следующих семи или восьми дней. А через пару дней после этого Вукодлак должен выйти из верфи. Как только он закончит тестирование после ремонта, его отправят присоединиться к нам вместе с грузовиком или двумя с подвесками системной защиты. И к тому времени, когда он доберется до Гипатии, мы разработаем лучший способ его использования и будем готовы начать развертывание подвесок."

<http://tl.rulate.ru/book/29436/624407>